

Незавершенная Литургия — прот. Алексей Мокиевский

Роман прот. Алексея Мокиевского можно отнести к историческому жанру, однако в нем есть все: правда и художественный вымысел, чудо и фантастика. В 20-е годы прошлого века в одном из храмов Русского Севера прямо во время литургии Губчека арестовывает священника, и служба остается незавершенной...

[К читателям](#)

[Пролог](#)

[Глава 1. Благословенно Царство](#)

[Глава 2. ...Отца и Сына](#)

[Глава 3. ...И Святаго Духа](#)

[Глава 4. ...Ныне и присно](#)

[Глава 5. ...И во веки веков](#)

[Аминь](#)

[Об авторе](#)

Посвящаю моей терпеливой матушке Елене

К читателям

Дорогие братья и сестры! Уважаемые мои читатели! " Книга, которую вы держите в руках, является моей первой книгой, моим писательским дебютом. Это, однако, не означает, что раньше мне не доводилось ничего писать, просто она — первый мой труд, увидевший свет, первое серьезное, если не сказать фундаментальное произведение. А посему ценителей высокой литературы прошу отнести к нему как к «первому блину», который зачастую получается «комом». Тем же, кто не чужд духовности и кто, опуская несовершенство стиля, сможет заглянуть в глубину, книга подарит много интересных открытий. Причина, которая заставила меня сесть за эту работу, — неизбывная печаль о судьбах брошенных русских церквей, которых у нас, на Севере, особенно много. Эти полуразрушенные храмы, некогда бывшие оплотом духа, красотой и гордостью наших городов и сел, теперь стали памятниками нашего безумия. Они немые свидетели главной трагедии XX века — стремительного разрушения того мира, который строился без Бога, мира, казавшегося таким прочным и незбылемым. Могло ли быть иначе, если из его основания был извергнут тот краеугольный камень, на котором созидали наши предки, имя которому — Христос и Его Святая Церковь? Однажды мне довелось беседовать с пожилыми англичанами, с которыми я поделился своей болью. Они 7 меня не поняли: «Что в этом такого? У нас в Англии тоже много руин, остатков некогда величественных храмов и монастырей. Мы к ним привыкли. Их никто не рвется восстанавливать. Они ушли в историю, отслужив свой век, и теперь не более чем часть пейзажа. Мало того, иногда, для придания ландшафту некоторого шарма старины, у нас в парках и скверах строят (!)... руины». В этом разительное отличие нашей отеческой культуры от культуры западноевропейской. Русскому человеку физически больно смотреть на порушенные храмы, колокольни, торчащие из воды, на сорванные купола и кресты. Но если ограничиваться обычным, набившим оскомину нытьем, то этим уже никого не тронешь. В своей книге я попытался в непривычной форме напомнить о более высоком смысле «благостояния святых божиих церквей», чем простая потребность человека где-нибудь лоб перекрестить или поставить свечку. Это первое. А второе связано непосредственно с моим личным опытом священника. Мне, как православному пастырю, приходится много и разнообразно общаться с людьми. Этот бесценный опыт уже давно просился на бумагу. Но тривиальные мемуары вряд ли кого-то

заинтересовали бы, а вплетенные в канву художественной прозы, они послужили неплохим орнаментом основного повествования. Кроме того, здесь имеют место и автобиографические эпизоды, приведенные с той лишь целью, чтобы дать понять, как удивительно строятся судьбы людей Церкви (от них же последний ешь аз), как они приходят к Богу, зачастую не благодаря каким-то своим качествам и заслугам, а вопреки всему. Но при всей достоверности большинства описанных в книге фактов прошу отнестись к ней именно как к художественному изложению, не лишённому полета фантазии и доброго вымысла. Имена, названия или обстоятельства, которые показались вам знакомы, — всего лишь совпадения и не имеют ничего общего с реальными людьми, городами и событиями. И еще о чем хотелось бы предупредить, прежде чем вы начнете читать, — это постоянное присутствие чуда! Чудо, как норма духовной жизни, как удивительная обыденность существования православного человека, — главный лейтмотив повествования. Как писал архиепископ Никон (Рождественский; f 1918) в своей книге «Небесные утешения верующей души»: «История Церкви полна фактами столь поучительными, что никакая фантазия сочинителей... до них не додумается. Мы живем среди чудес. Много их было в недрах жизни церковной прежде, не оскудевают они и теперь. Ведь и то уже чудо, что мы живем, движемся, есьмы... Промысл Божий руководит всеми обстоятельствами нашей жизни, и то, что неверующие называют „случаем“, то для нас — дело Божия Промысла. Ведь и самое слово-то „случай“ означает только то, что человек не знает причины совершившегося, и только... А отрицать причину он никак не может. Этого не позволяет ему его здравый смысл, не позволяет непреложный закон причинности, постоянно проявляющийся в жизни. И вот верующий, внимательный к своей совести, к путям Божия Провидения, постоянно и видит чудеса как в своей личной жизни, так и в жизни мировой — государственной и общественной, церковной и семейной. Везде видна рука Божия». С этим знаком — всякий, живущий в Духе, всякий, кто стремится к богопознанию. И этим тоже хотелось поделиться. Автор

Пролог

Хмурый день не предвещал ничего хорошего. Речная волна слегка покачивала лодку, в которой сидели четверо человек, пятый расположился на небольшом бревенчатом плотике, соединенном тросом с лодочной кормой. Шли на веслах. Весла еле слышно опускались в темную воду и с тихим всплеском взмывали вверх. В легкой дымке впереди темным пятном угадывался казавшийся зловещим остров. Было прохладно, ветер приносил гомон каких-то птиц и запах опавшей листвы. Люди ежились, но в их глазах читалась мрачная решимость. — Сейчас правее, — негромко скомандовал проводник, мужик лет шестидесяти, с поросшим седой щетиной лицом. — Рули вон туда, меж двух деревьев. Я там колючку поразмотал и дно проверил, должны проскочить. — А что тут за полоса препятствий? Зона, что ли, была? — спросил молодой парень в очках. — Нет... Просто, я же говорил вам, опасно тут... Многие тут поубивались да покалечились, вот и обнесли колючей проволокой. Чтоб не лазили... Из тумана, словно призрак, показался черный шпиль с крестом, затем маковки куполов, а за ними и сами густо заросшие стены церкви. На голых ветвях зарослей расположились птицы. Окруженный водой, храм, ка- 10 залось, медленно всплывал из речной глубины, запутавшийся в водорослях. Было в его виде нечто одновременно и величественное и пугающее. От резких порывов ветра он погромыхивал оторвавшимися листами железной кровли, и эхо разносилось по всей округе. — Вас послушаешь, так тут Бермудский треугольник, — усмехнулся здоровяк в брезентовой куртке и грязно выругался. — Не матерись, дружище, тут ведь Божий храм, — одернул его человек на веслах, крепкий мужик в спортивной форме. — Да иди ты... — огрызнулся здоровяк. — Тоже мне богомол, блин... Я сюда не преклоняться притащился. — Давайте тише, — успокоил их очкарик и, обернувшись к проводнику, уточнил: — А отчего все эти несчастные случаи? — Поди знай, чё тут, — пожал плечами седой. — Сюда ведь много раз лазили. Церковь-то богатая была. Золото искали, серебро, вещи старопрежние. Да она будто заговоренная, никому не давалась. Ее ведь даже взрывать намерялись, когда Волго-Балт строили, и то не вышло. А наши деревенские, дурачье, все им неймется, нет-нет да и полезут. А здесь ведь кладбище кругом, кресты кованые. Их с-под воды не видать. Ну, кто наткнется, лодку пробьет, да и потонет. Один с колокольни пал на решетку на востриё. Двоих кирпичами завалило, подкапывались под стену. В общем, гиблое место — нехорошее. Моя старуха узнает, что сюда с вами плывал, — домой не пустит. — Ты, дед, не суйся внутрь. Твое дело нас сквозь эти джунгли провести. А дальше мы сами как-нибудь, если ты боишься. — Спортсмен сложил весла и взял багор. 11 Дальше возможности размахнуться веслом не было. Зашелестел тростник. Лодку обступили деревья. — Я-то не боюсь, — проводник закурил папиросу. — Мне любопытно самому туды заглянуть, я ведь там бывал мальчиком. Мой отец эту церкву и закрывал. — Я же говорил, блин, всё тут коммунаки уже обчистили сто раз, ежу понятно, — негодовал здоровяк. — Да не-ет, — дымил дед, — в том-то все и дело, что не успели... Тут в дно лодки что-то ударило, и по днищу прошелся скребущий звук. Все насторожились. — Не спеши! Помалеху двигай, — успокоил всех проводник, — еще чуть-чуть, и приедем. По большой воде к церкви не подобраться, она воцще вся до самых стен в сыросте. Щас в Рыбинку воду сбросили, дак есть хоть куда ступить. Но мелковато пробиратся, конечно... Держись вон той березы, там я дно проторкал. Должны проскочить. — Мне-то как быть? — напомнил о себе маленький мужичок на плоту. — А такжо тихонько правь, ничё не цепляй, — отозвался проводник. Проплыли мимо полусгнивших опор ограждения, на которых ржавели остатки колючей проволоки. Храм предстал сквозь кружево ветвей во всей своей загадочной красе. Построенный «кораблем», он имел квадратный двухсветный летний придел, приземистую трапезную часть и стройную колокольню со шпилем. Над главным приделом на сводчатой кровле возвышался купол со сложной луковичной главкой. Алтарь выделялся высоким полукругом. Они плыли, словно по узкому коридору среди кустов и деревьев. Вода была густо засыпана листвой и об- 12 манчиво напоминала дорожку в парке. Ветки местами нависали так

низко, что касались воды, и их приходилось отводить, как занавес. Наконец нос лодки уперся в дно. Проводник вышел, подтащил лодку к ближайшему стволу и закрепил веревкой. До берега оставалось несколько шагов, но где вода смыкается с сушей, было трудно определить под пестрым ковром из листьев. Плот отвязали и подтащили к самому берегу. И уже на твердой суше стали разгружать с него инструменты, оглядывая церковь. Несложный русский классицизм. Состояние удручающее. Побелка смыта дождями, и потому просвечивающие кирпичи придавали стенам общий розовый цвет. Разрушенный водой, словно изъеденный низ густо зарос мхом. Черные листы ржавого железа на крыше, местами сорванные со своих мест, громыхали на ветру. В зарешеченных окнах зимней части кое-где виднелись стекла, на летней части — выцветшие голубые ставни и под самой крышей в нише — большая фреска Богородицы с воздетыми руками и со сбитым ликом. — Да, дед, ты потрудились на славу, — улыбнулся молодой в очках, — и дорожку проторил, и здесь все обрезал, хоть пройти можно. Они двинулись вокруг церкви по узкой полоске земли. Все выдавало, что еще недавно здесь была вода: запутавшиеся в кустах водоросли, вымытые и сглаженные кирпичи фундамента, песчаные промоины, сморщенные, как стиральные доски. Вокруг храма среди зарослей естественно, будто росли, возвышались ржавые кованые ограды и кресты, замшелые мраморные памятники, чугунные изваяния. На ветвях деревьев среди птичьих гнезд висели сорванные лоскуты кровельного железа. В кирпичной кладке то 13 тут, то там виднелись глубокие пробоины, изрядно раскрошенные водой. — Это взрывчатку закладывали, — пояснил проводник. — Перед затоплением решено было церковь взорвать, но что-то у них не вышло. Динамит весь повыня-ли, а провода, вон видишь, остались. Молодой ковырнул пальцем тянущуюся вдоль стены проводку. Ветхая изоляция, словно пыль, легко осыпалась, обнажив медную позеленевшую проволоку. — Да! Тут и впрямь как крепость — не приступишься. — Дверь на кованом внутреннем замке. Решетки кругом. Туда как-то через колокольню пытались попадать, но там еще одна дверь, коваными листами, как броней, проклепана. Мне пацаны давеча трепанули, что там, на дверях, бомба висит налажена, провода к ней протянуты... — Ты же говорил, динамит весь увезли... — Само собой, кто ж его бросит. Опасно, надо думать! Но дело в спешке делали. Поди знай, может, и осталось чего... — ??? — Да ладно ты, не дрейфь. Если было бы чё — давно бы рвануло... Да и верить этим брехунам пустое дело. Вон второго дня трепали, что видели вон в той башне золотой автомат. Они вышли к западному входу в храм и остановились на квадратном крыльце у главных ворот. Ступени с него уходили под воду. Напротив, в воде стояли руины арки святых ворот с чудом уцелевшей, но погнутой вратницей ажурнойковки. Чуть поодаль виднелись две башенки кладбищенской ограды. Кровля на 14 них давно провалилась, и их облюбовали птицы. Небольшая площадка перед храмом, видно, некогда была замощена камнем и потому не заросла травой. Стоя у входа, молодой человек прищурился и, придерживая очки, огляделся. Его внимание привлек черный предмет в развилке березы. — Глянь-ка, дед, что там такое? Старик пожал плечами, но послушно зашел в воду и направился к первой находке, хрустя ветками и осыпая остатки листвы. Парень двинулся за ним, лавируя промеж густых зарослей и могильных ограждений. Когда они достигли цели, то предмет, привлечший их внимание, оказался механизмом с рукояткой, к которому тянулись провода. • — Вот это да! Дед, да это ведь «адская машинка». Крутани ручку — и все здесь взлетит на воздух! — Давай-ко, братец, провода повырвем с нее. Поди знай, может, и впрямь долбанет. Ну ее к лешому! Как эта беда здесь нарисовалась?.. Может, пацаны повесили? Я тут ее даве не видал... — Так, дед, ты провода не трогай, а пойдешь скажи братве, пусть вернутся в лодку. А я крутану ручку, если там, на двери, толовая шашка, то не надо тут полдня возиться. Дверь вылетит как пробка из шампанского! — Спятил ты, паря! А как, если все завалит, к чертовой бабушке? Стены-то на честном слове держатся. — Иди, дед, иди. Свистните мне, когда будете в лодке. — Ну, шальной ты... — буркнул проводник, но поплелся в сторону лодки, оглядываясь и качая головой. Очкарик бережно снял крепко засевавшую в березовой рогатке тяжелую железку, присел за широкий 15 ствол дерева. Спустя несколько минут он услышал свист, оглянулся на церковь и резко крутанул ручку. Сначала она сопротивлялась, а затем послушно повернулась, издав характерное жужжание. Парень зажмурился и вжался в ствол. В мертвой тишине лишь прокричала ворона, а затем вместо ожидаемого взрыва раздался грохот железной крыши. — Ну вот, — огорченно усмехнулся молодой, крутанул еще пару раз, выглянул из-за березы и разочарованно водворил механизм на место. Когда он подходил, все послушно сидели в лодке. — Фейерверка не будет, — засмеялся он. — Работаем по плану. А знаете, вы похожи на Мазая и зайцев. — Вечно ты со своими приколами. — Здоровяк вышел из лодки и взялся за огромные гидравлические ножницы. — Мы тут, пока ты эксперименты ставишь, уже полдела сделали. Окно зимнего храма, возле которого стоял очкарик, уже лишилось рамы, и в нескольких местах кованая решетка была изуродована, буквально разорвана домкратами. Здоровяк подошел к окну, пристроил свои кусачки, и ржавый металл стал послушно распадаться под беспощадным инструментом. Спортсмен сооружал из досок сходни. Маленький мужичок на плоту устанавливал крепеж, что-то вроде стеллажей. Дед молча курил, наблюдая за суетой у окна. Очкарик в соседнее окно вглядывался в темноту храма. Наконец, когда последняя связка металла поддалась, здоровяк царственным жестом опрокинул решетку. Она послушно упала на желтые листья. Дощатые сходни легли к провалу окна. Здоровяк пнул внутреннюю раму, и она сразу рассыпалась. — Милости прошу! 16 — Спец! Хвалю, — похлопал его по плечу молодой и вошел внутрь. За ним последовали все. Последним зашел седой проводник. Пока глаза привыкали к сумраку, можно было видеть лишь тусклый блеск иконных окладов и вздувшиеся полы, густо посыпанные обрушившейся потолочной штукатуркой. Но затем убранство храма предстало во всем своем великолепии. — Ни хрена себе!!! — Да это же пещера Али-Бабы! — Гляньте, здесь все нетронуто... — Как в старину. Я помню эти вырезные золотые ворота... — Братва! Мы у цели... — гулко звучали голоса. Слово экскурсовода в музее, молодой, поблескивая стеклами очков, начал объяснять: — Слева и справа два зимних алтаря. Внутри может быть утварь — дарохранильницы, потиры, евангелия. Иконостасные образа вынимаются изнутри. Оклады снимать будем дома, даже если икона сожрана

жуком или сгнила. Берем все, что блестит. Обратите внимание на кружки для пожертвований, там могут быть монеты. Старые книги тоже представляют интерес, особенно в кожаном переплете. Действуем аккуратно, без спешки... Сам он при этом замороженно шел вдоль стены, спотыкаясь и проваливаясь сквозь гнилые половицы, но не отрывая глаз от икон. Некоторых он касался тонкими пальцами, легким толчком раскачивал лампы, не дыша, протирал стекла кивотов. 17 — Выносим все, но не сразу. Я так чувствую, мы одним рейсом не обойдемся. Сейчас берем самое ценное. Вон ту икону с клироса, с аналая кивот, и второй... Это ведь жемчуг! — Очкарик включил фонарь, и в глаза ему брызнули переливы серебряного шитья ризы, украшенной речным жемчугом. Работа закипела. Слышались гулкий треск ломающихся досок и звон обрушающегося стекла. В квадратный луч света из пробитого окна ныряли темные фигуры грабителей с поклажей в руках. Запыхавшись, они вновь мелькали в проеме, унося церковное убранство и аккуратно размещая его на стеллажах плотика. — Возьми и ты себе что-нибудь на память, — обратился молодой к проводнику. Седой замер в неподвижности, наблюдая за этой муравьиной суетой. В какой-то момент он пожалел, что позволил этим мародерам пробраться сюда. Разбирали не церковь, а что-то большее — его детские воспоминания. Молодой протянул ему золоченый напрестольный крест: — Возьми. — Да ну, отстань хоть. Сто лет оно мне не нужно. Я и в Бога-то не верю... И домой это не принесешь — вопросы начнутся... Я вот чего себе приглядел. — Проводник подошел к печи и взял висевшую на гвоздике кочергу, витую, изящной ковки. — Это вот в хозяйстве сгодится, а остальное мне не нужно. Да и вам, я думаю, не больно-то оно нужно. Продадите ведь?.. Ну, в общем, то — не мое дело. — Смотри, дед, как хочешь... Молодой прошел меж двух алтарей к двери, ведущей в летнюю часть. Дернул ручку. Большая двухстворчатая дверь не поддавалась. Тяжело дыша, здоровяк подошел к молодому и, дернув дверь, спросил: 18 — Ну что, это тоже не препятствие! Разворотим? — Не сейчас. — Только посмотрим... — Нет! Мы из этого-то половину оставим. А вдруг кто в наше отсутствие сюда доберется? Останемся с носом. Потом! От нас не уйдет. Вы уже, надеюсь, поняли, что это наш Клондайк? Маленький мужичок, все время расставлявший драгоценные находки по полочкам, принял из рук спортсмена большую икону в серебряном окладе и прислонил ее к стеллажу на самый край. — Ставить больше некуда! Потопим все, — высказал он свой вердикт. — Пойду веревку какую-нибудь поищу. Нагнувшись, он поднял с земли проволоку, дернул ее — ей, казалось, не было конца. Изоляция с нее слетела, и медный провод распался в скрутке. — Ну, гниль какая, этим не удержишь. — Он бросил провод обратно на землю и вошел в темное пространство храма. По осеннему небу тяжело шли низкие клочковатые тучи. Порывы ветра качали верхушки деревьев, сдували последние листья. От легкого дуновения плот на воде чуть повернулся и ударился о кованую ограду. От толчка большая икона отделилась от стеллажа и, сверкнув серебряным окладом, опрокинулась. Грозный пророк Божий Илия, изображенный на ней, кротко внимал голосу Всевышнего, отодвинув рукой прядку волос с уха. Ветер качнул вдалеке рогатую березу. Небрежно установленная, «адская машинка» свалилась на соседний памятник, и от удара ручка ее провернулась. Упавшая икона накрыла брошенный на землю провод, по серебряному окладу прошла искра. Толовая шашка, 19 смонтированная на западной двери, долго ждавшая электрического разряда, послушно отозвалась, и раздался взрыв. Тысячи испуганных птиц захлопали крыльями. Стройная колокольня, словно стартующая ракета, выдала из-под себя облако пыли и дыма. Осыпала кирпичной крошкой кусты, вздрогнула и пришла в движение. Но не в силах подняться, она медленно завалилась на зимний храм. Сначала шпиль ее коснулся кровли главного придела и, словно спичка, переломился на четыре части, а затем и само кирпичное сооружение, сминая стропила, рухнуло внутрь. Звук взрыва, запоздав, разнесся оглушительным эхом. В звенящем гудении из глубины храма вырвались клубы розовой пыли. От удара рухнула часть стены. Где-то в глубине что-то загорелось. Сквозь проделанный оконный проем как горячее дыхание вырвался пылевой выхлоп, и плот взрывной волной отбросило от берега. Он медленно поплыл по узкому каналу среди деревьев и могил, поблескивая драгоценным грузом.

Глава 1

Благословенно Царство...

В алтарную темноту отец Георгий вошел тихо. С благоговением совершил положенные поклоны, приложился к престолу. Было холодно. От одиноко горящей лампы на семисвечнике он взял огня и затеплил лампаду на престоле и жертвеннике. В мятущемся огоньке огарочка высветились клубы пара от его дыхания. Батюшка задул свечу, подошел к столу, где было разложено облачение. Это облачение было самым красивым во всей ризнице — голубой атлас заткан золотыми крестами и отделан золоченой тесьмой. Накладные кресты, словно драгоценные броши, сияли литым шитьем. Его извлекали только на великие богородичные праздники, потому оно было в прекрасной сохранности, несмотря на свою древность. Сегодня как раз был такой великий день, престольный праздник храма — Покров Пресвятой Богородицы. Отец Георгий накинул на себя епитрахиль и вышел на амвон читать входные молитвы. В храм постепенно набивался народец. Слегка гудели, брали свечи, заказывали поминовения, здоровались друг с другом, расспрашивали о том-о сем. Кто-то рылся в своих узлах в поисках поминальника, кто-то выкладывал на панихидный стол свежеевыпеченный хлеб. Полная старуха, хромя, протиснулась в дверь и, замерев, принялась креститься. Стоявшие позади нее слегка 21 подталкивали ее, пытаясь войти, но, пока та не исполнила свой ритуал, они вынуждены были стоять в дверях. Зашла молодая женщина с целым выводком детей. словно переломившись, она сотворила поклон, коснулась рукой пола и принялась рассаживать своих детишек на лавке. Пока она развязывала им платки, они, сонные, клонились друг к другу,

послушно сидя рядом. Возле большой иконы «Троеручицы», где обычно было много свечей, стоял молодой парень с молитвословом в руках и, путая и сбиваясь, читал приготовление ко причастию. Возле него — небольшая группа прихожан, тех, кто не умел сам читать; они со вниманием слушали слова и шепотом повторяли за чтецом прошения. Сторож хлопнул дверями зимней части и, улыбаясь и кланяясь знакомцам, торжественно и бережно вынес самовар. С еле слышным шипением самовар дымил и дышал жаром. Сторож водворил его на клиросе на подоконник, и клирошане подносили к нему зябнущие руки. Одна женщина, доставши кошелек, обронила несколько монет, которые звонко заплескались на полу, а одна копейка встала на ребро и укатилась под лавку. И теперь ее хозяйка, встав на колени, шарила рукой в пыли, впотьмах — будто иллюстрируя евангельскую притчу, обретала потерянную драхму. Возле самого клироса стояли двое — мужчина и женщина средних лет, они не суетились, а недвижно устремляли свои радостные взоры на золоченый иконостас. В их сияющих глазах отражались свечи. Трепетно, почти не дыша, они внимали тихому чтению входных молитв, ощущая себя более на Небе, чем в храме. Эти двое, муж с женой, старались не пропускать ни одной службы, а уж в такой праздник, как сегодня, они, конечно же, были в первых 22 рядах. В честь престола не жалели масла и возжигали все лампы. Серебряные оклады древних образов отражали огоньки, и лики икон словно оживали. Отец Георгий повернулся к народу и вполголоса произнес: «Простите мя, отцы и братия», при этом он слегка склонил голову. Те, кто это заметил, ответили ему поклоном: «Бог ти простит, отче честный, прости и ты нас, грешных, и благослови». Осенив народ рукой крестообразно, батюшка скрылся в алтаре, и боковая дверь затворилась, явив образ архидиакона Евпла. — А вдруг его там не будет? — Куда он денется? Сегодня Покров. Вся округа знает этот праздник и в церковь сбежится. Хошь не хошь, а служить придется. — Лады. А как, если миряне начнут гоношиться? — Видишь маузер? Как думаешь, сколько людей в церкви останется, если я стрельну пару раз? С ними построже надо. Мы все-таки власть представляем, не так себе гуляем. — А что, если поп сбежит? — Как? — Запросто. У них там в алтаре, под престолом... ну, на котором он там свои причиндалы раскладывает, есть подземный ход. Мы зайдем, а он шасть туды, так мы его и видели. — С чего ты взял? — Как пить дать... Знамо дело, в каждой церкви такое есть — тайный подземный ход. На всякий случай... — Ты что, сам видел? 23 — Ну, видать не видел. Кто же такое покажет? На то он и тайный. Но слышать слышал. Так что надо не проворонить. Быстро заходим, быстро берем его под белы ручки и уводим. * * * Не в пример голубым ризам, подризник отца Георгия, как говорится, видал виды. Из простой льняной ткани с нехитрым узором по краю подола, он уже утратил прежнюю белизну, обзавелся парой аккуратных заплат, сидел мешковато и только условно мог символизировать чистоту священнического служения. Меж тем, надевая его, батюшка читал слова: «Возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения...» Зато, возлагая на себя епитрахиль, набедренник, пояс, поручи и фелонь, жестковатые и тяжелые, священник представлял себя воином, надевающим доспехи. Он словно собирался на битву. Облачившись, он звякнул рукомошником — «умыю в неповинных руци мои...», — вытер ладони о рушник и встал перед жертвенником, на котором стояли святые сосуды. Нечасто приходилось служить на столь дорогих сосудах. Позолоченного серебра дискос со звездицею были укомплектованы лжицей изящной работы, а потир был поистине шедевром ювелирного искусства — на нем были финифтяные образочки, украшенные лентами из блестящих стразов. Внутри потира был вделан серебряный вкладыш, что позволяло теплоте, благодаря двойным стенкам сосуда, долго не остывать. Памятуя и том, что «сокровище явленное крадомо бывает», отец Георгий старался реже использовать его на службах, а лишь в особо торжественные дни — Пасху и Покров. 24 На подоконнике под салфеткой на медном блюде лежали пять служебных просфор, серые (из плохой муки), пузатые, они были уложены ровной горкой, а маленькие просфорки с уже вынутыми частицами находились в двух больших корзинах на лавке, прикрытые полотенцем. Вино, ставшее большой редкостью, чудом уберегли в церковном подполе. Из темной бутылки, пахнувшей плесенью и лишившейся от времени всяческих наклеек, в серебряную чашу излилась тягучая струя выстоявшегося красного виноградного вина. На дне чаши было налито чуть воды, и винный поток, влившись, закружился рубиновыми кудрями, творя святое соединение. Беречь вино сегодня не имело смысла; как правило, в этот день прихожане причащались всем храмом. Пономарил все тот же сторож, который только что дымил самоваром. Теперь он, благословясь, раздувал кадило. Делал он все ловко, в каждом движении его чувствовался богатый опыт церковной службы. Несмотря на возраст — а ему было за шестьдесят, — двигался он шустро, все успевал. Вера, впитанная им с молоком матери, придавала ему, при его невысоком росточке и невыразительной внешности, черты неподдельного достоинства и внутреннего благородства. Подвесив на крюк пышущее огненными углями кадило, он поправил коврик у престола, хозяйским глазом окинул алтарь и, убедившись, что все готово, удалился. * * * : — Слышь, а на кой он нужен, этот поп? Чё он натворил-то? , — Враг он советской власти. Против действий ГДомгола крестьян агитировал в своих проповедях 25 и вообще по деревням с пропагандой своей ходит, баламутит людей. Да и чего только за ним не водится. Одним словом, сеет религиозный дурман, охмуряет доверчивых людей. Ему неоднократно предписывалось вести свои молебствия в пределах культового здания, так нет... — А я-то думал, он безобидный, а он политический. — Попы все политические, если не явно, то тайно. В них всегда скрытый враг. Они при царе неплохо жили, им власть наша рабоче-крестьянская не по нутру. Пока старухи, несознательный элемент, им еще потакают, они и живы, вражины. А помрут эти старухи неученые, так и попы сгинут, как тараканы на морозе. При коммунизме не будет ни церквей, ни попов. — Меня поп читать учил... — Ну и что? Они, им доверься, и не тому еще научат. Они нас в рабы с детства записали! Раб Божий, поди, говорит, к доске... А мы не рабы... Рабы не мы. — Что теперь с ним будет? — Органы разберутся. Наше дело доставить его в губернию. Пусть предстанет перед судом и расскажет, контра, как он советской власти вредил. А оттуда в тюрьму, на лесозаготовки. Там на своих нежных ручках поповских натрет мозоли и поймет, почем он, хлебушек крестьянский. * * * Батюшка выбрал из пяти просфор самую

ровненькую и положил на тарель. Широкое копие легко взрезало податливую хлебную плоть. Священник совершал проскомидию. Приготовление к литургии он служил в одиночку. Дьякон умер два года назад. И теперь, 26 без диаконского сослужения, отец Георгий уже привык литургисать. Поглядывая в служебник, он тихо произносил: «Жрется агнец Божий...» Редко ему приходила на ум вселенская значимость свершаемой жертвы, но сегодня какое-то особое состояние, словно облако, окутало его, и, вырезая агнец, он вживую представлял картины крестной жертвы Спасителя. Вот Он висит на древе крестном, и римский воин «копием ребра Его прободет, и абие изыде кровь и вода». Сдерживая нежданые слезы, батюшка молча вылил содержимое чашицы в потир, помедлил, вновь наполнил чашицу, перекрестил и добавил в чашу. Богородичная просфора с монограммой Богоматери привела на память бесстрашное стояние Девы- Марии у Креста Господня: «...Прими, Господи, жертву сию, в пренебесный твой жертвенник». Церковный народ прибывал в храм. Под купол поднимался пар от множества дыханий. Свершали земные поклоны. Поднимаясь на цыпочки, лобызали образа. Отгибая фитили, возжигали свечи. В широкой коробке, перебирая, отыскивали свои поминальники. Обнимались и оживленно приветствовали друг друга те, кто лишь пару раз в году сподоблялся выбраться в церковь. Царили оживление и праздничная веселость. Староста, большой седой старик, полупоклоном приветствуя входящих, напоминал: «После службы не разбегайтесь, в зимний храм теперь переходим, надобно будет помогать — переносить все». В окна заглянули лучи восходящего солнца. Блики загорелись на серебряных окладах и золоченом иконостасе. Расцвелись росписи на стенах. Храм наполнился светом, и свечные огонечки поблекли в сиянии солнечных, лучей. Робкий лучик упал и на жертвенник. 27 Отец Георгий вынимал частицы, за здоровье и за упокой. С душевным трепетом, привычной скороговорочкой он перебирал имена своих близких; крошечки просфорные, вспыхивая в рассветном солнечном луче, падали из-под копия на тарель. Перед его мысленным взором проносились лица дорогих сердцу людей. Их имена слетали с шепчущих губ, теплая молитва за них пред Господом делала их, живых и усопших, сопричастными сегодняшнему торжеству. Перед глазами над жертвенником располагался древний образ Рождества Христова, Богородица на одре с грустью взирала на удрученного Иосифа, а над яслями с Богомладенцем склонились животные. Под темной олифой их фигуры едва угадывались, подсвеченные крошечным огонечком лампы. Завершив проскомидию, батюшка взял с престола требуемое Евангелие и крест и вышел на исповедь. * * * — Ну ладно, попа мы арестуем, и дальше что? С церковью как? Закроют? — Закроют, конечно. Есть уже решение волостного совета, ее передают в ведение крестьянской коммуны. Можно там неплохой склад сделать, никто не подберется. — А иконы? Драгоценности всякие? — Это реквизируем в пользу советской власти. В помощь голодающим Поволжья, на нужды Красной армии, мало ли куда еще это пригодится. Иконы, конечно, не нужны — их в костер, чтоб не растащили по домам. Но это уже не наше дело. — Может, нам что перепадет? 28 — Ты что?! Даже не примеряйся! Узнаю, что прикарманил что, тебе несдобровать. Мы не грабители! Мы карающий меч революции. У нас должны быть чистые руки. Ясно тебе? — Яснее ясного. Я это так спросил, мало ли... — Нас должны не только бояться, но и уважать. Мы правое дело делаем, ради всего народа. Мы со всей решительностью должны обезглавить контрреволюционную гниду, потчующую нас «опиумом для народа». Нам не нужны их побрякушки, мы их перекуем на... — На что? — На что-нибудь полезное. — Слушай, а при коммунизме у нас все будет такое вот, богатое, красивое.? — Вот когда всех вражин раскулачим, порядок наведем, тогда и заживем богато и красиво. Весь народ будет жить хорошо и привольно. А пока они вредят, занимаются укрывательством своего добра, мы будем их беспощадно карать. * * * Вычитав положенные молитвы, отец Георгий обернулся к прихожанам. Люди стояли неподвижно, кто-то склонив голову, кто-то не мигая глядя на священника. Тот, медленно и четко выговаривая слова, обратился к ним: «Се чада, Христос невидимо предстоит, приемля исповедание ваше...» Он любил этих людей, многие из которых из раза в раз приходили к обедне и стали ему почти родными. Он знал беды и радости каждого из них. Безошибочно он предугадывал, что каждый из них принес на исповедь, а потому прежде, нежели человек склонял голову под его епитрахиль, 29 батюшка обличал кающегося грешника в его проступках, не успевал тот еще и рта раскрыть — вразумлял, утешал, советовал. Есть тонкое искусство — разбудить уснувшую совесть, побудить человека вслед за осознанием греха к неослабному труду по исправлению души, приведению жизни в соответствие с Заповедями Божьими. Отец Георгий владел этим искусством в совершенстве. На его исповеди нередко были слезы. И плакали люди не от обиды или отчаяния. Это были слезы очищения, слезы радости от чувства прощения грехов, от ощущения близости Бога. Батюшка внимательно выслушивал кающегося, не торопя и не перебивая, а затем произносил слово, которым одним можно было выразить все сказанное. Его епитимий не были строгими. Он полагал, что в каждом оступившемся, но нашедшем в себе силы повиниться, уже свершилось наказание, то, которое и привело его на исповедь. Для человека, привычного к исповеди, он находил слово, способное лишить его самоуспокоенности. С особой любовью исповедовал детей. «Нет грехов!» — рапортует, бывало, стриженный отрок. — «А горох крал?» — «Крал...» — растерянно повторяет мальчишка и выглядывает из-под епитрахили с выражением недоумения на лице. — «Впредь не воруй! Лучше спроси, тебе и так дадут». Идя «на дух», исповедники отделялись от толпы, кланялись народу: «Простите меня, грешного» — и подходили к аналою с крестом и Евангелием. Батюшка склонял к нему голову. На клиросе тем временем нараспев читали акафист Покрову. С чувством облегчения отходили один за одним с исповеди после прочтения разрешительной молитвы и присоединялись к слушающим акафист. Иногда сквозь чтение прорывалось гром- 30 кое исповедание какой-нибудь глухой старухи, которая ко всему в придачу еще и оживленно жестикуюлировала. На престольный день причащалось обычно человек сто пятьдесят. Исповедь затянута, но миряне послушно дожидались начала обедни. *** : Щ. • — Скажи мне, а коли побежит этот поп, мы можем стрелять? — Чтоб не сбежал?.. Думаю, можем. — Так, может, пусть он побежит, а мы его и шлепнем. — Как это «пусть побежит»? * — Ну, вроде как он попытается скрыться, а мы... 5 — Ты чего это удумал?! — Посуди сам. Раз

он враг, что мы будем с ним возиться? К стенке его, и все дела. А нельзя так, то при попытке к бегству... — Нет уж, пусть его народный суд судит. Пусть в каталажке вшей покормит, там ему бороденку остригут, макушку побреют, научат трудиться на благо Родины. А то привык, мироед, к подношениям. Рук, поди, не намозолил. Все ему подай да принеси. Разъелся, паразит, брюхатый, поди, как баба на сносях... — Так ты не видел его? — Когда б я его видел? Да они все одинаковые. — А как, если не узнаем, который поп? — Ну, ты загнул, попа да не узнать. У него крест на пузе. — И все-таки. Ты смог бы попа пристрелить? — А мне все один черт: что поп, что буржуй, что сволочь белогвардейская. У меня к ним, к контрам, нет пощады. Было их время, а теперь моя власть... 31 * * * «...властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю ти, чадо, вся грехи твоя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». — Священник накрыл епитрахилью голову последнего исповедника и наложил крестное знамение. Этим последним был пономарь. Он был одет уже в стихарь. Старинный дар неких благодетелей из дорогой листовой парчи — его торжественное одеяние было уже изрядно поношено, но крест на спине, вышитые золотом спереди на плечах крылья горели огнем и выглядели будто новые. Это было любимое облачение покойного отца диакона, теперь, кроме пономаря, его надеть было некому. Отец Георгий вошел в алтарь и встал у престола. Перед глазами на аналое был раскрыт служебник с крупными буквами. Служил батюшка часто и литургию знал наизусть, но книга неизменно лежала перед ним как гарант его безошибочного служения. В алтаре было светло. Необычное в это время года солнце радовалось празднику и сквозь решетчатые окна проникало во святая святых. В снопах солнечных лучей клубились завитки кадильного дыма. В наступившей тишине батюшка едва слышно читал «Царю Небесный...» с воздетыми руками, подняв глаза на Спасителя. Восстающий из гроба с хоругвью в руке, Христос благословлял служителя пробитой десницей. Божественная Литургия, которую в народе попросту называют обедней, — великое служение, свершаемое с привычной обыденностью. Тысячи священников по всей Руси Православной ныне приготовили хлеб и вино, чтобы при содействии Духа Святаго претворить их в Тело и Кровь Христа, принести Господу бескровную жертву во спасение всех живых и мертвых. И здесь, 32 в этом таинстве Евхаристии, как бы ни велика была роль священника, главным совершителем чуда является Бог. «Слава в вышних Богу...» — творил молитву отец Георгий. Его наставник, пожилой архиерей, как-то говаривал ему: «Когда служишь литургию, делай это так и относись к служению так, будто это твоя последняя литургия. Здесь не должно быть привычки или только формы служения. Здесь надо гореть молитвою. А то так можно и обезьяну выдрессировать служить, но только не будет это Литургией, а сплошной театр, если не цирк. На то ты и поставлен у престола, чтобы литургисать с пламенной верою в сердце и этим пламенем зажигать сердца людей». «Господи, устне мои отверзи, и уста мои возвестят хвалу Твою». — Отец Георгий поднял с престола тяжелое, обложенное серебром с эмальями Евангелие, поставил его вертикально и склонил к нему голову. Холодный металл оклада коснулся лба. Замерло все вокруг. Воцарилась звенящая тишина. В эти несколько мгновений перед мысленным взором священника проносились лица людей с их распахнутыми душами, строгие лики святых на храмовых образах и, почему-то, «адамова голова» — череп праотца со скрещенными костями, из храмовой Голгофы. Казалось, время остановилось. Воспрянув от сиюминутного забвения, священник выпрямился, поднял двумя руками Евангелие и, начертав им крест поверх антиминос, громко возгласил: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веко-ов». «Аминь», — протяжно отозвался клирос. Литургия началась. 2 Зак. № 2575 33 * * * — Меня бабка в церковь водила. В детстве. А потом случай один с ней приключился. Однажды во время службы кто-то пальтушку ее старую унес. Ну, украли, стало быть, пока она молилась. Она сильно тогда возмутилась, осерчала на это и перестала в церковь ходить. И меня не пускала... — Из-за пальто? — Да нет же. Она так не жадная была. Жили беднень-ко, но не жаловались, и если кому помочь, то не отказывала бабка. Милостыню всегда подаст. Ее возмутило то, что в церкви, где учат — «не кради», ее обокрали такие же, как она, богомольцы. — У них это завсегда так — учат одному, а как до дела, так другое. Видел я одного попа, который во время поста курочку жареную трескал. Я ему: «Как же это вы, дескать, поста не придерживаетесь?» А он мне: «Пусть постятся те, у кого денег нет». — Да, нет им веры. Дурят простой люд, а сами живут припеваючи. А те, дурачье несознательное, и радехоньки лбы в церкви разбивать. — Погоди немного, вот мы церкви скоро все закроем, попов всех ликвидируем, как паразитический класс, наладим антирелигиозную агитацию, и тогда народ образумится. Не в царство небесное будет стремиться, а здесь, на земле, будет строить себе рай, на основе всеобщего равенства и братства. — С ними нам коммунизм не построить, они так и будут нас тащить назад. Надо бы поскорее с ними разделаться. Только как бы это людям объяснить, что это для их блага, для блага трудового народа мы всю эту нечисть выкорчевываем. Они-то к попам привыкли, еще и защищать бросятся. 34 — Пряма так и бросятся. Надоели эти мироеды всем честным людям хуже горькой редьки. Дай им волю, так они и сами их порвут. А старухи, что в церкви стоят, — что с них толку, их не переделаешь. Ну, повоюют, пого-монят и стихнут. Может, прихвостни поповские и найдутся. С такими разговор короткий — дуло в ноздрю, и язык прикусят. * * * Отзвучала мирная ектения, запели антифоны, за ними «Паки и паки», и вот уже священник открыл царские врата на вход с Евангелием. Запели блаженны. Пономарь возжег свечу на выносном подсвечнике. Оживился церковный люд, кто-то крестился, кто-то, кряхтя, поднимался с лавки, притихли особо говорливые, дети вытянули худые шейки. Батюшка поднял тяжелое Евангелие на уровне лба и, не спеша обойдя вокруг престола, вынес святую книгу в драгоценном окладе через боковую дверь. Пономарь предшествовал ему со свечой, сгорбившись и шаркая ногами по солее. Поступь же священника была величава и торжественна. Этот короткий путь он всегда проходил с особым достоинством, раньше ему не доводилось выносить Евангелие, обычно на службе это дело диакона, но с тех пор, как его не стало, отцу Георгию пришлось переучиваться на новый лад, учиться совершать литургию в одиночку. И этот момент — вынесение Евангелия — ему особенно нравился. Остановившись против царских врат, батюшка прислонил Книгу к левому плечу, благословил

вход, а затем двумя руками высоко воздвиг Евангелие и, осенев им врата, возгласил: «Премудрость, прости». Когда то давно, когда отец Георгий был еще мальчиком Жоржем, родители приводили его в церковь, 35 и он заворожено следил за службой. Он ждал этого момента, входа с Евангелием; когда впервые отверзались царские врата и процессия служителей шествовала из алтаря вдоль по соле, ему казалось, что они не касаются ногами пола, а плывут, несомы невидимыми ангельскими силами в сиянии золотых высверков. Высокий диакон чинно выступал с большим Евангелием; Жоре казалось, что, окованное золотом, оно должно быть очень тяжелым, но служитель нес его без видимых усилий, словно оно и вовсе было невесомым. И тогда мальчику представлялось, что нет и не может быть на земле выше служения и достойнее занятия для человека, чем вот так нести Слово Божие людям, как самую драгоценную святыню. Но жизнь его сложилась так, что в тот момент, когда юноша созрел для посвящения в сан, мир вокруг него пошатнулся и ему долго еще пришлось смотреть на Литургическое действие глазами мирянина. Он не смог закончить духовную семинарию и всему обучался самостоятельно, словно губка, впитывая непростую науку богослужения. Его наставниками стали отцы прославленной Пустыни, единственного не закрытого еще монастыря. Сами простецы, они между тем свершали божественные службы, неукоснительно следуя древним уставам, не поддаваясь современным нововведениям. И так горели Духом, что посрамляли образованнейших витий обезбожившего века сего. К ним на все службы ходил юный Жорж, легко преодолевая двадцать верст до Пустыни. Многажды просил их юноша о монашеском постриге, но всякий раз отцы отшучивались, говоря: «Сейчас только вороны в чернецах». Как сейчас уже понял он, его щадил, не спешили облачить его в одежды монашеские. А сами тем не менее один за другим восходили, каждый на свою Голгофу, пока наконец обитель совсем не опустела. Последний игумен, прежде нежели покинуть ее стены, прощался с паствой, а затем, призвав к себе Георгия, благословил его со словами: «Жаль мне тебя, не сможешь ты в миру, чадо Божие, здесь в соседнем уезде на покое живет один владыка, поезжай к нему, поживи рядом с ним, он на тебя посмотрит, может, благословит он тебя на священнослужение». И бумажечку дал с адресом, а в бумажке деньги на дорогу. Так Жорж оказался в келье старца-епископа. Владыка служил дома, Жора помогал. В храм владыка по немощи своей выбирался редко, да и то все больше сидел в алтаре Покровской церкви. Когда арестовали Покровского священника и встала угроза закрытия последней * го в округе действующего храма, владыка не мог допустить прекращения молитвенной жизни в стенах любимой церкви, тем более что за годы гонений она стала прибежищем стольких верных чад православных. Возле нее поселялись, жили и молились монахини из соседней разоренной обители; люди, которые жизни своей не мыслили без Бога, страждущие и обездоленные, наполняли стены единственной церкви так, что в праздники все желающие внутрь не вмещались и слушали обедню, припав к открытым дверям. Боясь преследований от новой власти, престарелые священники, ссылаясь на болезни и слабости, отказывались возглавить приход. Их ответные письма владыке были похожи одно на другое — «имей мя отреченна». Ничего другого не оставалось, выбор пал на молодого келейника владыки. 37 * * ♦ — А где он живет? — Сказали, рядом в сторожке. — Один? Или попадья есть? — Нет у него никого. С ним, по крайней мере, не живут. — Не люблю я бабьего визгу... — Прошлый раз мы попа брали в Старом Селе, так там была полная хата ребятни, человек девять. Попадья его на колени бухнулась, сапоги мои обхватила руками, в глаза мне таращится и молчит. Немая, что ли, была, но ни слова, ни писка, ни визга, только глаза на меня уставила, и слезы по щекам в два ручья. А это чучело бородатое на стуле сидит, от страха, поди, ноги отнялись. И отовсюду глазенки попят его, кто с печки, кто из-под лавки, все глядят, как мамка их комедию ломает. Так и вижу ее лицо перекошенное и платок на боку... Только меня этим не проймешь. Откинул я ее. Худющая была, кости одни. И попа за грудки. «Вставай, — говорю, — поповская морда. И бабу свою уйми, а то зашибу ненароком». Так и вывели его молча. Никто из них не пикнул. А то всяко бывает, и проклинать зачнут, и вой подымут... — С бабой той, поповской, что потом стало? — Ну, с дома их, понятно, выселили. Дом их отдали бедноте. А она с отродьем своим по миру ходила. Работать-то не приучена, на всем готовом жила всю жизнь. Теперь нужда заставила трудиться. Приютил ее кто-то в хлеву. Прачкой заделалась, стирала на всю деревню. По зиме белье в проруби полоскала, а ее кто-то возьми и толкани в воду. В ней и так-то не знай в чем душа держалась, а тут и совсем она захирела, слегла с чахоткой и померла. А детей ее сердобольные сельчане разобра- 38 ли по домам. Может, из них хоть люди, а не тунеядцы вырастут. — Да уж не знаю, что из них вырастет. По мне бы, так всех бы их под корень... У меня в дружках в детстве были поповские дети, сволочи, каких свет не видывал, ни в Бога, ни в черта не верили. Всегда сытые, холеные, одеты с иголки. Мы их не любили, но не прогоняли, потому как у них всегда можно было выпросить пирога кусок, или сладости, у них всегда этого добра полно было. Ну и закладывали они нас почем зря, с потрохами сдавали. Теперь посмотрел бы я на них. Сейчас с них спесь, верно, сбили. Но толку с них как с козла молока. Пустые люди, ни к чему не годные. * * * Клирос пел «Святой Боже». Священник приложился к престолу и направился к горнему месту. «Благословен грядый во имя Господне». Подходя к окну, он невольно отметил, что небесная голубизна, которая еще несколько минут назад так радовала глаз, затянута тучами. Облака пепельного цвета клубились словно дым. Речная гладь, созвучно небу, сделалась цвета стали и под порывами ветра покрывалась мелкой рябью. «Благословен Еси на престоле славы Царствия Твоего...» — Отец Георгий обернулся к западу и сквозь отверстые царские врата смотрел на богомольный люд. Вспомнилось, как впервые он взглянул в глаза богомольцев из глубины алтаря. Его диаконская хиротония тоже была волнующей, но не запомнилась так, как поставление во священство. Хоть кроме него, владыки и старого диакона священнослужителей не было, и некому было с пением вести его за руки вокруг престола 39 и ответственность архиерею на многократное «аксиос», было ощущение, словно весь алтарь заполнен бесплотными предстоятелями. Небесные силы будто отражались в живых и светлых глазах владыки. Его очи светились и слезили: «Прими залог сей, за него же истязай будешь». Помнилось, как отец диакон, сияя, подошел с поклоном к

новопосвященному священнику и, сложив мозолистые ладони, испросил благословения. Тогда же впервые в фелони с крестом в руках отец Георгий вышел на амвон и взглянул в глаза людей, с которыми еще недавно стоял плечом к плечу, внимая Литургии. Эти люди ликовали, сорадуясь новому батюшке, они очень любили его и теперь готовы были нести его на руках; тесня друг друга, спешили они ко кресту, чтобы принять от руки отца Георгия первое благословение. Эти радостные взоры на долгие годы стали его утешением и поддержкой. Вот и сейчас, глядя на этих людей, он угадывал в их глазах отражение той радости. В алтарь заглянул чтец с книгой Апостола: «Благослови, отче честный, Апостола чести». Батюшка благословил, чтец поклонился и направился к аналою. «Мир всем», — возгласил священник, люди ответствовали поклоном. Пономарь поднес кадильницу. На чтение прокимна отец Георгий стал кадить алтарь. На подходе к воротам кадило задело резной декор, и угли, словно выстрел, вырвались и, искря, упали на ковер соли. Кто-то ойкнул, и загудели. Чтец поднял глаза, но не прервался. Пономарь рванулся было в открытые ворота, но пресекся. Махнул рукой и, суетливо оббежав снаружи иконостаса, прямо пальцами, обжигаясь и плюя в ладони, стал складывать красные угли обратно в кадило. Отец Георгий растерянно замер, шепча: «Вот ведь искушение. Господи, спаси и помилуй». &шъж#4раш* щы 40 t — Покров... Я свадьбу на Покров играл. Венчались. Красиво было. * — Давно? — Да годиков шесть уже живем. — И дети есть? — Двое. Трех народили. Первый рано помер, а остальные зажились. Парни у меня шальные. Дома бываю нечасто. Пороть их некому. — Скоро советская власть отменит браки. При коммунизме все будут жить, с кем хочут. А детей будет воспитывать государство. — Да идишь ты... — Точно. Вот посмотришь. Попов всех к стенке поставим, некому будет венчать. Свобода будет во всем, и в семейной жизни. — Что же это за семейная жизнь, когда семьи не будет? — Для человека при советской власти главной будет жизнь общественная, ради идеалов революции, а все остальное так — потребности тела. — Хорошо. А как тогда тем быть, кто уже оженился? Вот как я, например... — Проведешь с жинкой своей разъяснительную работу: так, мол, и так, семья — это пережиток царского режима, отголосок нашего темного прошлого, поповские выдумки. — Да она ж так на дыбки встанет, что и мало не покажется. — А ты грамотно подойди. Скажи, что ее советская власть сделала свободной. Теперь она сможет свою жизнь устроить, как ей захочется, сокрушить оковы семейного рабства. *■*}■> 41 — Ха. Ну, ты даешь. Как представляю, что все это ей говорю, так прямо не по себе. Может, в городе это и пройдет, а у нас народ еще крепко за это держится. Да мне тесть за такую агитацию кумпол топором проломит. И правильно сделает. Скажи нашим девкам сейчас, что и так можно, без свадьбы там, без церкви, без родительского благословения, — тут же сгуляются все. Такой разврат начнется, что не приведи бог. — Отсталый вы народ. Ну ничего, придет время, и революция разгонит мглу вашей патриархальности. * * * Громким распевным слогом отец Георгий читал Евангелие: «Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего...» Народ внимал. В руке трепетало пламя свечи. От частого прочтения этого места на страницах темнели сальные пятна. Радостная встреча Девы Марии и «южики ее» Елисаветы окрашивала радость всякий богородичный праздник. Даже такой, как Покров, который кроме как в России нигде так торжественно и не отмечают, который не имеет основания в Евангельских событиях. Видение Андрея, Христа ради юродивого, во Влахернской церкви Царьграда так полюбилось русскому православию, что Покров Пречистой праздновался всегда наравне с двенадцатыми праздниками в честь Богородицы. Оттого и храмов Покровских, названных в честь этого торжества, на Руси было великое множество. Сомкнув тяжелые створки Евангелия, батюшка осенил Книгой людей и поставил ее стоя возле дарохранительницы. На том месте, где только что лежало Евангелие, илтон — красный плат, сложенный аккуратным 42 квадратиком, — скрывал антиминос. На этом священном плате с изображением «Положения во гроб Спасителя», который аккуратно раскрывал отец Георгий, виднелся старинный автограф безызвестного архиерея, благословившего некогда служение в этой церкви. Начиналась сугубая ектения, за которой поминались имена всех живых и умерших. Эта часть богослужения продолжалась обычно долго. Уж больно многих хотелось помянуть, помолиться за всех тех, кто в это смутное время не мог молиться сам, кто по заблуждению своему ушел в обновленческий раскол, кто в нечеловеческих страданиях по малодушию отвернулся от Бога, кто братской любви предпочел классовую вражду и ненависть, кто переступил порог вечности, не сподобившись исповеди, напутствия Святыми Дарами. У батюшки был целый ящик синодиков и поминальников, которые он даже не успевал прочитывать за одну службу, а читал за три-четыре богослужения, присовокупляя к ним и праздничные записки прихожан. На этой молитве держалось все. Он и сам предстоял Богу, со всеми своими немощами, не столько по своему достоинству, сколько по молитвам тех людей, которые за него молили Господа. Завершалась Литургия оглашенных. Прощения ектеньи настойчиво повелевали выйти этим оглашенным, которых уже многие века не обреталось в Церкви, и потому никто не выходил. Начиналась Литургия верных. Вновь открылись царские ворота. Священник вновь покадил алтарь, клирос и молящихся, встал перед престолом с молитвенно воздетыми руками, негромко произнес: «Иже херувимы тайно образующе и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение». Пели херувим- 43 скую, протяжно и умиленно. Пожалуй, трудно представить минуты более трепетные, чем те, когда поют «Иже херувимы». Клирос в эти минуты, уподобившись сонму ангельских сил, воспекает Триипостасного Бога, как некогда может именоваться лик. Некоторые старушки с благоговейным трепетом, робко бросают взгляд через открытые ворота во святая святых в надежде узреть там сослужащих херувимов и серафимов. Из северных диаконских дверей показалась процессия. Пономарь со свечой и кадилом, а за ним священник с потиром и дискосом в руках свершали великий вход. На сосудах были голубые покровцы с золотой бахромой, такой же воздух лежал у священника на плече. Остановившись на амвоне, он обернулся лицом к народу и возгласил: «Великого господина и отца нашего Тихона, патриарха Московского и всея Руси...» Эти слова могли стоить ему жизни, произносить имя Предстоятеля Русской Церкви было опасно; после того как он был взят под стражу и обвинен нелепо и зло в противлении новой

власти, всякий священник, державший поминальничек за литургией, мог легко быть обвинен в том же и арестован. Но в этом поминовении было исповедание веры во Единую Святую Православную Церковь, несмотря на лавину обрушившихся на нее репрессий, твердо стоявшую в своем единстве. Имя патриарха произносилось так, как раненный на поле битвы воин поднимал знамя своего полка. Понимали это все — и духовенство, и миряне. Молились они за своего Патриарха в те дни особенно усердно, понимая, что стоит ему пасть, кормчему корабля церковного, так и весь спасительный ковчег Русского Православия окажется на краю гибели. 44 * * * — Когда мы коммунизм построим, я выучусь на летуна. Хочу на аеропланах летать. — С чего это вдруг? — Мне давно мечталось летать, как птице. У меня голубятня была. Я смотрел на голубей и думал: «Отчего это людям не дано летать?» Я бы раскрыл крылья и улетел куда-нибудь в жаркие страны. — Куда ты хотел улететь? — Да это я давно хотел, в детстве. Семья была у нас большая. Трудился с шести лет, коров пас. Потом отцу стал помогать, водил лошадь, когда тятка пахал. И лес валил, и рыбачил. Все приходилось делать. Не до игрушек было. А душа рвалась в небо. Выйду, бывало, звездной ночью на двор и смотрю на огоньки. Сколькo их — без числа. Подняться бы, думаю, ввысь и полюбоваться бы на них вблизи. Они мне камнями драгоценными казались. — Мечтатель ты и фантазер. — А что? Мне казалось, что невозможно это, пока не увидел я аероплана. Вот, думаю, это по мне. Стану я летуном и полечу. Для меня, если хочешь знать, революция открыла все пути. Я и коммунизм себе представляю так — это когда все мечты сбываются. — Нет, товарищ, не так ты понимаешь коммунизм. Очень узко; я бы сказал, эгоистично. Ты должен думать не о том, что советская власть тебе даст, а о том, что ты сам можешь сделать для Страны Советов. А ты — полечу. Куда ты полетишь, когда и здесь, на земле, еще дел невпроворот. — А куда мне власть советская прикажет, туда и полечу. И на север, и на юг. И по мирным делам, и на вражьи головы бомбы бросать. Главное — это полет, 45 когда ты смотришь на все вокруг с огромной высоты и голова кружится. — Вот попы, между прочим, и виноваты, что мы хуже всех живем. То нельзя да это нельзя — вот и докатились до того, что смеются над нами, мол, лапотная Россия. В то время как в Европе шел вовсю технический прогресс, придумывали всё новые машины, наши мужики в церкви стояли, лбы расшибали, бо-гомольничали. Вот с попами разделаемся, развеим религиозный дурман и заживем полноценной жизнью, не хуже других. — И на аероплане полетим... * * * Царские врата затворились. Батюшка задернул ка-тапитасму и стал снимать покровцы со стоящих на престоле сосудов. «Священство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем», — услышал он чей-то голос с клироса. Окадив воздух ладаном, он передал кадило. Подумалось: «А угодно ли Богу мое священство?» Вспомнил отец Георгий добрые глаза старого владыки и его архипастырское напутствие в день священнической хиротонии: «В нелегкую годину вступаешь ты во пресвитерский сан. Небывалое по жестокости гонение воздвиг враг рода христианского на Церковь Русскую. Множество верных чад с исповеданием на устах оросили своею мученическою кровью многострадальную Землю Российскую. Множество православных бежали и теперь с замиранием сердца следят за судьбами нашими и молятся за нас из своих укрытий. Но множество и смалодушничали, отпали в раскол и всякие ереси, а то и вовсе отвернулись от Бога. Не будем их винить. Кто- 46 то от страха, кто-то от растерянности изменил Православной вере. Прости их, милосердный Господи. Но ради тех, кто еще непоколебимо стоит в Отеческой Православной вере, мы должны свершать неопустительно богослужения, так, как предписывает нам Устав. Алтари не должны закрываться, но служить и напивать Хлебом Божественной Евхаристии сердца верных и на-поить Кровию Христовой жаждущих Причастия Божеству! И в этом святом делании велика честь — быть со-работником Христу. Благословляя тебя, отец Георгий, на священническое служение, я отдаю себе отчет, что призываю тебя на битву, как солдата на поле боя. Опасен и труден этот путь, но и слава и честь велика — венец от Бога. А если и суждено пострадать за Христа, то для христианина нет большей награды. Матушка Зосима, игуменья Горицкого монастыря, скрывалась в деревне от ареста. Сильно боялась. Пока однажды не посетила ее блаженная Асинефа и говорит: „Давай одеждами меняться. Я твое игуменское одеяние возьму, а ты мои лохмотья. Придут, спросят: «Кто Зосима игуменья?» Я скажу: «Это я». Меня расстреляют, а ты живи. Зато я сразу «пиф-паф» — ив Царствии Небеснем". Поняла вразумление игуменья, не стала меняться, а когда пришли ее арестовывать, вышла с радо-стию, как на праздник». Литургия продолжалась. Хор протяжно пел: «Го-спо-ди по-ми-и-луй», пока настоятель читал тайную молитву на просительной ектенье. «Иже служение службы сея открывый нам, и положивый нас грешных, за многое Твое человеколюбие во еже приносиши Тебе дары же и жертвы о наших гресех и о людских неведениях!» Вновь солнечный лучик на какое-то время озарил алтарь. В такие моменты, когда природа улыбалась, 47 хотелось верить в то, что вокруг тебя мир и благополучие. Солнечный свет высекает из памяти детскую радость и зажигает свечи самых сказочных воспоминаний. В такие минуты и алтарь не только олицетворяет рай, но и является таковым. В клубах кадильного дыма, подсвеченных солнцем, есть ощущение облачного парения. Гармонию дополняет стройное пение, ароматы фимиама и золотое убранство иконных окладов. Сердце переполняет тихое ликование и любовь. Хочется заключить в объятия весь мир. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы»... * * * Храм Покрова виднелся издали, словно большой белый корабль, он выплывал, окруженный всюду водой. Он располагался на небольшом зеленом мысу, который за долгие годы существования здесь храма «зарос» могильными крестами и был окружен каменной оградой с ажурными коваными решетками. Там, где мыс смыкался с берегом, пролегал болотистая ложбина, практически непроходимая ббльшую часть года. Единственным путем, ведущим к храму, был длинный деревянный мост на сваях, переброшенный через речной залив, а с того берега добирались на лодках, возле сторожки в реку выдавался причал. Храм настолько гармонично вписывался в окружающий его пейзаж, что, казалось, создан он не руками людей, а сам вырос здесь, как березы на берегу. На голубом небе клубились серые тучи, солнышко то озаряло все кругом, зажигая краски, то пряталось, и тогда на первый план выходила унылость осенней природы. Деревья уже по большей части лишились своей 48 листвы, и

сквозь кружево голых ветвей все прекрасно просматривалось: и домики церковного хутора, и ровненские квадраты церковных огородов, и дорога, ведущая к храму. По этой дороге неспешным шагом ехали два всадника: один в кожаной куртке и портупее, в форменной фуражке, с маузером в большой деревянной кобуре, а другой — в невзрачном овчинном полушубке, подпоясанном армейским ремнем, и сером картузе. Они оживленно беседовали, то и дело указывая руками на белевший впереди храм. Позади них плелась старая лошаденка, запряженная в скрипучую телегу. Реквизированная в ближайшей деревне подвода управлялась своим хозяином, который предпочел сопровождать представителей власти лично, чтобы уж наверняка получить обратно небогатое, но свое имение. На телеге, кроме возницы, сидели еще четыре красноармейца. Сгрудившись в кучу, они зябко курили, над головами их, задевая друг друга, бряцали штыками длинные винтовки. До церкви оставалось меньше километра, когда со звонницы донесся колокольный благовест. Всадник в кожанке обернулся к спутнику: — Что за трезвон?! — Это служба идет, не тревога. Переположились бы — не так бы звонили. — Уверен? — Точно, точно. Я слышал, как-то на пожар звонили. Ух, гудеж был — мертвый бы поднялся. Это не тревожный звон, спокойный. — Интересно, а с колокольни нас видать? — Думаю, видать. Только, кажись, не разберут, кто к ним едет. Нынче праздник, так к ним вся округа прется, з — Смотри, как бы не спугнуть. 49 * * * В храме заканчивали пение «Верую». Пели, по обыкновению, всем миром. Начинался евхаристический канон — самая священная часть литургии. Священник за закрытыми воротами над святыми сосудами веял воздухом, держа плат на ладонях. Сквозь резное плетение позолоченной резьбы на воротах была видна фигура предстоятеля с воздетыми руками. Высочайшее Таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христа, делающее всех верных сопричастными Тайной Вечери, приближалось. В алтаре время начинает течь медленнее. Все мысли и видения отступают. Только ритмичный диалог священника и клироса, отработанный в словах и интонациях, неизменный от службы к службе, максимальное сосредоточение и пламенеющая молитва заполняют все. Памятуя о том, что за недостойных священников литургию совершают ангелы, отец Георгий чувствовал соприсутствие ангельское, потому как считал себя недостойнейшим служителем. Великие примеры подвижников благочестия из житийной литературы повергали его в благоговейное восхищение. Рядом со святыми молитвенниками прошлого он казался себе всего лишь жалким подражателем, терпимым Богом за недостатком служащих. Молитва его казалась ему слабой, исповедь — редкой, благочестие — внешним. Мало он подвизался, мало побыл возле грамотных отцов, семинарии и той не закончил, а повышал свою духовную образованность по книгам из доставшейся ему в наследство обширной библиотеки покойного владыки. Единственное, что мог он себе поставить в заслугу, так это ту ревность, с которой он 50 относился ко всем своим обязанностям, начиная с богослужбных и кончая заботами настоятеля прихода. Он всего себя без остатка отдал священническому деланию. «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». Звездица крестообразно коснулась диска и водворена в «горня» на антиминс. Перед молитвенным взором священника на диске Агнец — уготованный для священия Хлеб — «...сие есть Тело Мое». И далее взгляд переносится на Чашу, простирается указующая длань — «сия есть Кровь Моя». И вот святые сосуды в скрещенных руках вознесены над престолом — «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся!» Это была не простая литургия. К этому времени все церкви и монастыри в округе уже были закрыты. Местные власти рапортовали о почти повсеместном прекращении религиозной жизни. И только этот храм, будучи в глухом и труднодоступном месте, продолжал служить. Это очень не нравилось новой власти. Приход неоднократно пытались задуть налогами, но собравшиеся вокруг единственной церкви люди отдавали последнее, но выплачивали необходимое. Два священника, попавшие в годину «красного террора» в заложники, были расстреляны в тюрьме, еще один настоятель был арестован и сослан на Соловки. И вот, несмотря на все нападки, совершалась литургия, единственное богослужение на всю округу, некогда прославленную именно за святость этих мест. Господь не оставлял этих людей. И эта служба, ради которой многие проделали неблизкий путь, была благодарением Богу за дарованную милость. 51 * * * Комиссары спешили, привязали лошадей к перильцам пешеходного мостика. По нему повозка пройти не могла, а потому решено было, что до церкви все пойдут пешком. Крестьянин, утешаясь возможностью на праздник в церкви побывать, остался сторожить коней. Глядя вслед удаляющимся представителям власти, он осторожно перекрестился на церковные кресты. Заходя в святые ворота, комиссар в кожанке отдавал распоряжения красноармейцам: «Так, товарищи бойцы, слушай мою команду. Двое — на этот вход в зимнюю церковь, двое — обойти церковь кругом и убедиться, что нет больше выходов или лазов. Мы двое заходим внутрь летнего придела и выводим арестованного. В случае попытки бегства подать сигнал и догонять. Стрелять в крайнем случае». При ближайшем рассмотрении храм оказался внушительных размеров и возвышался над головами, устремляясь в небо. Узор кирпичной кладки был недавно побелен. В нишах высоко над входами на белом фоне стен яркими пятнами выделялись иконы, большие, написанные на металлических листах. Стены всюду обступали кресты, надгробные памятники за коваными оградками. Вокруг церкви вела дорожка, выложенная мелким камнем. Все вокруг дышало ухоженностью. Комиссары подошли к двери. В минутном замешательстве тот, что был в тулупчике, поднял руку для крестного знамения, потом сплюнул и махнул рукой: — Вот ведь привычка-то... — Ну ты даешь, товарищ! Надеюсь, ты не забыл, зачем мы сюда пришли? — Нет, не забыл. 52 — А то уж, я подумал, ты помолиться сюда приехал. — Комиссар в кожанке открыл тяжелую дверь и, не снимая фуражки, шагнул в храм. Его товарищ последовал за ним, в нерешительности ерзая по голове своим картузом. Храм был полон людьми так, что стояли плечом к плечу, пройти даже несколько шагов казалось невозможным. Но эти двое решительно пробрались в середину толпы богомольцев и, поднимаясь на цыпочки, огляделись поверх голов. На них, как ни странно, никто даже внимания не обратил. Все пели «Отче наш». Отец Георгий умывал руки. Пономарь с почтительным поклоном держал лохань и из медного рукомойника лил на ладони священника. Через локоть у него

был перекинут рушник, о который батюшка и вытер руки. Обернувшись к престолу, настоятель с чистыми руками готовился свершать Бескровную Жертву. Перед ним уже были истинные Тело и Кровь Христа, и все остальные действия свершались батюшкой не спеша, с благоговейным трепетом. К новым людям стали понемногу присматриваться, кто-то попросил их снять картузы, но те, не обращая ни на кого внимания, настойчиво пробирались к солее. Из алтаря показалась фигура пономаря в стихаре с корзинами просфор. Один из комиссаров остановил его, #звя за руку. — Просфоры на лавке возьмете, — не глядя на него, отстранился пономарь. Но жесткая рука не отпустила его. Он поднял глаза и вздрогнул: — Вам кого?! — Поп здесь? — Как жо, тутотко. 53 — Где тут? — В алтаре, где ж ему быть, обедня еще не отошла. — Кто там еще кроме него? — Нет никого. Ну, я помогаю... А что хотели-то? — Мы сейчас зайдем по-тихому, а ты у двери постой, чтобы никто больше не входил. — В алтарь? Что вы, нельзя туда мирским. Лучше я батюшку позову... Только он сейчас не выйдет, уже начался Канон. — Тебе сказано, стой у двери. У нас дело государственной важности, так что делай, чего говорят. В этот момент раздался возглас: «Вонмем. Святая святым». Народ встал на колени. Пономарь освободил руку и перекрестился. — Погодили бы вы чуток, а то самое святое совершается. Не по-людски это. — А что он там замолк? Там есть еще выход? Пошли, а то провороним! Отец Георгий принял на ладонь Тело Христово, серый ноздристый кубик, и, прикрыв его другой рукой, склонился к святыне. Прежде, нежели вкусить Христовых тайн, он читал Златоустову молитву. Было что-то завораживающее в его преклоненной к престолу фигуре. Руки, зашнурованные в поручи, скрещены, на них склонилась глава, украшенная волнистыми прядями. Выступ фелони позади спины напоминал сложенные ангельские крылья. Вся фигура цельна и монументальна в своем благоговении. Прежде чем причащать людей, он приобщался сам. В этом был особый смысл — не познав Христа, как можно предлагать Его другим? Вкусив частицу с ладони, священник собрал губами немногочисленные крошки. Затем взял плат, заткнул один его конец, как 54 салфетку, за ворот, взял Чашу и благоговейно сделал три глотка. «Аминь. Аминь. Аминь», — мысленно произнес он, в то время как Кровь Христова теплой волной прокатилась внутрь. «Се прикоснуся устам моим, и отымет беззакония моя и грехи моя очистит», — шептал батюшка, отирая платом край потира. Все. Свершилось причастие. Теперь, прежде чем выйти причащать людей, он вычитывал благодарственные молитвы. В этот момент дьяконская дверь резко распахнулась. От ее движения дрогнули огоньки лампад. В алтарь решительно вошли два человека. Настоятель не сразу оторвал глаза от молитвенных строк. Первое, что пришло ему на ум при появлении чужих в алтаре: «Кто-то умирает, и надо спешить напутствовать Святыми Дарами». Только это оправдывало дерзость явившихся. — В чем дело?! — грозно спросил батюшка и бросил взгляд на пришельцев. Перед ним стояли комиссары — взъерошенные молодые люди с какими-то дурными глазами. Они что-то говорили лающими голосами, но отец Георгий их не слышал. На него словно вылили ушат холодной воды. В глазах потемнело, ноги стали слабнуть в коленях, в груди все сдавило. Он часто представлял себе, как «придут его брать», и он, как ему казалось, был к этому готов, но ему представлялось это как ночной визит домой. Странно было, что они осмелились вот так, среди бела дня, при всем честном народе, в церкви, на праздник... — Вы — гражданин Белов Георгий Николаевич? — прорвались к нему слова незваных гостей. — Да, это я, — выдавил священник, — ваш покорный слуга. Чем могу быть полезен? 55 — Для глухих повторяю! Мы представители Губ-чека и имеем ордер на ваш арест. Так что прошу без промедлений следовать за нами! — Как арест? О чем вы? В чем меня обвиняют? — Это вам разъяснит следователь. Мы же имеем предписание доставить вас в губернию. Так что попрошу на выход, и без фокусов. — Подождите! Это решительно невозможно. Нет, это никак нельзя. Я должен закончить службу... — Для вас она уже закончилась. — Погодите, я так не могу. Я обязательно должен потребить Дары. — Батюшка рванул было к сосудам на престоле, но комиссар в кожанке его опередил и загородил собою Дары. — Стоять!! Не двигаться! У меня приказ — при сопротивлении применить оружие. — При этом он выхватил маузер и ткнул дулом в грудь отца Георгия. — Говорил я тебе, у них тут подземный ход. Сейчас нажмет чего-нибудь, и поминай как звали. — Второй чекист схватил отца за руки и скрутил их за спиной. — Погодите, — батюшке не хватало воздуха, — не буду я от вас бегать. Я согласен пойти с вами куда хотите, но я не имею права оставить непотребленные Дары. Если нельзя закончить службу своим чередом, разрешите хотя бы потребить, ну то есть... съесть и выпить вот То, что стоит за вашей спиной. Это мой долг. — А чё, может, пусть правда выпьет свое вино для храбрости? — комиссар кивнул через плечо на сосуды. — Что ты?! Нельзя ему позволять ни до чего дока-саться. Это может быть скрытый механизм. — Да какой еще механизм в церкви? — уже еле слышно говорил священник. — Уж если на то пошло, сами возьмите Чашу и вылейте мне в рот. 56 — Вот видишь, какой покорный слуга? Еще как бы нам за ним не прислуживать! — Все! Хватит ставить условия! У тебя свой долг, у нас свой. Пошли! Перед выходом из алтаря ему отпустили руки, убрали пистолет. По лицу отца Георгия полились слезы отчаяния: — Господи милостивый! Пресвятая Богородица! За что такое искушение? — Ну-ко, хватит тебе причитать! Успокойся, утри харю! Выйдешь спокойно, не дергаясь. Рот откроешь — стреляю без предупреждения. Побежишь—убью. Церковь окружена. Кто из толпы к тебе кинется — получит пулю. Выходим из церкви, заходим к тебе в избу, там ты свой балахон поповский сьмаешь, одеваешь людскую одежду и поедешь как барин, на подводе, чин чи-нарем. Утрись, сказано! Еще раз говорю, молча, тихо проходим к выходу, глаза в землю, руки за спину. Понял меня? — Понял! И все же... — батюшка бросил взгляд на стоящие на престоле сосуды. Из Чаши поднимался парок. Никогда бы не подумал он, что может оказаться в такой ситуации, что во время ареста он меньше всего будет думать о своей судьбе. Его сейчас беспокоило, кто же сможет потребить Дары, если в округе не осталось ни одного служащего священника? Не подверглось бы поруганию Святое Причастие в случае закрытия церкви. — Пшел! Батюшка вздрогнул от болезненного, тычка, и дверь открылась. Впереди него шел комиссар в тулупчике и, раздвигая народ, говорил: «Пустите же, дайте дорогу батюшке». Народ послушно пропускал их, но гудел 57 и взволнованно переминался.

Отец настоятель не смел поднять глаз. Тот небольшой путь, что он проделал от выхода из алтаря до церковных дверей, казался ему нескончаемым. Сзади шел другой чекист, то и дело наступая на длинные полы священных одежд. Клирошане, певшие тропари, один за другим умолкли. Староста, заметив эту процессию, стал пробираться к выходу. Его охотно пропускали, и когда двери за священником закрылись, он был первым, кто открыл их и вышел на улицу. — Робята, что случилось? Куда вы батюшку-то забираете, обедня еще не отошла. — Все закончилось. Батюшке срочно надо в губернию. — Да как же это так? У нас полна церква народу сошлась. Все готовились, говели, причастия ждут. Дайте хоть причастить людей. Какая спешка? Они дошли до святых ворот, там уже все стало ясно. Вооруженные люди проводили священника в его келью, оттуда вскорости он вышел в пальто и шапке с небольшим саквояжем в руке. Проходя мимо старосты, он поднял глаза: — Иван Егорович! Найди священника, чтобы потребил Дары. Видишь, какая тут спешка? — Ладно, батюшка, понял все. Помоги тебе Господь. — Старик прослезился и перекрестил батюшку. Один из комиссаров подошел к старосте и строго приказал: — Возвращайся в церковь и закрой дверь. Никому не высовываться, а то будем стрелять. Через час можете расходиться. Понял? — Как не понять, все ясно. Старик поплелся к храму и, видя, что из церковных ворот начал высыпать народ, замахал им: 58 — Все в церковь! Пошли быстро! Давай-давай... У самой двери он оглянулся и увидел, как группа солдат и священник удалялись в сторону моста. И тут пошел снег. Слово кто-то взбил перину. Как-то внезапно посыпались сверху красивые ровные снежинки, сначала редко, а потом все больше и больше, пока все кругом не забелело. — Вот тебе и Покров, — вздохнул дед и зашел в храм. Отец Георгий шагнул на мостик, и вместе с ним еще дюжина ног забарабанили по дощатому настилу. — Вот вы мне скажите, любезный, — дышал папиросным дымом в лицо священника конвоир в кожанке, — так, без протокола, ради моей любознательности. Какими словами вы начинаете службу? — Тебе не все ли равно? — отозвался вместо батюшки товарищ его, в тулупчике, с другой стороны. — Вы что именно хотите знать? — ответил вопросом отец Георгий. — Меня интересует вот что: как вы начинаете службу? — Отстань ты от него! Какая тебе, хрен, разница. Ты что, сам в попы собрался? — Погоди... И все-таки. Вот вы служили сейчас свое богослужение. С чего оно началось? — Если вы имеете в виду литургию, то она начинается с возгласа «Благословенно Царство...». — Во-о! — перебил священника любознательный конвоир. — Вы слышали, товарищи? Это же прямая агитация за царский режим! — Позвольте. Как вы все переворачиваете. Тут речь идет о Царстве Божиим. 59 — Не надо демагогии! Нам хорошо известно, как вы умеете зубы заговаривать малограмотному народу. Не на тех нарвались, товарищ служитель культа! Мы очень хорошо политически подкованы. — При чем тут политика? Мы служим согласно древним уставам... — Менять пора ваши уставы! На свалку истории все ваши талмуды! Если не хотите попасть под карающий меч революции, с сегодняшнего дня службы будете начинать не «Благословен царизм», а «Да здравствует Советская республика!». — Это совершенно невозможно. Мы зываем к Небу, а там нет Советской республики. — Нет? Значит, будет! Мы и туда доберемся и порядок наведем! — засмеялся довольный конвоир, и вся охрана разразилась громким хохотом.

Глава 2

...Отца и Сына...

«УАЗ» лихо подпрыгнул на последних колдобинах лесной дороги и с веселым жужжанием выбрался на асфальт. Вот за эту способность скакать по бездорожью его и прозвали в народе «козлом». И как бы его хозяин ни любил свою новую «ауди», она была совершенно бесполезна в здешних краях, где вместо дорог одни направления. Уставший от дорожной болтанки, водитель вдавил педаль газа, и по ровной шоссейке автомобиль понесся с амбициями взлетающего истребителя. Осталось немного, минут сорок — и покажется Старое Село. Теперь можно было включить радио и послушать вместо надрывной музыки двигателя с аккомпанементом бьющихся в стекла оводов что-нибудь более мелодичное. После моста обычно появлялась радиоволна. И действительно, как только в окнах сверкнуло зеркало реки Маттерки, розовой гладью отражавшей закатное солнце, так сразу сквозь хрипы радиоприемника пробилась незатейливая музыка. Ехать стало веселей. В полуоткрытое окно вривалась напоенная запахами трав прохлада летнего вечера. Небо радовало желтыми и розовыми мазками перистых облаков. Вдоль дороги стеной тянулся лес — ельник, перемежающийся с осиной и березой. От шоссе его отделяли лишь заросли дикой малины. Но после недели, проведенной на лесосеке, на лес 61 водитель уже не мог смотреть. Гораздо приятнее было видеть эту ровную дорогу, которая вела его прямо к дому. В «бардачке» он нашарил рукой мобильный телефон. Трубка показывала, что «сеть доступна». Он одним нажатием набрал заветный номер, телефон мурлыкнул, и на табло высветилось: «ДОМ». — Алло! Наташа, я подъезжаю. На том конце всхлипнули, и голос жены сквозь слезы проговорил: — Сашенька! Что же ты так долго? У нас тут... пока тебя не было... Ты где? — Что случилось? — Саша, ты где? — Да я через полчаса подскочу. Что ты хнычешь-то? Случилось что? — Приедешь — расскажу. Давай торопись. — На том конце положили трубку. — Ну вот, опять не слава богу! — Александр сунул мобильник в карман камуфляжной куртки и прибавил скорость. Александр выглядел усталым, его худощавое лицо поросло щетиной. Темные волосы прилипли к влажному лбу, на котором залегла глубокая морщина. Что-то напевая, он едва шевелил сухими, потрескавшимися губами. На руле лежала узловатая кисть с узким золотым обручальным кольцом на безымянном пальце. Запах дорогого одеколona смешивался с бензиновыми парами. Он ехал с лесной делянки. Там его работники кря-жевали лес, заготовленный еще с зимы, грузили на лесовозы и отправляли что куда: березовый фанкряж на Череповецкий фанеро-мебельный комбинат, кругляк хвойных пород в Нижней Мондоме грузился на баржи 62 и отправлялся в Финляндию, часть леса шла на изготовление срубов домов и бань,

которые охотно покупали московские дачники. Такова уж была его работа — доглядеть, чтобы все шло своим чередом. Для этого приходилось целыми днями скакать на своем «козле» с делянки на делянку, развозить мужикам ГСМ и запчасти к пилам и тракторам, следить, чтобы не напился кто, разбирать конфликты. Отучившись в Ленинграде, молодой инженер лесного хозяйства Шурик Фомин приехал сюда уже состоявшимся специалистом. Он неплохо устроился в Питере, но в душе давно лелеял надежду применить свои знания в родном краю. После развала Гледенского леспромхоза в начале девяностых он стал единственным человеком, кто поверил в жизнеспособность обанкротившегося предприятия. Пользуясь общей растерянностью, он выкупил акции, отдав за них все свои сбережения и продав квартиру в центре Питера. Так он начал свой лесной бизнес. А затем были годы непрерывной борьбы за право хозяйствовать. Воевал он с местными властями, вставлявшими палки в колеса, отстреливался от бандитов, уходил из-под прессы налоговых органов. Прошло десять лет, прежде чем он доказал всем свою правоту, встал на ноги и заделался уважаемым; бизнесменом-лесопромышленником. Свою фирму он назвал «Натали», по имени жены. Он очень любил свою жену. Она была утонченной особой, музыкантом по образованию, и к тому же необычайно хороша собой. Она, городская уроженка, не побоялась бросить столичную жизнь и быть с ним рядом, разделив опасности и неустроенность первых лет. Она верила в его удачу. Поддерживала его в моменты, когда руки опускались и ситуация казалась безвыходной. 63 В трудные времена бывало так, что они жили на ее заработок (она давала частные уроки музыки). Только в тихой семейной бухте он переживал житейские бури. Их семья была больше похожа на команду единомышленников. Он был ей очень благодарен за надежный тыл. Наташа родила ему двух детей — сына и дочь. Сыну недавно исполнилось четырнадцать, она назвала его Александром, в честь отца, а дочурка ходила в садик, ей не было и пяти, и звалась она Анастасией. Жили они в особняке под городом Гледенском, в местечке Старое Село. Провинциальный, бывший уездный город, в котором большинство домов были деревянными и отапливались печами, лишь на периферии прирастал пятиэтажками. Большинство домов в нем были дачами и оживали лишь летом. Также и окрестные деревни, которые уже почти вошли в городскую черту, в основном благоустраивались приезжими. Дачные дома москвичей и питерских трудно было перещеголять в убранстве, но дом Фомина выделялся даже на их фоне. Это был знатный терем, рубленный со всем плотницким искусством. Территория вокруг него была выгорожена увитой хмелем оградой с изящными столбиками. Внутри все утопало в цветах. Над черепичной крышей возвышались трубы, увенчанные просечными дымоходами с кружевными флюгерами. Такие же пышные, как старинные фонари, металлические наверх-шие водосточных труб поддерживали крышу. Окна были обрамлены резными наличниками, что придавало и без того богатому дому особую роскошь. Но, несмотря на всю свою состоятельность, хозяева не тяготились этой провинциальностью. Это был их выбор: с теми доходами, что приносил их бизнес, они давно могли бы вернуться в Питер и жить там, но эта, такая родная, провинциальная неспешность и близость при- 64 роды не отпускали их. Они любили этот лесной и озерный край и уже не представляли себе другой жизни. Машина скрипнула тормозами у резных ворот. Из калитки выбежала Наталья, приятная невысокого роста светловолосая женщина с большими заплаканными глазами. Обняв мужа, она взволнованным голосом проговорила: — Сашенька! У нас сын пропал!!! — Как пропал? — Так — пропал, — она всхлинула. — Три дня дома его нет. Я уже обзвонила друзей, знакомых, милицию, больницу... в общем, все, что можно. Единственно куда не дозвонилась — твоему папе в Родино. Ты не съездишь туда? — Да перестань ты хныкать, ей-богу. Он не маленький, наверно, мало ли куда пошел гулять. Ты не торопись панику сеять. Ужином-то покормишь? — Борщ есть, уже грею, — ответила Наталья и продолжила: — При чем тут маленький — не маленький? Мало ли что могло случиться. Он даже не позвонил... Я места себе не нахожу, уже чего только не передумала. Сидим вечерами с Настёной и плачем. Ты, как всегда, «вне зоны действия сети», а Санька поди знай где. Может, и правда случилось что? Да и ты совсем о нас не думаешь, сказал — три дня от силы, а сам на всю неделю задержался! — Ну, ладно-ладно, уймись. Сейчас умоюсь, перекушу и съезжу в Родино. Спустя полчаса Александр уже мчался по речной глади на лодке с мотором навстречу заходящему солнцу. Дом его, стоящий на крутом берегу, с реки смотрелся еще лучше, чем с дороги. Широкая лестница спус- 3 Зак. № 2575 65 калась от дома к небольшому причалу, с двух сторон от которого симметрично располагались лодочный гараж и баня. На причале стояли Наталья и Настюха. Они махали ему руками. Он ответил им и прибавил газу. Путь его лежал в деревню Родино, где жил его отец Аверьян Петрович. Для Александра он был просто батя, а для односельчан — дед Аверя. Человек замкнутый и угрюмый, он мало с кем общался. Занимался охотой и рыбалкой, заготавливал клюкву и грибы, плел корзины из ивовой лозы, растил огород. Возраст его приближался к восьмидесяти, но дряхлым стариком его трудно было назвать; он много трудился физически, редко сидел без дела, а потому двигался легко, не покряхтывая, как большинство его радикалитных сверстников. Много ходил пешком, не зная усталости. Единственное, чего не пощадило время, был его слух, и то он был скорее глуховат, чем откровенно глух. Жену свою Ольгу Ивановну он похоронил двенадцать лет назад, да так ни с кем больше и не сошелся—жил один. Детей у них, кроме Александра, больше не было, да и тот родился поздно, как некое утешение на склоне лет. Поэтому Аверьян Петрович так любил, когда к нему приезжали родственники. Во внуке Сашке души не чаял, хотя и был с ним строг, но не жалел для него ни своего времени, ни сил — учил всему, что умел сам. Дед даже выделил своему любимцу отдельную комнату в своем большом доме. Дом его изначально стоял на самом краю деревни, почти хутор, но после того, как Родино стали активно застраивать приезжие дачники, он со своим домом влился в общий массив. Изредка старик выбирался в центр деревни, где в древней каменной часовне располагался сельмаг. Там он набирал «стратегических продуктов» — соль, сахар, бб муку, да еще спички, все остальное он добывал себе сам, даже хлеб пек по субботам, три круглых караваля. Их хватало на всю неделю. Обычные в магазине папиросы и водка не входили в его потребительскую корзину, потому что он не курил и не пил, чем снискал себе славу

странного человека. Злые языки поговаривали, будто дед Аверя, уходя в лес, общается с лесовым хозяином, а проще говоря, с лешим, оттого-то даже в самые неурожайные на грибы годы он приносил полные корзины лесных даров, рыба сама шла к нему в сети, а дичь будто ждала, когда он отправится на охоту. Да и в целом вид его был загадочный. Заросший недлинной седой бородой, в неизменной шляпе с широкими полями, опираясь на посох, он ходил, чуть сгорбившись, но походкой бодрой и с достоинством. За спиной обычно громоздился брезентовый рюкзак, куда он складывал свой продуктовый набор. Когда он входил, придерживая скрипучую магазинную дверь на пружине, гомонливые старушки замолкали. Он сухо приветствовал всех и больше не произносил ни слова. Когда подходила его очередь, он молча подавал свой рюкзак продавщице, и та наполняла его обычным для него содержимым и только иногда громко спрашивала: — Может, еще что желаете? — Все! Спасибо! — скажет он, бывало, как отрежет. Затем, рассчитавшись, уходит, так же как и пришел, тихо и загадочно. Он как-то странно действовал на людей. При нем мужики не могли материться, молодежка не хахала, его пропускали машины, с ним здоровались дачники. К нему обращались, если нужно было надергать мха на сруб или за брусникой, или за новой корзиной. Он все делал добросовестно: ягода у него была отборная, без сори- б77 ночки, корзина крепкая и аккуратная, мох чистый, но торговаться с ним было бесполезно. Разговаривал он не грубо, но сдержанно и категорично, да к тому же громко, как это бывает у людей, тугих на ухо. Лодка сбавила обороты и медленно причалила к дощатому плотнику. Александр привычно накинул цепь на колышек и сквозь заросли ивняка стал подниматься по крутой тропке к родному дому. Отводок скрипнул, и во дворе отозвался пес Верный, но, чуть завидев желанного гостя, запрыгал на цепи и отчаянно замахал кудряшкой хвоста. Александр потрепал охранника по загривку и спросил: — Дедко-то дома, а? У входной двери на крыльце стояла кичига, которой еще его мать полоскала в проруби белье. В свободное от полоскания время эта палочка выполняла сигнальную функцию. Если хозяин уходил из дому, то ее приставляли к двери, что позволяло гостю еще от калитки видеть, что дом пуст, а если она, как сейчас, стояла себе в углу, значит, батя был на месте. Александр открыл двери и, поднявшись по скрипучим ступеням крыльца, вошел в темные сени. Дверь дома, тугая и тяжелая, поддавалась не сразу. Он зашел в избу. Дома было подозрительно тихо. — Батя, ты здесь? Ему ответствовала тишина. Он прошел в комнату и увидел отца, лежащего на кровати. Странно было видеть этого человека лежащим среди бела дня. Александр обеспокоенно склонился над батей. Тот лежал закрыв глаза, совершенно неподвижно. Глубоко ввалившиеся глаза и заострившийся нос производили впечатление мертвенности. — Батя! — Сын легко, боясь напугать, коснулся отцовского плеча. — Ты живой? 68 Веки дрогнули, и глаза деда Авери открылись. — А, это ты, Саша, — едва проговорил старик хриплым голосом. — Вишь, я тут захворал чуток. — Напугал ты меня, батя! Что с тобой? — Да что может быть со старым человеком, помирать пора. — Ты это серьезно? — Как не серьезно, изнасилован весь, как тряпок старый, пора на свалку. — Перестань. Скажи лучше, как ты? Что болит? Чем помочь? — Да слабость какая-то, ни рукой, ни ногой не пошевелить. Была бы скотина, так через силу бы, но встал, кормить да доить, да на пастбище гнать, а так, коли никто тебя не ждет, вроде и вставать тяжко. Ты не думай, я еще не совсем свалился. Я еще могу за собой поухаживать сам, тебя не обременю. — Слушай, Санька у тебя? — А? Санёк был, да. Уехал на лодке кататься. Он меня кормил, пока я тут валяюсь. В аптеку на велосипеде сгонял, лечит меня. — Молодец пацан. А домой не заехал отметить, Наташка там на ушах стоит. Думает, куда делся парень? — Мне сейчас полегше. Я уже встаю тихонько, по дому лазею. Только голова кружится, качает из стороны в сторону. — Ну, добро. Я сейчас на чердак поднимусь, Наташку успокою, и мы с тобой чаю попьем. Александр встал с отцовской постели и, выйдя в сени, поднялся на сеновал. Только там под стрехой можно было поймать волну и позвонить по мобильному телефону. Сквозь хрюканье и паузы далекой сети он сумел вызвонить дом и поговорить с женой. 69 — ...Так что, Наталка, я пока Саньку сменю, побуду с батей денек-другой, а коли будет совсем плохо, придется его к нам везти... Сашка на реке, я его пока не видел, рыбачит, наверное. Сегодня не погоню, уже поздно, а завтра с утра на велосипеде прискачет... Он у нас молодец, деда выхаживал... Связь оборвалась, но главное было уже сказано. Он опустился в сено и, раскинув руки, закрыл глаза. В этом доме он не мог себя чувствовать иначе как маленьким мальчиком. Здесь прошло все его детство. Здесь он знал все уголки, все сучочки на смолистых досках. Он мог с закрытыми глазами пройти по всему дому. В его жизни столько произошло всего, столь многое изменилось, лишь в родительском доме все было точно так, как в раннем детстве. Для него это было некоей константой, это был пуп земли, такая точка, вокруг которой все на свете вращается, а она лишь поворачивается на месте. И слово «Родина» для него настолько прочно связывалось в сознании с таким созвучным Родиной, что если бы он был деревом, то его корни непременно бы впитывали соки земли лишь в этом, таком родном сердцу месте. На крыльце, куда он вышел покурить, они сидели вдвоем с Верным. На улице уже темнело, но полной темноты не наступало. В эту пору солнце уходит за горизонт недалеко; едва успеет стемнеть, как тут же медленно наступает рассвет. Этот феномен белых ночей, так удивляющий приезжих, был здесь привычной обыденностью. Пользуясь светлой полночью, молодежь гуляла, на деревне не стихала музыка. В воздухе звенели комары, пахло травами. По реке проплывали горящие разноцветными огонечками баржи и теплоходы, после их прохода на берег обрушивалась могучая волна, которая качала лодки и захлестывала причал. Пес щелкал пастью и мотал головой, отгоняя докучавших комаров, среди кустов чивкали птицы. Аккуратно затушив окурочок, Александр зашел в дом. Отец его сидел на кровати и попивал из кружки воду. — Самовар-от ставь, чаю попьем. Сашку выглядывал? Он может поздно прийти, можно его не ждать. — Самовар уже кипит. Тебе принести или на кухню подтянешься? — Когда ты успел самовар-то поставить? Принеси, коды не трудно. Чашку там мою увидишь... «Отец сильно постарел», — вдруг отметил Александр. То ли не приглядывался раньше, но сейчас его лицо, казалось, совсем осунулось, его почти не было видно из бороды. Только глаза, как угольки, горели с прежней силой и пронизательностью. Чаевничал он недолго:

сделав пару глотков дымящегося крепко заваренного чая вприкуску с кусковым сахаром, снова лег. — Я, Саша, покемарю. И ты ложись, Санькина комната открыта. А он придет, на бабушкину койку ляжет. Я таблеток напился, тепереча хорошо спать буду. — С этими словами дед отвернулся к стенке, на которой красовался старый гобелен с оленем, и тихонько засопел. Уставший от дорог и волнений, Александр лег на постель в Сашкиной келье, но сон не шел, и он бездумно осматривал развешанные по стенам рисунки, чуть видные в сумеречном свете белой ночи. То, что его сын рисует, он знал, но загруженность на работе и редкие побывки дома не позволяли ему отслеживать развитие Санькиного художественного дарования. Только вот эта вынужденная жизненная пауза позволила приглядеться к его рисункам повнимательнее. Это были 71 неплохие акварели, замечательная графика, выполненная тушью, карандашные наброски. Импровизированный вернисаж увлек его настолько, что он поднялся с кровати и включил свет. Лампочка без абажура ярко зажгла краски. С картинок открывался удивительный, фантастический мир детской души. Сюжетов было несколько, но преобладающими были два, каждый раз по-новому повторяющиеся в разных произведениях: утопающая в водах церковь и лицо милостивой девушки. В плывущей по водам церкви Александр без труда узнал храм Покрова, что стоит на острове посреди Волго-Балта в пяти километрах отсюда, а девичий лик был ему незнаком; это была не девушка вообще, а какая-то знакомая художнику девица, потому как она на всех рисунках была одна и та же, словно она ему позировала. «Да он влюбился!» — подумал Александр, вглядываясь в лицо незнакомки. Оно напоминало ему врубелевскую Царевну-Лебедь с глубокими, бездонными глазами, наполненными непередаваемой грустью. Тут же вокруг виднелись следы творческой деятельности — пестрые листки с пробными мазками — и инструменты: краски, карандаши, баночки с тушью, кисти разных номеров. Было в этом беспорядке невидимое присутствие самого художника. Вспомнилось о Сашкиной отлучке. Александр бросил взгляд на часы. Ходики с кукушкой показывали половину третьего. Глаза слипались, но чувство беспокойства невольно шевельнулось в душе: «Где его, правда, носит?» Отец в соседней комнате негромко храпел, закинув за голову руку. На краю постели, чуть прикрыв глаза, нес ночную вахту толстый серый кот. За окнами уже брезжил рассвет. На улице стало тихо. «Может, он домой подался?» Александр присел за Сашкин стол и уви- 72 дел толстую тетрадь в синих корочках, на которой со всей тщательностью было выведено: «Краеведение». Он взял тетрадку и пролистал. Она, оказалось, была испещрена записями. Размашистым почерком Сашка выводил абзац за абзацем, разными ручками и с разной старательностью. Из прочитанного следовало, что на занятиях школьного краеведческого кружка «Истоки» он выбрал тему для исследования «Покровская церковь. История храма на острове». Листки в клеточку стали исторической летописью храма, а сам летописец оказался столь же одарен умением описывать события словесно, как он это делал и живописно. Время текло медленно, сон куда-то улетучился, и, пристроившись у настольной лампы, Александр с пухлой тетрадкой расположился на кровати. * * * ы. «Место это было обжито древним человеком в глубокой древности. Археологи, проводившие здесь исследования еще в 20-х годах, предположили, что первые стоянки в районе Покровского погоста появились 9000-9300 лет назад — в период стабилизации климатических условий, последовавший за отступлением ледника и обмелением послеледниковых водоемов. Мезолитические находки обнаружены в раскопах и собраны с размываемых участков правого берега реки Шексны на протяжении более 200 метров. Это была культура охотников, рыболовов и собирателей. В культурном слое обнаружены сотни костей, преимущественно бобра, а также лося, лисицы, собаки и множество полуистлевших рыбьих костей. Найдены следы кострищ и хозяйственные ямы с охотничьим и 73 бытовым инвентарем — каменными ножами, скребками, проколками, сверлами, наконечниками стрел, изделиями из кости и рога — рыболовными крючками, гарпунами, зубчатыми остриями. На дореволюционных картах это место называлось Бабым островом. Это позволяет предположить, что на этом месте существовало древнее святилище и стоял идол — Каменная Баба, сложенная из валунов подобно тому, как сейчас дети лепят снежную бабу. Это было следствием распространенного в эпоху каменного века одного из самых древних религиозных культов — культа Богини-Матери. Баба эта — идол всеобщей прародительницы. Древние верили, что из ее лона вышли растения, животные и люди. Поэтому в мышлении первобытного человека жило чувство родства, которое связывает все живые существа. Для охотников каменного века лоси и медведи, орлы и бобры — это такие же дети природы, как и они сами». На страницах тетради было множество рисунков древних людей, срисованных и нафантазированных. Они заметно скрашивали скучный академический текст, и история как бы оживала. Иначе невозможно было представить, что здесь, в столь привычных местах, еще в седьмом тысячелетии до нашей эры жили люди. «В языческой религии древних славян-земледельцев также существовал культ женского божества, Матери-Земли, Мокоши — богини земли, урожая, женской судьбы, Великой Матери всего живого. Мокошь, как богиня плодородия, тесно связана в мировоззрении славянина-язычника с Семарглом (крылатым псом, охранителем посевов, богом корней, семян, ростков) и грифонами, с русалками, орошающими поля, с водой вообще. Ей поклонялись у водных источников 74 (рек, озер, родников). Постепенно Мокошь стала почитаться как подательница дождя. В конце концов в славянском пантеоне она «поднялась» с земли на небо и заняла место главного женского божества. Это отражено в повсеместно распространенном у славян представлении о трех матерях каждого живого существа — родной матери, Матери-Земли и Богоматери». Разглядывая картинки, Александр пролистал несколько страниц, пока не увидел уже знакомый по картинкам на стене образ храма. Мимо этой церкви он не раз проплывал, будучи на рыбалке. Ее трудно было различить среди зарослей кустов и деревьев: бблыпая часть ее была разрушена, но черный купол с крестом еще возвышался над зелеными кронами. Ближе подплыть к ней ему не доводилось, да и было это небезопасно. Этот остров считался рекордсменом по числу несчастных случаев: не проходило навигации, чтобы кто-нибудь в поисках приключений не попытался пробраться к руинам и калечился или тонул, а то и вовсе пропадал. Любителями экстрима были, как правило, приезжие дачники.

Трагические истории, связанные с церковью на острове, передавались из уст в уста с детства, и еще бабушка рассказывала ему эти страшилки. Все местные знали про этот зловещий остров, оттого и существовало негласное табу на подобные десанты. На Сашкином рисунке храм предстал во всей красе, возможно, это была художественная копия старинной фотографии или фантазия на тему различаемых силуэтов. «Летописи свидетельствуют, что после принятия христианства князь Владимир „повеле рубить церквы и поставляти по местом, идее же стояху кумиры“. Впервые в летописных источниках ЦЕРКОВ ПOKPOBA 75 ПРЕЧИСТАЯ ШТО НА БАБЬЕМ ОСТРОВЕ упоминается в 1485 году. К тому времени на месте древнего языческого требища стоял деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы с приделом пророка Божия Или и служил приходским храмом целого куста деревень: Родино, Ратибор, Глазатово, Мигачево, Ивицы и прочих, бывших вотчинами Кирилло-Белозерского монастыря. В ту пору по Шексне проходили не только важнейшие торговые пути, но и паломнические маршруты к древним северным обителям. Редкий струг или ладья не приставали к причалу Бабьего острова, все стремились отслужить молебен о благополучном путешествии, оттого церковь эта была достаточно богатой и по красоте своей, скорее всего, не уступала архитектурным шедеврам, сохранившимся в Кижях». Александр представил себе эту деревянную церковь. В округе было несколько таких памятников древнего зодчества: покосившиеся и почерневшие от времени, они настолько растворились в окружающей их природе, словно выросли из земли. Толстые, отборные бревна с мелкослойной древесиной, срубленные на болотах, стойко сопротивлялись гниению. Они затянулись лишайниками, поросли мхом и кустами, но держали равнение стен. Только суровый климат с резкими перепадами зимней стужи и летней жары да ровда—сезонные колебания промерзающей почвы — за несколько столетий смогли пошатнуть крепость этих стен. И брошенные людьми церковки склонили крестоносные маковки в невольном реверансе перед неумолимостью времени. «В 1778 году на прошение прихожан Покровского прихода Гledenского духовного управления Новгородская духовная консистория дала разрешение на строи- 76 тельство на месте сгоревшей годом ранее деревянной церкви на Бабьем острове каменного храма. Строительство продолжалось четыре года, в новой церкви, помимо главного летнего алтаря в честь Покрова Богородицы, были устроены два зимних — в честь пророка Или и чтимой иконы Казанской Божией Матери. Это было время проведения губернской реформы, в строительстве доминировал столичный классицистический стиль архитектуры, который поддерживали как светские, так и духовные власти. Утвержденный проект стал типичным для русской провинции, только местные каменных дел мастера смогли внести в него элемент своеобразия. Освящен храм был на Казанскую 8 июля 1782 года по старому стилю». Александр отложил чтение и откинулся на подушку. Усталость взяла свое, и он уснул при первых лучах восходящего солнца. Он провалился в сон так, как парашютист, оттолкнувшись от борта самолета, ложится на облака. Сознание сделало несколько вялых попыток возврата в действительность, но потом пустилось по волнам сновидений. Ему снился сказочный лес. Он шел по нему не спеша, как бы прогуливаясь. Отводил рукой нависающие ветви, на которых благоухали невиданные цветы. Пели птицы; то и дело, не боясь, на него выходили причудливые звери и были приветливы и даже ласковы. Он трогал их руками, гладил их шерсть. Путь лежал по берегу хрустального ручья, на дне его посверкивали разноцветные камешки. Вода струилась быстро, журча на перекатах. Посреди просторной поляны обнаружилась каменная скамья, над которой, словно резная сень, скло- 77 нились цветущие ветви деревьев, перед ней из большой хрустальной вазы струился красивый фонтан. Вода из фонтана и питала тот дивный ручей, а он, в свою очередь, поил чудных зверей. Он присел на скамью и пригляделся к фонтану. Сквозь радугу брызг он различил неясный силуэт. Не зная, кто стоит по ту сторону фонтана, он обратился сквозь завесу фонтанных струй: — Ландшафтный дизайн на уровне! Вы не скажете мне, чьи это владения? Ответ не заставил себя ждать. Он услышал приятный голос, и там, откуда доносилась речь, на поверхности искрящихся брызг стали возникать буквы, прозрачные и крупные, причем сменялись они столь плавно, что можно было разобрать слова. За этим сопроводительным текстом из сменяющихся литер угадывался пристальный взгляд говорящего: — Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, Тот, кто живет на высоте небес, чтоб оживлять дух смиренных и сердца сокрушенных, Он владеет этим миром. — Это круто — гостить у такого хозяина! Только ума не приложу, как я здесь очутился. Но уж раз я здесь, может, Он мне поможет? — Всякое творение ожидает, чтобы Он дал им пищу их в свое время. Он дает им — они принимают, отверзает руку Свою — насыщаются благом. — Нет, не о пропитании хочу просить, с этим все нормально. Если можно, хотел бы знать, где мой сын Сашка? — Он возвратится, избавленный Вышним, придет к тебе с радостным восклицанием, и радость вечная будет над главой его, он найдет радость и веселие, а печаль и вздыхание удалятся. 78 — А где он сейчас? Мы все переживаем, его давно не было дома. — Зачем вам было искать его? Или вы не знали, что ему надлежит быть в том, что принадлежит Отцу его? — Но ведь я его отец! — Не все ли мы имеем одного Отца?.. Эти слова эхом отозвались в воздухе. Струи фонтана прервались. Тяжелые капли упали в чашу, и вместе с ними растаял и силуэт говорящего. Через мгновение вода снова переливалась в лучах солнца, но кроме мирно резвящихся зверушек рядом никого не было. Поднявшись со скамьи, он отправился в обратный путь. Пересек цветущую поляну, раздвинул занавес листьев и шагнул в темноту сна без сновидений. * * * Утро пощекотало лицо солнечным лучиком. Александр проснулся и прикрыл глаза от слепящего света. С кровати упала на пол синяя тетрадка и напомнила о ночном чтении. Уютная Сашкина комната в утренние часы всегда была залита светом. За окном виднелась излучина реки и заросшая лесом Попова гора. В этом доме, как нигде, сон давал настоящее отдохновение. Он всегда просыпался здесь исполненным сил. Отворив дверь, он взглянул в сторону кровати отца. Его не было. Не было и Сашки. Александр вышел на крыльцо. Батя сидел на лавочке в привычной своей шляпе, опершись на посошок. — Доброе утро, батя. Старик оглянулся и кивнул: — Здорово. Выспался? 79 — Да, хорошо. Ты-то как? — приходилось кричать ему, будто он был на том берегу реки. — Как самочувствие? — Неважно. Еле ноги волочу. Подышу еще чуток да

пойду лягу. Мне, как старому коту, вылежаться надо. — Санька не появлялся? — Не видал. Похоже, он домой отправился да разминулся с тобой. Лодку глянь, тут ли, нет. Да домой позвони. Малой уже такой большой, самостоятельный. За него не переживай. Александр привык доверять отцу. У него было какое-то необъяснимое чутье на все, чего ни коснись. Иногда он о будущем говорил в настоящем времени, и оно сбывалось. Это не был дар пророчества, но в моменты сомнений его совет оказывался верней всего. Так и сейчас: стоило отцу сказать, что все в порядке, и прежние беспокойства отступили. Сын помог отцу вернуться на постель, вскипятил самовар, напоил его чаем и вновь влез на свой переговорный пункт. Волны не было. Аппарат обиженно пикал, выдавая на дисплей «НЕУД. СОЕД-Е». Так и не связавшись с домом, Александр вышел на крыльцо, раскуривая сигарету. По давно заведенному обычаю в этом доме не курили. Проходя мимо Сашкиной кельи, он зацепил синюю тетрадь, чтобы дочитать заинтересовавшую его историю. Ветерок раздул странички в клеточку на том месте, где был рисунок, изображавший красноармейцев, сбрасывающих колокола. «...После ареста последнего священника приход вдовствовал несколько лет, пока староста церковный Колосов Иван Егорович по просьбам прихожан не согласился рукоположиться во священство. Бывший начальник Гледенской тюрьмы, он прослужил в такой должности 80 до 1922 года, но после того, как отказался вступить в большевистскую партию, его заменили „надежным товарищем“. Потеряв средства к существованию, он перебирается на Покровский погост и становится старостой единственной на то время действующей церкви. Но после рукоположения во священство он временно направляется на другой приход в соседний район, где спустя год его арестовывают и приговаривают к десяти годам тюрьмы. До наших дней дожила одна его дочь, которая вспоминает, как приходили из сельсовета забирать его именную шапку. По неуточненным данным, во время этапа он, сильно болевший ногами, отставал и задерживал колонну, что очень раздражало охранников. Не особо церемонясь с пожилым священником, его отвели в сторону от дороги в лес и там расстреляли, якобы „при попытке к бегству“. Где это случилось, сказать еще труднее». Эту бабулю — Колосову — Александр, конечно же, знал, она жила в Родине, но никому, по понятным причинам, она не рассказывала своей истории. Как это удалось раскопать Сашке, оставалось только гадать. Он смог по-новому взглянуть на привычные события и людей. Чтение стало увлекательней. Перед ним разворачивалась панорама столетий на примере отдельно взятой Покровской церкви. «Церковь неоднократно пытались закрыть „по просьбам трудящихся“. Как и большинство таких же деревенских храмов, ее ждало варварское разграбление и превращение в какое-нибудь хозяйственное помещение, но ее положение, достаточно изолированное, с одной стороны, и твердая позиция приходской общины — с другой, не позволили это сделать. Сторож церковный, имя которого только и смогли вспомнить — 81 Стефан, караулил, сидя на колокольне. Едва завидев „начальство“, уходил с ключом в болото. Его искали, но бесполезно. Без ключа же в храм проникнуть не могли, двери были сделаны на совесть, а на окна железные ставни и кованые решетки. В один из таких рейдов местные активисты забрались на звонницу и сбросили колокола. Пытались уронить купольный крест, но во время верхолазных работ двое хульников упали с купола, один расшибся насмерть, а другой сломал позвоночник и стал калекой на всю жизнь. Крест же лишь едва заметно наклонился. После этого случая нападения на церковь прекратились. Но прекратились и службы церковные. Стефан еще долго оберегал храм от посягательств. Его подкармливали посещавшие кладбище прихожане. Однажды он ушел на болото и не вернулся. Церковный погост стал зарастать, пока не превратился в непроходимый лес». — Здорово, Санёк! — С Александром поздоровался проходящий мимо старик. — Здравствуйте, Кирилл Яковлевич! — отвечивал он своему старому учителю. — Дома ли Аверьян Петрович? У меня к нему дело есть. — Дома, да только заболел что-то батя. Лежит, не встает. — Вот как. Гм. А давеча, третьего дня, приглашал меня за корзиной. Скоро грибы пойдут, а у моей ручка оторвалась... Так, ничего был, вроде не выглядел больным. А что с ним? — Да слабость какая-то, утомился, старость ведь не радость. Но я спрошу его, может, он сплел уже, так я вынесу. Но отец спал. Александр пробежался по дому, заглядывая по углам. В отцовской мастерской на столе дей- 82 ствительно стояла корзина, но недоделанная. Взгляд упал на дверь за шкафом. Она была закрыта на огромный амбарный замок и, судя по скопившейся в углах пыли, не открывалась многие годы. Когда-то давно, трудно припомнить точно, но еще когда Александр был совсем маленьким, батя затеялся к дому прирубить еще одну комнату, но так как сразу за домом шел уклон к реке, то этот прирубок пришлось делать на сваях. Небольшая комната, три на четыре метра, была тогда домашней ударной стройкой. Когда же все было готово, то, к удивлению домочадцев, батя не стал в ней прорубать окна, а на двери повесил этот вот громадный замок. И превратилась эта комната в какое-то хранилище. Что у него там было, никто не знал, потому как строгость Аверьяна Петровича не позволяла даже домашним совать нос в его дела. Теперь, когда он уже состарился и бревенчатые стены пристройки давно потемнели и заросли лишайником, можно было полюбопытствовать, что там за склад, но, по давно заведенному обычаю, эту дверь так никто и не открывал. — Вы знаете, Кирилл Яковлевич, а корзину-то он не доделал. Простите. Может, я вам деньги верну, и вы ее у другого кого купите. — Нет, я деньги вперед не платил. Да и что толку? Так, как ваш отец, все равно никто не сделает. — Я думаю, денек-другой, и он подыметя. Сделает вам, что обещал. — Ладно-ладно, пусть поправляется. А вы тут один или с семьей? — Один. Да Санька тут где-то лазит... — Хороший паренек ваш Саша — уважительный. Его тут все любят. Он старикам помогает. Историей интересуется. У меня вот недавно сидел, про церковь 83 на Покровском погосте спрашивал. Сказал, что доклад в школу готовит. — Да, вот тетрадка его. Читаю тут на досуге. Интересно... А что, ее и вправду взрывали? — Хотели взорвать, да не стали. А дело было так. Я еще пацаном был, мы туда на лодке часто плавали. Жили мы тогда аккурат напротив церкви, на Звозе. Теперь-то этой деревни нет, она под воду ушла, когда Волго-Балт строили. Однажды видели, как там работали взрывники. Это были женщины, причем молодые, бойкие. Кирками и ломом долбили в стенах дыры и закладывали взрывчатку. Работали целую неделю. Говорили, что скоро будет разлив воды и все здесь затопит. Дома возле церкви разобрали

и перевезли выше по Шексне в Ратибор, правда, они не долгонько стояли — сгорели на третий год. Некоторые покойников своих увозили, перехоранивали. А когда должны были взрывать, нас оповестили, приказали заклеить окна бумажными полосками крест-накрест. Но что-то у них не вышло — то ли взрывчатка негодная оказалась, то ли что-то не рассчитали. А может, установка другая поступила, взрывчатки не хватало, а объектов по берегам нужно было ликвидировать много. В основном сносилось то, что может помешать судоходству, а церковь-то на усторонке, как знаете, фарватер-то ближе к нашему берегу. Так вот потыркались и отстали. Все заряды повывняли и уехали. Наши-то в колхозе думали на печи кирпича с нее добыть. Да только толку с этих взрывов не было никакого. Вон в Старом Селе взорвали церковь уже при Хрущеве, а потом принимали у населения очищенный кирпич. Сначала наши дурачки бросились кирпичи церковные от раствора очищать, денег хотели 84 легко заработать. Да не тут-то было. Связка между кирпичами на яичных желтках замешана, помучались да и плюнули. Так и пошло все на свалку. — А что там за взрывы были, мне в детстве рассказывала мать? — Это было уже позже. Тогда, когда уже всю Волг-Балт действовал. Церковь оказалась как на острове. Ну, кто-то пытался пробраться внутрь церкви, заложил взрывчатку и рванул. Да, это было. Но это уже бандиты. Лет тридцать назад. Только к тому времени церковь уже изрядно подмыло водой, и она от этого взрыва вся развалилась. Колокольная высоченная была — упала. Только летний свод стоит еще, но тоже опасно, не сей год, дак на будущий точно падет. Я Саше говорил, что там не один уже краевед шею сломал. А он все одно намерялся туда сплавить пофотографировать... — Что? Он туда собирался?! — Ну да. Показывал мне давеча фотоаппарат свой новый — цифровой, без пленки. Съезжу, говорит, снимаю. А я ему... — Ё-о!!! — Александр вскочил, напугав пса, и кинулся к реке. „R * * * г Сашка лежал в лодке, которая тихо покачивала его на волнах Шексны. Теперь название этой реки, как успокоительное лекарство, очень было ему нужно. Два славянских слова «шествовати» и «костно», слитые в одно — Шексна, как нельзя лучше описывали ее мирный, спокойный и неторопливый характер. Он неподвижно лежал, глядя в небо. Прозительная голубизна летнего неба, расходящаяся местами молочными разводами 85 облаков, тоже успокаивала. Сердце его продолжало учащенно биться при воспоминании о пережитом, но тот страх, который он испытал, не был разрушительным для его психики, а скорее поставил в его душе все на свои места. Ему даже показалось, что до сего дня он еще мог называться ребенком, даже в свои четырнадцать лет, но теперь как-то вдруг повзрослел. В небе пели птицы, теплый ветер приносил запахи цветущего луга, гудели назойливые паузы — все вокруг было вроде бы как обычно и между тем приобрело новый, дотоле неведомый смысл. Санька с широко распахнутыми карими глазами выглядел растерянным. Длинные ресницы, доставшиеся ему от матери, делали его взгляд очень выразительным. Его открытое, чуть продолговатое лицо с яркими, запоминающимися чертами освещало солнце. В тревожной задумчивости он закусил нижнюю губу. Ветер шевелил его непослушные темно-русые волосы. Он лежал в лодке, как фараон в саркофаге, так же сложив руки на груди, так же, как скипетр, сжимая в кулаке огромный ржавый ключ. О смысле своего бытия Саша задумывался частенько, наверное, как и всякий его сверстник. Так уж устроена душа подростка, что на пороге зрелости она как бы заново открывает себя, знакомится с собой заново. Ему казалось, что он знает о себе все, но от этого знания ему не становилось легче. Предсказуемость жизни, лишенной сказочной интриги, без волшебства, каких-то превращений и невероятных приключений, делала его бытие серым и скучным. Оттого он в этой обыкновенной жизни всюду искал чуда. Ему казалось, что он сам способен сотворить чудо, но для этого нужны были какие-то сокровенные знания. А в школе его учили матема- 86 тике и русскому языку, биологии и физике, химии и истории и еще много чему, что он без труда мог прочитать в простой библиотечной книжке. Но никто не научил его управлять погодой или предсказывать стихийные бедствия, его учителя не могли рассказать, как без помощи технических средств человек может оторваться от земли и полететь или как стать невидимым и проходить сквозь стены. Он чувствовал в себе силы, каких не было в других, но проявить их он не мог и оттого не то чтобы страдал, но легко досадовал, как, должно быть, неуютно чувствовал бы себя скрипач, потерявший скрипку и не имеющий возможности восстановить свою потерю. Как музыкант мог бы показать свой талант, если у него нет скрипки, будь он хоть трижды Паганини? Его страдания утихли, когда он впервые увидел Свету. В школе с девчонками он дружбу не водил, а после солидного стажа в качестве старшего брата младшей сестренки и вообще имел полное право их ненавидеть, но был к ним снисходительно-равнодушен. Одноклассники его, которых в классе было большинство, считали Сашку тихоней и игнорировали, а в соседях и знакомых были все такие, что и поговорить-то с ними было не о чем — вертихвостки и модницы. Они для него просто не существовали. А после появления в его жизни Светы ему и вовсе не хотелось больше ни на кого смотреть. Она стала для него идеалом. Ее красота затмевала все вокруг, а взгляд глубоких, темных, бездонных глаз хоть и был всегда с легкой грустинкой, но неизменно светился добротой и приветливостью. Впервые он увидел ее на берегу реки, когда сидел в очередной раз с удочкой. Рыба не клевала, и он после бесполезно проведенного часа собирался было 87 уходить, как вдруг заметил, что по кромке берега босиком в его сторону идет девушка. Она двигалась какой-то невесомой походкой, едва касаясь влажного песка. Светлое платье сияло чистой белизной, множеством складок спускалось почти до пят. Широкие рукава трепетали на ветру; полностью закрывая руки, они замыкались широкими манжетами на запястьях, видны были лишь узкие кисти рук с тонкими «музыкальными» пальцами. На ветру развеивались вьющиеся локоны темных каштановых волос, перевязанные лентой в виде венчика. Вся фигура ее была грациозна и гармонична. Она, словно воплощенная мечта, приближалась к нему. А он от растерянности даже не смог отвести взгляда и, скорее всего, встретил ее с открытым ртом. Подойдя, она улыбнулась и приветливо на него посмотрела. Саша растерянно кивнул и отошел в сторонку, полагая, что он загораживает ей дорогу. Но девушка осталась стоять возле него и, глядя на то, как он сматывает удочку, кивнула на реку. — Да не клюет ни шиша, — пояснил Саша свои сборы. Девушка протянула руку к его удочке с явным

намерением показать ему, как надо правильно ловить. Тот охотно предоставил гостье свою снасть и склонился к консервной банке с червями, чтобы насадить наживку. Но в тот момент, когда он выковыривал из зубастой банки непослушного дождевика, свистнуло удилище и грузило булькнуло в воду. — Погоди-ка, там червя нет. Но молчаливая гостья, по-прежнему не говоря ни слова, мягким жестом отклонила покрытого песком червяка. Повернувшись к красному шару заходящего солнца, она подняла руку к вечернему светилу и запе- 88 ла. В этом пении она обнаружила чистейший голос, сильный, затрагивающий самые тонкие струны души. Она выводила сложную мелодию с легкостью певчей птицы, ничуть не напрягаясь. Плавное пение разносилось по всей округе, но слова, которые она пела, были странными, тем более что каждую гласную она выпевала с невероятными фиоритурами. Если он правильно понял, то она пела: «ВИДЕХОМ СВЕТ ИСТИНЫ...» Причем при слове «свет» она разворачивалась к угасающему солнцу, как бы беря его на ладонь. Когда последний закатный лучик скрылся за горизонтом, она, улыбаясь, протянула ему удилище и шагнула навстречу рдеющему небосклону по подернутой рябью водной глади. Сначала Саша не понял, что она идет уже не по берегу, а по воде, но потом, приглядевшись, увидел, как босые ножки ступают по речному прибою, даже не оставляя кругов. Но в тот момент, когда он сам онемел от удивления, удилище дернулось, и он почувствовал, что там, на другом конце лески, подцепилось что-то солидное. Он инстинктивно подсек и вытащил на поверхность здорового леща. Этот монстр, килограмма на три, играя чешуей, плюхнулся обратно в воду и согнул удилище в дугу. Тут без подсачика не вытащить. Саша рванулся по берегу к своим вещам, подтаскивая огромную рыбу. Когда чудо-рыба уже была хвостом на берегу, подбрасывая себя над травой, Саша вспомнил про девушку-певунью, но ее и след простыл. Он, бросив трофей в садок, побежал вверх по крутому берегу, но как бы широко ни открывалась ему панорама речной излучины, нигде он не увидел приметной белизны ее платья. Она словно растворилась. Тогда он подумал, что ему все пригрезилось, и, чтобы не забыть этот сон наяву, тут же сел 89 за мольберт и всю ночь, покуда не свалила его усталость, пытался ее нарисовать. Спустя несколько дней она ему приснилась. Вся сияющая, одетая в какую-то сверкающую мантию, она стояла на хрупком мостике через реку Гремиху. А мосток вот-вот рухнет. Уже видно, как расходятся бревнышки, слышно, как хрустят подгнившие досочки, еще мгновение — и она рухнет в бурлящую на перекатах речку. Но она стоит, не замечая, что из-под ног уходит опора, и загадочно улыбается. — Эй, ты провалишься! — лишь успел крикнуть Саша... и проснулся. С тех пор он грезил ею. Всякий раз перед сном он разглядывал свои наброски, сделанные в тот день. Он обращался к ней и просил, чтобы она еще раз ему приснилась, но проходили дни, а она не являлась. За суетой домашних забот постепенно стал стираться из памяти ее настоящий лик... Но вот однажды, когда Санька отправился в лес за грибами, среди светлого березового леса он услышал знакомое пение: «Видехом свет...» Сначала он подумал, что это у него в душе всплыли воспоминания, но когда знакомый голос эхом отозвался по всему лесу, он встrepенулся и поспешил напролом, сквозь заросли папоротника, на такой долгожданный звук. Чистый, без подлеска, лес просматривался далеко. Сашка во все стороны вертел головой, прислушивался, присматривался, пока среди белых стволов не различил знакомую фигуру. Она! Это была та самая девушка, которую он не чаял уже и встретить. Значит, это был не сон, не видение. Значит, она где-то здесь рядом живет, может дачница московская. Или в гости к кому приехала. Значит, он может видеть ее часто. Сашку бросило в жар. Он 90 выровнял дыхание и сделал вид, будто не бежал только что сломя голову, а так себе — прогуливается. Ее нельзя было не заметить, белизна ее платья была светлее берез и просто сияла на солнце. Она шла своей легкой походкой, мягко, по-кошачьи касаясь березовых стволов, и пела. О, что это было за чудное пение! Ей на множество ладов аккомпанировал птичий хор. Голос ее взмывал в небесную синь, и от этого пения Сашкино сердце переполнялось радостью и счастьем. Они двигались навстречу друг другу. Саша не сводил с девушки глаз. Ему в ней нравилось все — походка, голос, осанка, манеры. Завораживали ее роскошные волнистые волосы, стянутые золотой лентой, струящиеся складки белого платья. Он понимал, что это не учтиво — не отрываясь смотреть на малознакомого человека, но не мог с собой сладить. Тем временем она завершила музыкальную фразу и заметила его. Их разделял куст дикой малины. Лицо Сашки расплылось в широкой улыбке. — Здравствуй! Ты помнишь меня? Мы виделись на берегу, ты показывала мне, как рыбу... это... ловить. Она молча ответила ему легким поклоном с полуприседом, чуть приподняв края платья. Это было что-то из этикета благородных девиц, такое приветствие он видел лишь в кино и потому решил ответить также по-киношному, щелкнув каблуками резиновых сапог, он выпрямился и резко кивнул. Надеюсь, что это вызовет смех, он был готов в ответ рассмеяться, но его экстравагантный поклон был принят. — Гуляешь?.. А я вот... грибы... — Санька, махнув корзиной, изо всех сил старался начать разговор. Девушка спокойно смотрела ему в глаза и внимательно слушала его, но сама не издала даже звука. 91 По выражению ее лица он чувствовал, что его слышат и понимают, но на его вопросы она не отвечала, и вскоре он перешел на монолог. — Здесь в основном белые и красноголовки. Мы их сушим на зиму в русской печи. Я сюда почти каждый день хожу, пока грибы идут. Ты не боишься босая ходить? Здесь бывают гадюки. У тебя пакета нет, хочешь дам? У меня есть в запасе, грибов наберешь. Или ягоды, тут всего полно. Тут красиво, если вверх посмотреть, а я тут уже все исходил вдоль и поперек, так что все больше под ноги смотрю. И тебя бы не заметил, если бы не запела. Ты красиво поешь. Как настоящая певица! А я тогда, ты ушла... а я леща вытащил под три килограмма. Это было здорово. С твоей помощью. «Она иностранка, — вдруг подумал Саша. — Она по-нашему понимает, но не говорит». Интуристы, проплывавшие на теплоходах по Волго-Балту, выходили на берег в трех километрах отсюда на «зеленую стоянку». Потому ему уже доводилось встречать разного рода иностранцев. Но чаще это были люди пожилые, тараторившие без умолку каждый на своем языке. Они улыбались во все свои вставные зубы и щедро одаривали деревенских мальчишек невиданными сладостями. Они всегда укомплектованы фотоаппаратами или видеокамерами и одеты очень модно, даже старики. В этом отношении его

гостя не походила и на иностранку. — Ты сейчас куда? Если по этой тропке, то мы выйдем к Краснову, а так — на Родину. А если перейти овраг, то можно спуститься к реке, — Санька махнул в сторону Волго-Балта. Девушка, повинаясь его жесту, медленно двинулась к оврагу. Он пошел рядом, весь сияя от счастья. Чтобы скрыть свое волнение, он болтал без умолку, украдкой 92 бросая взгляд на странную гостью. Он не мог определить ее возраст: внешне она могла быть его ровесницей, но у нее была идеальная кожа, без характерных девчачьих прыщей. У нее были идеальные черты. Она была будто не живая девушка, а античная статуя, только без мраморной бледности. Саша понимал, что все время смотреть на нее неучтиво, но ничего не мог с собой поделать и в те мгновения, когда она отводила взгляд, бесстыдно любовался ею. Они шли сквозь заросший овраг. Саша, как джентльмен, прокладывая дорогу, шествуя спиной вперед и придерживая хлесткие ветки. Она шла по его следам, одной рукой изящным жестом придерживала платье, а другой — спадающие налечи волнистые локоны. Идя плавным, почти балетным шагом, она ставила ножку так аккуратно, что под нею не треснул ни один сучок. Она так охотно шла туда, куда он ее вел, что ему подумалось: «Не пригласить ли ее в гости?» Но только дальность пути сдерживала его от столь дерзкого предложения. Однако одно то, что в эту минуту она была рядом, позволяло ему чувствовать себя на седьмом небе от счастья. — Я обычно сюда не захожу. Заглянул на всякий случай, и надо же — ты тут гуляешь... Здесь мало кто ходит. Клещей боятся. А мне не страшно, у меня сделана прививка против оэнцефалитная. А ты даже косынку не надела. У нас девчата в лес только в косынках ходят. Не подумай, что я пугаю... Из влажной топкости оврага поднялось облако комарья, существ той назойливой породы, которым всякого рода репелленты лишь прибавляют аппетита. Сашка, привычно сгоняя их со своего носа, обратил внимание, что его спутница ни единым жестом не выдала 93 раздражения по поводу роящегося гнуса. И они оказались к ней совершенно равнодушны и пролетали мимо нее так, будто ее и вовсе не было. Зато Сашу они облепили вплотную, он вынужден был затянуть лицо в брезентовый капюшон и обмахиваться сорванной веткой. Так, воюя со звенящими в воздухе насекомыми, он поднялся на высокий гребень оврага, с которого открывался дивный вид на излучину реки. Его спутница послушно следовала за ним. — Вот где красота-то! — окинул он взглядом открывшуюся панораму. — Здесь, между прочим, отличный пляж. Мелко и песок. Ты любишь купаться? Я — очень. Начинаю в мае, а заканчиваю в октябре. Ну, еще ныряю в прорубь зимой, на Крещение. Его последние слова как-то особенно отозвались в молчаливой собеседнице. Она развернулась к нему с выражением, будто что-то недослышала. — Не веришь? Правда! Меня дедушка научил. Мы с ним каждый год на этот праздник делаем на Шексне прорубь и окунаемся. И ничего страшного. Сначала, конечно, баню натопим и после купания бежим греться. Зато целый год не бодем, даже гриппом. — Сашка был доволен, что нащупал тему, которая ее заинтересовала, и раздухарился. — Окунаться надо три раза. Я беру палку такую, метра два, и перед купанием разбиваю ею лед (он быстро намерзает), затем чищу полынью. Потом держу эту палку наперевес и прыгаю в прорубь. Концы палки опираются на края проруби, и я повисаю в воде, как на турнике, и подтягиваюсь три раза. А перед этим постою чуть-чуть босиком на снегу, перекрещусь и крестик поцелую. Чтобы придать своим словам максимум выразительности, он обломал сухой сучок с ближайшего дерева и показывал, как он орудует палкой. А при последних 94 словах он обмахнулся крестным знаменем и, вынув из-за ворота тельный крест, картинно чмокнул его на ладони. В этот момент глаза девушки широко распахнулись, улыбка слетела с ее уст и лицо изобразило священный трепет. Она издала глубокий вздох, отступила на шаг и опустилась на колени. Ее руки сложились крестообразно на груди, и тонкие пальцы коснулись хрупких плеч. Саша, растерявшись, замер. Тем временем девушка пала ниц к его ногам, простирая вперед руки. Каштановые кудри рассыпались по траве. Преодолев оцепенение, Саша присел возле нее на корточках. — Ты что? — он протянул к ней руку. — Вставай давай! Героиня его снов лежала перед ним такая беззащитная и досягаемая. Он коснулся ее предплечья, но вместо ожидаемой мягкости рукава его пальцы уперлись в холодную твердость. По белому гляncy ткани выступили черные мазки. Он вздрогнул. Это были не руки, а... березовые ветви. Мурашки холодной волной прокатились по его спине. Перед ним лежал невесть откуда взявшийся березовый кряж с двумя ветвями. Сашкины ноги произвольно сработали, как лапки кузнечика. Он резко отпрыгнул и покотился по крутому косоугору к реке. И это как нельзя лучше подходило к его теперешнему внутреннему состоянию, потому что в голове его все перемешалось — березы, травы, от ветра склоняющиеся в поклоне, бездонный взгляд воды. Пока он катился вниз, успел вспомнить о корзине с грибами и забыть о ней. В низкорослом кустарнике и траве он промял зигзагообразную дорожку, пока наконец не выкатился на ровный берег. Какое-то время он лежал с широко раскинутыми руками и глядел 95 в небо. В висках стучало, и перед глазами все проносилось круговертью. Потом он, пошатываясь, встал, растерянно отряхнулся. Боясь поднять глаза туда, где еще минуту назад разговаривал с таинственной незнакомкой, он сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее побежал в сторону дома. Поделиться с кем-нибудь всем происшедшим не представлялось возможным — не поверят, а то и еще хуже — засмеют. Он бежал без остановки, что было прыти, мотая на ходу головой, словно пытался что-то из нее вытряхнуть. — Я спятил? Я спятил. Я спятил! После этого случая Сашка и вовсе потерял покой. Прикидывал и так, и эдак, но не мог объяснить происшедшее. В его голове роились вопросы: кто она? откуда она появляется? как ей удастся бесследно исчезать? что означает ее пение? Если раньше пределом его мечтаний было только ее увидеть, то теперь он даже боялся вновь с ней повстречаться. Не знал теперь, как себя с ней вести. Он даже не знал, есть ли она на самом деле или это плод его воспаленного воображения. В результате долгих размышлений в его тетради вырос столбец предположений: иностранка инопланетянка привидение фея русалка (сухопутный вариант) колдунья или ее жертва виртуальная голография (!) КЛОН 96 Насчет последнего Сашка плохо понимал, но, по его разумению, это был какой-то синтетический человек. Мало что из этого списка его утешало. Но с тех пор его жизнь обрела смысл. Он был обескуражен, растерян, у него появилась проблема, которую он должен был решить,

загадка, которую он должен был разгадать. Причем один, без подсказки или подглядывания в ответ. Решение этой непридуманной головоломки и сделало осмысленным его существование. Можно было сразу сдаться и признать себя сумасшедшим, пойти лечь в психушку, сожрать ведро таблеток и успокоиться. Но, с одной стороны, он был уверен в ясности своего рассудка, а с другой — как говаривал Н. В. Гоголь в свое время: «Нет для русского человека большего оскорбления, чем быть названным дураком». Потому-то Саша и не спешил прослыть мальчиком--приветом, а для этого решил повисить свой интеллект, зачистив в Гле-денскую районную библиотеку. Библиотека эта, хоть и располагалась в ветхом здании бывшего купеческого дома, славилась на всю область богатством своих фондов. Бессменный вот уже на протяжении тридцати лет директор ее, Мария Ивановна, не позволила в трудное время унизиться до пополнения фондов литературой сомнительного содержания, и даже на платном абонементе у нее не было цветного и глянцевого ширпотреба. Зато всевозможные энциклопедии по разным отраслям знаний, большой выбор периодики на любой вкус и книжные новинки отечественных и зарубежных писателей были широко представлены на книжных полках. Сашка любил читать и был одним из постоянных посетителей библиотеки. Библиотекарши уже знали круг его разнообразных увлечений и, приветливо улыбаясь при его 4 Зап. №2575 97 появлении, сразу, как он заходил, предлагали ему то, что могло бы его заинтересовать. Но с недавних пор в сферу его интересов попали вопросы, дотоле не исследованные. — Будьте добры, мне что-нибудь о паранормальных явлениях. — Это про Бермудский треугольник или Лохнес-ское чудовище? — уточнила библиотекарша. — Нет, скорее о полтергейсте и гуманоидах, — пояснил Саша, и с того раза каждый день он приходил в читальный зал и, обложившись книгами, пытался разгадать тайну неизвестной девушки. Целыми днями и ночами его преследовали душераздирающие истории о разных привидениях, закланиях и превращениях, от которых при богатом воображении кровь стынет в жилах, но ни одного подобного своему случаю он не вычитал и потому так и остался в недоумении. Происшествия с инопланетянами были более убедительными и менее страшными, но и тут ему не удалось найти кого-то, даже отдаленно напоминавшего девушку из его грез. Скоро ему наскучила эта тематика, и однажды он взял в руки оккультную литературу. Это была большая толстая книга, где давались практические советы по магии и колдовству. Не особо вникая в смысл заклинаний, он скользил взглядом по цветным страницам, где изображались какие-то мудреные знаки и фигуры людей в разных позах за совершением того или иного ритуала. Не успел он как следует устроиться с этой книгой, как почувствовал сначала слабый, а затем все усиливающийся резкий запах. Эти миазмы были ему знакомы — пахло так, будто где-то нагадила кошка. Он заглянул под стол. Под столом было чисто, на подоконнике дремала какая-то кошка, Ой но пахло именно у его стола. Он тихо встал с тем, чтобы пересесть в другое место, и тут взгляд его остановился на дальнем, у самых полок, столе. За ним сидела ОНА. Знакомые тонкие пальцы перелистывали страницы какого-то пожелтевшего фолианта. Лента, которой были перевязаны ее волосы, сияла золотом над склоненным челом. Саша мог побиться об заклад, что ее не было, когда он входил в библиотеку. Несколько секунд, затаив дыханье, он так и провисел в полуприседе над своим стулом, пока его книжка не выскользнула из-под мышки и не бухнулась об пол. Народец встрепенулся, читатели оглянулись на него, девушка подняла глаза. Этот взгляд сразил его. Он присел на корточки и, не глядя, на ощупь пытался поднять свою книгу, теперь уже не замечая никого вокруг. Девушка улыбнулась ему как старому знакомому и пригласила сесть рядом, похлопав ладошкой по стулу возле себя. Саша оставил растрепавшийся том на своем смердящем столе и, словно загипнотизированный, двинулся в конец читального зала. Напротив, у стола, где сидела рыжеволосая красавица, благоухали дивные ароматы. «Какие у нее хорошие духи», — подумал он, чуть дыша, присаживаясь возле нее. — Здравствуй!.. Ты и читать?.. А я вот... Не ожидал. Просто ты всегда так внезапно появляешься и... уходишь как-то незаметно... Она привычно хранила безмолвие, но Саша, как ему казалось, уже научился понимать ее молчание. — Я здесь почти каждый день сижу, но тебя не видал. Ты, наверное, здесь первый раз? У нас очень хорошая библиотека, ее все хвалят. Покажи, чего читаешь? Девушка охотно развернула к нему свою книгу. Это было старинное издание. Толстые корочки были 99 обтянуты коричневой глянцевой кожей, а с задней крышки свисали две застёжки с бронзовыми накладками. Листы были грубые, голубоватого оттенка, и два столбца на каждой странице были испещрены непонятными старославянскими буквами. Буквы эти, знакомые и непривычные одновременно, были выведены коричневыми чернилами чьей-то уверенной рукой. — Ну, я это не разберу, — пожал плечами Саша. — Я эту азбуку не знаю. А о чем эта книга? Тут есть картинки? Незнакомка перевернула несколько страниц и показала Саше иллюстрацию. На старинной гравюре изображалась церковь. В ней он без труда узнал церковь на острове, мимо которой не раз доводилось проплывать на лодке. Только она была не в воде, а на берегу, не разрушенная и построенная из бревен. — А, вот это я узнаю! Это церковь наша. Та, что на Волго-Балте. Или нет?.. Девушка указала на подпись под картинкой. И лишь только она коснулась строки своим музыкальным перстом, как одно слово из темного стало пунцоветь, пока на засветилось красным цветом, словно накалившийся тэн. Саша весь сжался изнутри, но виду не подал и прочел: «Храм Ъ». Как бы отозвавшись на такое прочтение, слово словно выключилось, и буквы вновь «остыли» до черного цвета. Незнакомка отрицательно покачала головой и прикрыла пальцем последнюю букву. — Храм? — сделал он еще одну попытку. — Ах, это ж не мягкий, а твердый знак! ХРАМЪ. — Храм, — вдруг произнесла девушка, таким же мелодичным голосом, каким некогда и пела. «Она может говорить!» — Сашка от восторга просиял и остальные слова одолел гораздо быстрее. 100 — ХРАМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. Буквы сияли красным цветом и светлели волной по мере прочтения. Девушка радовалась не меньше Саши. Она от удовольствия даже пару раз хлопнула в ладоши и повторила за ним: — Храм Покрова Пресвятой Богородицы! — Ну, раз уж мы больше не играем в молчанку, может, давай познакомимся? — Саша осмелел и, поднявшись со стула, представился: — Александр. Можно просто Саша. А тебя как зовут? Незнакомка сначала смутилась, а затем взяла из Сашиной руки свернутую в рулон тетрадку и

карандашом, что лежал тут же на ее столе, черкнула несколько слов. Потом она свернула тетрадку, отдала ее Саше и поднялась. Толстую книгу свою девушка, обернувшись, поставила на ближайшую полку и направилась к выходу. Санька, побоявшись потерять ее из виду, по параллельному проходу поспешил за ней. На ходу он подхватил со своего места книгу по практической магии, от которой на него вновь пахнуло какой-то гадостью. Он нагнал девушку в гардеробе. Сквозь окно коридора было видно, что на улице идет дождь. А она была все в том же легком платье и босиком. Саша, как чувствовал, прихватил с собой зонт и теперь мог со всей галантностью, на какую был способен, предложить своей странной спутнице идти под одним зонтом. Он за краткие минуты общения сумел разглядеть ее поближе и вполне был уверен, что она уж точно не привидение. А она тем временем распахнула двери и, опершись о косяк, смотрела на струи дождя, падающие с шиферного козырька. — Как же ты в такую слякоть без зонтика и босиком? Хочешь, я тебе свой зонт дам? — Он хотел было 101 ринуться к гардеробщице, но девушка вдруг протянула руку и подала ему свой номерок. — Ага! Значит, у тебя все же есть плащ? Хорошо, я мигом принесу. Он протянул гардеробщице два номерка. Она подала ему его куртку и зонт. Он одевался и ждал ее одежду. Вместо этого гардеробщица уселась в кресло и, нацепив очки, принялась за газетный кроссворд. — Простите! — позвал ее Саша. — Я вам два номерка подавал. — Ну и молодец, что нашел его. — Что значит «нашел»? Мне его девушка подала, там ее одежда. — Нет, молодой человек, на тридцать второй я давно уже не вешаю, он у меня потерялся месяц назад. И где, вы говорите, его нашли? Саша кинулся к двери. В открытом проеме стоял лишь хрустальный занавес дождевых струй, хлюпали водостоки и веяло свежестью. Ее не было. На подоконнике лежала зеленая трубочка Сашиной тетрадки. Он грустно подошел к ней и развернул страницы. Там на одном из листочков было написано карандашом буквами славянской азбуки: «И ВСЯКО ЕЖЕ АЩЕ НАРЕЧЕ АДАМ ДУШУ ЖИВУ, СИЕ ИМЯ ЕМУ». На следующий день в магазине Саша повстречался со своей учительницей по литературе. Она была как нельзя кстати. Это именно она впервые на одном из уроков в Сашкином классе показывала старославянские буквы и рассказывала о них. Саша ухватился за эту встречу как за спасательный круг. Уже через пару 102 часов он сидел дома у литераторши со своей тетрадкой, в которой загадочная девушка оставила свой автограф по-славянски. — Ну, это можно перевести так, — изрекла учительница, пробежав глазами по строке. — «И как назвал Человек всякое животное, так и стали его называть». Думаю, что слово «Адам» здесь означает — просто Человек, в смысле человечество. Хотя, возможно, это строка из Библии. В Книге Бытия есть такой сюжет: Бог приводит к человеку животных, которых Он создал, и предлагает дать им имена и выбрать среди них себе помощника. Если я не ошибаюсь, то это где-то в начале. Давай-ко глянем. Она сняла с полки черный том с крестом на обложке и, полистав несколько минут, радостно воскликнула: — Смотри-ко, точно! Глава вторая, стих девятнадцатый, в конце: «...как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Вот тебе и перевод. — Спасибо, я все понял. Я должен сам ее назвать... Так она стала Светой. Это имя Сашка выбрал не случайно. Во-первых — она всегда сияла, как звездочка, а во-вторых — она все время пела про «Свет истины». Когда она обрела имя, он почувствовал, что может считать ее своим другом. Теперь он вновь ждал ее появления, чтобы назвать ее по имени. Но она не спешила себя явить, и Санька вновь отправился в библиотеку. Ему очень захотелось прочитать ту книгу, что он видел в руках у Светы. К его удивлению, этой книги на месте не оказалось. Библиотекарь пояснила: — Там у нас собрания сочинений, из серии подписных изданий, а книг, подобных той, что ты опи- 103 сываешь, у нас нет. Это еще в библиотеке Областного исторического музея можно увидеть, и то в закрытом фонде. Чтоб туда попасть, нужно иметь особое разрешение. — А где еще я могу прочитать про затопленную церковь на Покровском острове? — Посмотри альманах «Гледенск», их вышло два тома. — Там на русском или на славянском? — Конечно, на русском... Правда, сколько он ни искал что-нибудь об этой церкви, в исторических очерках мало что было про храм Покрова Пресвятой Богородицы, буквально общие слова: «Построен в конце XVIII века на месте сгоревшей деревянной церкви. При церкви было кладбище». И все. За более полной информацией Саша отправился в Краеведческий музей, с директором которого он был знаком по школе. Он вел в его классе кружок «Истоки», на котором они изучали историю родного края. Но, увы, и здесь его ждало разочарование. Как выяснилось, древние архивы сгорели вместе с деревянным храмом, а более поздние не были сданы приходской общиной и также пропали. Потому-то и нет подробных описаний, ни истории храма, ни его убранства, ни сведений о тех, кто строил. — Эта книга еще не написана, — улыбнулся директор. — Но ты можешь попробовать ее написать. А мы поможем. Поспрашивай местных жителей, покопайся в архивах, мало ли что. Если нужны будут рекомендации — я все сделаю. Эта церковь — белое пятно в истории нашего района. Мало кто про нее что знает. И туда не попадешь — страшно, вот-вот рухнет. Если у тебя получится полноценное исследование, то мы его 104 опубликуем в очередном альманахе «Гледенск». Как раз сейчас мы собираем материалы для третьего выпуска. Вот и выходило, что той книги, что он видел, не было и в помине. И никто ничего не знает. И опять вопросов больше, чем ответов. Делать было нечего. Он занялся краеведением. И до того-то Санька не пропускал ни одной руины, чтобы в ней не покопаться, а теперь ему предстояло исследовать самую таинственную из всех окрестных церквей — Покров. Его увлечение поглотило его целиком. На каникулах времени было полно, и он принялся писать историю засучив рукава. Для начала он перезнакомился со всеми стариками в округе и докучал им одним лишь вопросом: «Что вы знаете о церкви на острове?» Пожилой народец охотно делился воспоминаниями. В основном рассказывали всякие страшилки — кто и как поплатился за свое любопытство или кощунство, но встречались и дельные рассказы. Раз Санька даже ездил в областной архив, где читал подшивки Епархиальных ведомостей. Так постепенно, хотя бы для себя, он выяснил, что это была за церковь. Для окончательного оформления работы не хватало только набрать ее на компьютере и сделать несколько снимков. Но подплыть к объекту исследования на расстояние удачного кадра не представлялось возможным. Во-первых, из-за диких зарослей туда было не попасть, а во-вторых, люди отговаривали. И он решил:

«При случае». И случай вскоре представился. - Она вновь явилась неожиданно. На этот раз Саша увидел ее за городом, когда ехал домой на велосипеде. Он заметил ее издали, пригляделся: несомненно, 105 это была она. Неспешно она шла в сторону Старого Села. Между Гледенском и Селом было километра три. Дорога шла по зеленым лугам, на которых паслись овцы и козы. Дорога представляла собой хорошо накатанную грунтовку, с кустами вдоль канав, и пылила, когда по ней проезжали машины. — Света! — одними губами прошептал он. Она, будто услышав его, оглянулась и остановилась. Санька приналег на педали и вскоре нагнал ее. — Здравствуй! — ответил он на обычный ее поклон, слез с велосипеда и пошел с нею рядом. — Куда идешь? Она, улыбаясь, взглянула на него. Он учащенно дышал и сиял. Света показала рукой на ответвление пути, небольшую грунтовую дорогу, ныряющую в кусты. — Это на реку дорога, к затопленной барже, — авторитетно пояснил Саша. — Там рыбалка хорошая. Рыбачить будешь? — Идем на источники вод! — проговорила она. — Там я не знаю родников. Может, ты пить хочешь, так у меня с собой минералка есть. — Аз дам ти пити, да не вжаждешся во веки. — Ну, давай угости, покажи мне свой родник. Они свернули в тенистую гущу небольшого перелеска. Заросшая травой старая дорога, по которой Сашке еще не доводилось ходить, закруглялась легким поворотом прямоком к реке. Иногда на ней попадались большие коричневые лужи, которые приходилось обходить по бурьяну обочины. Одно было приятно — жара летнего полдня здесь не чувствовалась. Пели птицы. Пахло грибной сыростью. Саша, пользуясь случаем, стал рассказывать о своих исследованиях. Света с интересом слушала его. 106 — Это так интересно! — восторженно повествовал он. — Если там и правда не было разграблений, то могло сохраниться все церковное убранство. Ш- — Хочешь ли, да явлю ти велелепие то? Ш- — Как же? Хочу, конечно! Только вот как туда попасть? Там же кругом вода! — Воистину, речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего, Бог посреди его. — Бог? Мне он представляется на Небе. Где-то очень высоко, а храм — это место, куда Он иногда заглядывает. — Разве не ведаешь ты, что ты есть храм Божий и Дух Божий обитает в тебе? — Во мне? Что-то для меня это мало понятно. — Бог призре с Небеси и предизбрал тебя от рожества твоего, дабы ты исполнил пророчество: «По сих обращуся и созижду скинию Давидову падшую. И то, что в ней раскопано, созижду и исправлю его. Яко да възыщут прочий человецы Господа и вси языцы, в них же наречеса имя Мое». — Ну и ну! — только и смог выдавить из себя Саша. Промолвив такие странные слова, Света свернула с дороги на едва заметную тропинку. Тропа сбежала в неглубокую канавку и, змейкой огибая корявые стволы ольхи и осины, вывела их к небольшому роднику. Сам источник был некогда обложен срубом, но теперь только следы его виднелись в глубине колодца в хрустальных переливах воды. Дерево было покрыто причудливыми водорослями желтых и оранжевых оттенков, что походило на декоративный орнамент. Изливающаяся вода разделялась на два рукава и небольшими ручьями расходилась в разные стороны. Вода в них была прозрачна и холодна. Саша склонился над родником 107 и заглянул в бездонный колодец. Там он увидел отражение своего недоуменного лица и ниспадающие каштановые локоны Светы. — Света, я не отказываюсь, но на самом деле я мало что могу. Если только помочь кому-то, потому что и правда жалко церковь. Ты не знаешь, отчего так произошло, что церкви кругом порушили, они же такие красивые? Почему Бог допустил это? — Упредил Господь люди своя, глаголя: «Ащеже отвращающая отвратитесь вы, и чада ваша от Мене, и не сохраните заповеди Моих, и повелений Моих, и пойдете и поработаете богом иным, и поклонитесь им, то истреблю Я избранных с земли, южедох им. И храм сей высокий, его же освятих имени Моему, отвергу от лица Моего, и будет народ избранный в погубление и глаголение всемлюдем. И о храме сем высоком всяк преходяй сквозе его възвищит и речет: «Чесоради сотвори Господь тако земле сей и храму сему?» Ирекут: «Понеже оставиша Гос-пода своего и прияша боги чуждым, и поклонишася им, и поработаша им, сего ради шведе Господь на ня зло сие». Света развела поверхность вод руками, зачерпнула полные ладони и протянула чистую, как хрусталь, воду Саше. Тот зажмурился, как кот на солнцепеке, и с наслаждением припал к студеной водице. Но от холода ломило зубы, и он сделал лишь три глотка. — Все, больше не могу, холодно, — поговорил он, согревая губы рукой. Остатки воды в ладонях Света подбросила вверх. Они рассыпались миллионами капель, которые, радужно сверкая, оросили их благодатным кроплением. Саше стало так хорошо и радостно. Словно в некоем опьянении, он сам, зачерпнув, подкинул вверх пригоршню воды, и она пролилась над ними сверкающим 108 дождем. Они смеялись. Сашкино сердце ликовало. Света плескнула на него из родника, он по-детски ответил тем же. Все промокшие, они вскочили и побежали по лесу друг за другом. Сначала Света убегала, скрываясь за деревьями. Потом убегал Сашка, с глухим хрустом роняя подгнившие березки. Так резвясь, выбежали они из леса на берег Шексны. Ясный день открывал великолепную панораму. Небо было нежно-голубым и дарило этот цвет речным просторам. Там, вдали, куда смотрела Света, виднелся зеленый остров с развалинами храма. Она посерьезнела, перевела дыхание и спустилась к старой барже. На барже, против обыкновения, никого не было. Ее ржавая палуба наполовину была погружена в воду, другая же раскалилась на солнце как сковорода. — Можно искупаться! — предложил Саша. Света покачала головой. — Ну, если ты стесняешься, я могу отойти, мне все равно за великом надо вернуться. Давай, пока я сгоняю, ты окупись. — Саша вдруг вспомнил, что мама просила его не задерживаться. — Пребуди где со мною, — грустно ответила Света. — Не спеши в дом свой. «Аще время убо ти жити в доме твоём истесанном, храм же Мой в запустении», — глаголет Господь. — Хорошо! Я останусь, если ты хочешь. И мне хочется восстановить этот храм и другие тоже. Мне хочется, чтобы все наши памятники стали живыми, а не просто свидетелями старины. Но на это все надо много денег. Очень много денег. А где их взять? — Не достоин иметь человеку стяжания многа, отвергшему Бога. Глаголет Господь Вседержитель: «За-не храм Мой есть пуст, вы же течете кийждо в дом 109 свой. Сего ради удержится небо от росы, и земля оскудит изношения своя. И наведу меч на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся елика износит земля, и на человеки, и на скоты, и на вся дела рук их». — Хоть бы одним глазком взглянуть на этот храм. — Приди и виждь. Света шагнула с края баржи и медленно пошла

по поверхности вод. — А я как же? — Гряди по мне! Саша перекрестился и... шагнул по воде. И почувствовал тугую пленку, которая, как батут, слегка пружинила под его ногами. Это было головокружительно. Он шел по реке, как по дороге, радостно озираясь. Света оглянулась на него с улыбкой. Он догнал ее, и они пошли рядом. * * * Когда остров уже приблизился на такое расстояние, что можно было разглядеть в глубине кирпичные руины, Фомин заметил невдалеке от зарослей знакомую лодку. Сердце екнуло. В лодке никого не было. Она плавала свободно, ни к чему не привязанная. Весла были в уключинах. Идти на моторе здесь было небезопасно, а потому, подняв винт из воды, Александр направился к дрейфующей лодке, орудуя коротким веслом. Это было непросто. Страх, всегда сопутствующий всякому человеку, попадающему сюда, смешивался с беспокойством за сына. От этого он нервничал и иногда, неаккуратно опуская весло, обдавал себя ледяными брызгами. Лодка же дедова, которую взял Санька, неспешно плыла ПО по течению; изредка натываясь на что-то под водой, покачивалась и поворачивалась. Он постоянно оглядывался, стараясь что-нибудь разобрать в зарослях или на воде. Мысли одна страшнее другой мелькали в его голове, но он отгонял их и бормотал: «Нет, нет, нет! Все в порядке! Не может быть...» Когда до лодки той оставалось метров десять, Александр встал во весь рост и заглянул в нее. Там он увидел сначала сапоги, а затем и самого Сашку, лежащего на спине со сложенными на груди руками. — Сашка!!! — рывкнул он что было мочи. Сын в лодке вздрогнул, зашевелился, открыл глаза и поднялся. Лицо его было бледное, взгляд растерянный. С помощью одной руки он пытался сесть, а другой, сжатой в кулак, прижимал к груди странную железку. — Санька, стервец, где тебя носит? — Отец, схватившись за борт, пришвартовался к лодке сына. — Напугал, блин. Что с тобой? — Па! — вяло ответил Саша. — Мне надо позвать священника. — Что!! Какого еще священника? Ты что, крикнуть собрался? — к — Я должен сюда привести священника. — Так, дружок, я все понял — ты заучился у меня, и крыша у тебя съехала. — Нет, па, я серьезно. — Санька перебрался в лодку отца, пока тот привязывал его лодку к корме. — Не знаешь ли ты какого-нибудь батюшку? — Ладно тебе чушь пороть. Лучше расскажи, как это тебя занесло сюда. — Александр, прикрутив на корме веревку, стал разглядывать сына. Санька был мокрый по пояс, штанины прилипли к его мокрым ногам. Он сидел съежившись, его 111 чуть потряхивало. К груди он прижимал огромный ржавый ключ. — Ты в церковь лазил, Буратино? — Па, ты не поверишь. Я был внутри храма. — Почему не поверю, у тебя дури хватит. Ты этот золотой ключик там нашел или тебе черепаха Тор-тилла подарила? — Папа! Тут нет ничего смешного, это ключ от храма, и я должен привести туда священника. — Давно ты, богомол, здесь загораешь? Почему домой не торопился? Взгреть бы тебя, да, боюсь, дед мне за это голову снесет. — Па, я все объясню, только ты должен меня выслушать. Это не обскажешь в двух словах. Это серьезно. — Дома расскажешь. — Фомин дернул пускач, мотор взревел, и лодка его помчалась вперед, рассекая речную волну. * * * Звук мотора и свист ветра не давали говорить. Они молча доехали до Родина, заглушили мотор у дедова причала, привязали лодки и поднялись в дом. Их встретил пес Верный, весело махая хвостом. В доме было тихо. Дед Аверя лежал в своей кровати и еле слышно посапывал. На стене мерно тикали старые часы. Кот ловил бьющихся в оконное стекло мух. Сашка переоделся в сухое, привел себя в порядок и подсел на кухне за стол. К этому времени отец его уже раздул самовар и заварил чай. — Ну, водки тебе для сугреву не полагается, — сказал Александр, наполняя стаканы в подстаканниках, — а чаю, будь любезен, выпей, а то, не смотри, что лето, простынешь только так. 112 — Папа! — Саша прижал зябкие ладони к горячему стакану. — Дедушка вроде ничего?.. Может, мы сразу в церковь поедим? — Та-ак!! Ты для начала кратко, но емко мне все объяснишь. Какого лядя тебя понесло в эту церковь на остров? Ты что у меня — любитель экстремального отдыха? Если решил себя испытать, так для начала экипируйся как следует — каску там, жилет спасательный надень. Поставь меня в известность, и вообще один никуда не суйся, найди себе напарника. Что ты туда один полез? Ты у нас самый отчаянный исследователь в школе? — А я и не был один. — И с кем? — Со Светой. — С какой такой Светой? Что еще за Света такая? Тоже краевед-экстремал? — Нет. — Саша улыбнулся. — Это девушка. Мой друг. Она там живет. — «Там» — это где? — В той церкви... — Ты в своем уме?! Где там жить? — Па! Я все видел своими глазами. Я попал вовнутрь. Это она меня туда провела, я сам бы ни в жизнь не пробрался. Она же меня и вывела и посадила в лодку, где-то минут за сорок до твоего появления. — И все-таки, кто она такая? — Это необыкновенная девушка. Она... Я сам долго не мог понять, кто она, а теперь знаю. Она — добрая волшебница. Она может все. — Ну ты даешь... — Папа, ты, скорее всего, не поверишь, но это так. Я не шучу! Я сегодня серьезен как никогда. Поверь, я 113 не выкручиваюсь и не морочу тебе голову. Это правда. Выслушай меня. — Хорошо! Допустим... — выдал Фомин. — Я познакомился с ней здесь, у нас в деревне. Она гуляла по берегу реки, а я рыбачил. Хотя слово «познакомился» не совсем правильное. Имя я ей дал сам. Так она попросила. Всякий раз она внезапно появлялась неизвестно откуда и неизвестно куда пропадала. А еще она все время пела одну и ту же песню. Мне за ней не повторить, а слова эти я уже запомнил: «Видехом свет истины». — Это что-то церковное? — Да, похоже. Она вообще очень верующая. При упоминании о Боге ее прямо трясет. И разговаривает она только о божественном и на странном языке — литургическом. — И ты ее понимаешь? — Это оказалось не так трудно. Сначала она и вовсе молчала, только пела. А потом заговорила. Этот язык церковно-славянский, но только те слова, что употребляются за богослужением. Много слов узнаваемых. Я уже научился ее понимать. А она меня понимает, даже когда я молчу, будто мысли читает. Вообще мы подружились, и она пригласила меня к себе. Это она заинтересовала меня этим храмом. Я, где мог, узнавал про него все. Книжки читал, людей спрашивал. — Я видел твою синюю тетрадь. — Читал? Ну, так и лучше. Ты теперь тоже знаешь, что это необыкновенная церковь. Но это лишь капля в море. Теперь, никого не спрашивая, я могу еще десять таких тетрадей написать. — Сашка подул на дымящийся чай и осторожно отхлебнул. — ТАМ ВСЕ ЦЕЛО. Там все сохранилось, представляешь? До меня туда никто не 114 попадал. Ты читал про гробницу Тутанхамона? Когда ее открыли, археологи онемели от счастья, потому что она была не разграблена. Так и тут — все на своих местах, только в воде все. От воды, правда, кое-что попорчено,

но в целом все так, будто в ней только что служили. — Как ты туда попал? — Мне Света показала место, где лежал ключ. В одной из башенок кладбищенской ограды. Он был завернут в кусок кожи и заложен кирпичами. Без подсказки не найти бы. — А сама она как туда попадает? — Сквозь стену. Ей-то как раз ключа не надо. — Подруга у тебя, однако! Копперфильд! — Ты смеешься, а я к ее фокусам знаешь как долго привыкал? Она как выкинет что-нибудь этакое — хоть стой, хоть падай. Я бы посмотрел на тебя, если бы она с тобой проделала один из своих трюков. Ты, например, по воде ходил пешком? А я ходил. Не на лодке, а так, запросто, как по суше. Она как-то поманила меня рукой и говорит: «Гряди по мне», ну, то есть «Иди за мной». А я не сразу решился, но потом, видя, как у нее это ловко выходит, пошел по воде. Все на нее смотрел — она красивая очень. А потом как-то осознал под собою глубину, когда на фарватер вышли, у меня аж дыхание перехватило. Я остановился, гляжу под ноги, и только на волнах покачивает. Жуть! Ну и сказал я что-то грубое, от удивления. Не помню что. Тут же подо мной словно люк открылся, ухнул я в воду со всей дури. Хорошо еще, что недалеко ушли. Доплыл кое-как. А ее и след простыл. — Так она и по воде ходит? — Легко! Я ж тебе говорю. Она может все. Она и деда обещала исцелить. Сказала, что болезнь эта нам 115 всем в назидание. Как только я побываю в том храме и исполню одну ее просьбу, так дедушка и встанет. Раз у меня не получается по воде ходить, то договорились, что я приплыву на лодке. — Санька замолчал, словно видя сон наяву, несколько мгновений молча глядел перед собой. — Ну, так вот, на чем я остановился? Да, приплыл я на остров, где мы уговорились встретиться. А она меня уже ждет. Проплыли до места, где был спрятан ключ. Я его откопал. Честно говоря, это было нелегко. Кто-то его сюда спрятал лет восемьдесят назад. Там даже куст успел вырасти, поверх кирпичей. Санька рассказывал и невольно вспоминал во всех подробностях происшедшее с ним событие. Он вышел из лодки возле железной двери. Перед входом в храм лежал огромный плоский валун, неглубоко скрытый в воде. Встав на него, Саша разглядел расположенные ромбиками проклепанные листы железа на вратницах. Почерневшие от времени, они на границе воды были изъедены ржавчиной. В середине дверей зияла огромная замочная скважина, забитая древесным мусором. Он расчистил ее сухим сучком и примерил туда ключ. После нескольких попыток бородка ключа легла в замочную скважину как надобно, и что-то внутри шевельнулось. Саша попробовал провернуть ключ, но не тут-то было. Заржавевшее железо не хотело поддаваться. Он мучился долго, до боли в руках, пока не догадался взять палку. Продев крепкую ветку в ухо ключа, он, действуя ею как рычагом, нажимал на ключ, пока тот со скрежетом не провернулся. Потом еще раз и еще. Наконец раздался глухой лязг и створки разжались. Однако поддались не сразу. Саша осторожно с усилием потянул двери за ключ на себя, и они тяжело, со скрипом открылись. Обрушился в во- 116 ду под ноги слой ржавчины. Невероятным усилием Саша растворил двери на ту ширину, в какую мог протиснуться. За железной дверью оказалась еще одна — деревянная, черная и скользкая, со следами былой краски. Если железная дверь открывалась наружу, то деревянную нужно было толкать внутрь. Первый же толчок обнаружил такую ветхость внутренней двери, что заходил ходуном весь полукруглый косяк. Саша ковырнул пальцем дверное полотно. Оно совсем иструх-ло и легко крошилось, напоенное влагой. Так, кусок за куском, он проковырял в довольно-таки толстой двери глазок и заглянул внутрь. Через отверстие в трухлявой доске он увидел... глаз. Это на него с той стороны смотрела Света! Еще секунду назад она была рядом, и вот она внутри. Он спросил: «Есть еще где-то вход?» Она отрицательно покачала головой и поманила его рукой. Как ни старался он разглядеть, что там внутри, она закрывала дырку ладошкой и уговаривала: «Отверзи ми двери». Сашке ничего больше не оставалось, как опять вооружиться палкой и проделать большее отверстие, а затем он обрушил солидный кусок и просунул голову. То, что он увидел, завораживало! Сквозь барабан под куполом внутрь проникал мощный луч света. Окна же были закрыты ставнями и выделялись на фоне стен темными пятнами. От светового столпа посреди храма подсвечивалось убранство церкви, переливающееся золотом и серебром в многочисленных подсвечниках, лампадах, иконных окладах и бароккальной резьбе иконостаса. Сквозь проделанный проем веяло могильной сыростью и холодом. По расписанным стенам поднималась чернота плесени. В дверной проем, который некогда соединял летний храм с зимним, словно выдавилась масса кирпича, 117 досок, стекла — следствие обрушения теплой части, — она плотно баррикадировала храм с запада и вносила в общую нетронутость интерьера незначительный элемент хаоса. В целом же для человека, который не был дотоле ни в одной церкви (такого, каким и был Саша), зрелище, представшее его взору, было подобно Небу, сошедшему на землю. Он приблизительно так представлял рай. Он не обращал внимания на запущенность и неприглядность. В сравнении с тем, что он ожидал увидеть, это был просто заколдованный сказочный дворец. Ему казалось — стоит произнести необходимые заклинания, и все следы тления, как некая пелена, сойдут с дивной, величественной картины. Расширив лаз, он осторожно проник внутрь. Под ногами была вода. Он делал робкие шаги по покрытому слоем воды полу церкви. Плеск шагов отражался в гулких сводах. Медленно, палкой проверяя перед собой путь, он добрался до сухого пола. Это была солея, узкая полоска перед иконостасом, отгороженная бронзовой решеткой. С нее Саша оглядел храм. Подле икон стояли массивные подсвечники, некоторые даже с огарками свечей. Висели и лампады; правда, масло в них уже высохло, собрав в дивных стеклянных стаканах коллекцию всевозможных насекомых. Огромные иконы сквозь глянец стекла смотрели на него неподвижным взглядом, а он видел свои бесчисленные отражения в серебряных складках риз. Пройдясь вдоль всего иконостаса, он подошел к двери, на которой был изображен архидиакон Стефан, и толкнул ее. Дверь послушно отворилась... но образ святого первомученика словно повис в воздухе, отделившись от поверхности двери. Было похоже, будто он был написан на стекле и теперь невидимая прегра- 118 да обнаружилась. Сашины пальцы уперлись в эту преграду. Ему стало страшно. — Мне туда нельзя?! Он оглянулся на Свету. Та стояла посреди церкви в столпе света, и белизна ее платья была ослепительной. Выражение ее лица было исполнено торжественной величественности. Она показала ему: «Входить не стоит!» — и запела свое: «Видехом свет истинны».

Голос ее, и без того прекрасный, многократно усиливался резонансом церковного купола; казалось, будто пела она не одна, а целый хор подхватывал ее песнопение. Саша поймал себя на том, что неслышно и сам он, подпевая ей, шевелит губами. На этот раз пение это выходило у нее каким-то жалобным. Она явно трепетала от переполнявших ее чувств, да так, что по лицу ее текли слезы. — Отчего ты плачешь? — спросил ее Саша, когда пение стихло. — Чадо Александре! — со слезами проговорила она своим певучим голосом. — Призови пресвитера церковного семо! Саша смотрел в немигающие глаза отца. Он очень хотел ему донести все так, как оно было, но сам же понимал, насколько невероятно все то, что он видел и слышал. — Папа! Потом стало твориться вообще Бог знает что. Из-за дверей слышались голоса. Разные: мужские, женские, детские, все они наперебой просили: «Позови священника! Пусть отслужит службу! Скорее, позови сюда священника!» — Вы там были не одни? Или тебе показалось? 119 — Хуже!! Это были мертвецы!!! — Что за чушь? — Я посмотрел в проем двери. Ничего не увидел и вышел на эти голоса. Потом только заметил, как из воды встают люди, из-под крестов могильных. Не скелеты, не уроды. Бледные только как полотно. И первое, что говорят: «Позови священника!» Они все от своих могил медленно шли ко мне. Я видел их метрах в пяти от себя. Ты не представляешь, что это был за ужас. Мокрые и грязные, они открывали черные рты и говорили все одно и то же: «Позови священника отслужить службу!» Света, видя, что я испугался, увела меня оттуда. Я словно одеревенел, меня всего трясло. Не помню, как я прыгнул в лодку и стал судорожно грести. Света отдала мне ключ, попрощалась и пошла обратно. Я отплыл от острова и упал как побитый. Так я не пугался никогда в жизни. Александр терялся в догадках, слушая взволнованный рассказ сына, и не мог ничего понять. Чем больше тот говорил, тем непонятней становилось: «То ли он в секту попал какую, то ли таблеток каких-нибудь галлюциногенных наглотался». Одно только он понимал твердо: сын ему доверяет. Это доверие нельзя было не оправдать. «В конце концов, почему бы и правда не сплавить туда? Хуже от этого не будет». — Хорошо. Будь по-твоему. Поедем в церковь, поговорим с батюшкой. Гледенская церковь Богоявления была единственным действующим из более чем двадцати городских храмов. Все они, некогда служившие красой и славою уездного города, теперь были приспособлены под различные нужды. В одной располагался магазин, в другой — пожарка, третью занимал автобусный парк, четвертую — винзавод и так далее. Три церкви с куполами и крестами служили музеями; будучи пустыми внутри, они внешне являли собой образцы неподражаемой северной храмовой архитектуры — две каменные, а одна деревянная. Сам Краеведческий музей Гледенска также располагался в церкви Петра и Павла, но уже обезглавленной. На фоне всего этого действующая церковь чем-то особенным не выделялась. Городской архитектор строго следил, чтобы возле храма, как памятника истории и архитектуры, не строилось ничего лишнего, а потому все церковные строения: сторожка, лавка, мастерские, гараж и прочее — стояли глубоко во дворе, как бы и вовсе не относящиеся к храму, построенному еще при царе Иоанне Грозном. Несмотря на древность строения, иконы в храме в основном были новописанные. Старые образа растащили в двадцатые годы; после закрытия чудом уцелели росписи на стенах — их просто поленились сбить или замазать, надеялись, что они сами облетят со временем, но время оказалось над ними не властно. Когда завершили расчистку стенописи от копоти и грязи — народ ахнул. Фрески переливались торжественным многоцветием, словно только что написанные. Когда храм передавали общине, в начале девяностых, кроме стен и местами полов, в нем ничего не было. Потребовались годы, чтобы привести бывший склад в надлежащий Дом Молитвы вид. Люди любили свой храм, и постепенно в нем был сделан ремонт, появились иконы, золоченая утварь и колокола. Каждое лето сюда приезжали волонтеры — студенты из Московского архитектурного института — 121 и дарили свой труд, восстанавливая храм в его первоначальном виде. Богоявленский храм был единственным действующим не только в городе, но и во всем районе, а потому на воскресную или праздничную службу съезжались богомольцы со всей округи, заполняя его так, что от множества людей, как говорится, яблоку некуда было упасть. Зато по будням здесь было тихо и даже пустовато — редко забежит кто-нибудь свечку поставить, и опять тишина. Вот в эту-то тишину и вошли двое — отец и сын Фомины. У дверей нерешительно помялись, перекрестились, кто как мог, и переступили порог храма. Совершенно не зная, как себя вести, они прошли по молитвенному залу, словно туристы на экскурсии, разглядывая все, задрав голову. Остановились возле алтаря. Со всех сторон на них взирали святые лики, и было ощущение, что они попали на сцену во время действия спектакля и своей неуместностью привлекают всеобщее внимание. Александр в этой церкви был впервые, хотя и проезжал мимо тысячи раз, и даже как-то пожертвовал на нужды храма машину пиломатериала. Но для него она была не более чем частью городского пейзажа. Он не испытывал ни малейшей потребности, ни даже любопытства заглянуть внутрь, а уж зайти с целью помолиться — это было вообще чем-то из ряда вон... Детей он крестил в Питере. Нельзя было назвать приятным то впечатление, что он вынес из опыта давки в душном храме среди толпы и орущих младенцев. Сейчас же в тишине, где каждый его шаг гулким эхом отзывался под сводами расписных куполов, где еле слышно потрескивали горящие свечи и после жаркого летнего 122 -г солнца все дышало приятной прохладой, он почувствовал себя хорошо и даже уютно. Наталья гораздо чаще бывала в разных церквях. Ее ученики даже пели в церковном хоре. Молилась она за всех сразу как умела, но заядлой церковницей не была. Из ее рассказов Фомин знал, что в каждой церкви есть такие злые старушки, которые, как вороны на мертвечину, набрасываются на всякого входящего и указывают ему, что делать, где стоять, что надеть, а что снять, и был заочно готов дать им отпор. Но тут, на удивление, таковых не оказалось, и теперь он об этом даже жалел, потому как совершенно растерялся в непривычной обстановке. — Ну, давай, выясняй скорей, что тебе надо, да и пошли отсюда, — обратился он к Сашке. — Мне надо поговорить со священником. И еще — я хочу, чтобы ты меня поддержал, а то он может не поверить мне или вообще не захочет со мной говорить. — Хорошо, я попробую его убедить. — Вы что-то хотели, простите? — обратилась к ним пожилая женщина из-за свечного ящика. — Нам нужен священник! — строго ответил Саша. — Минуточку обождите, я позову

батюшку. Он только что был в канцелярии. — Женщина вышла из-за прилавка и скрылась за дверь. Пока она ходила, они рассматривали книги и ико-ны на витрине. Немного погодя женщина появилась за прилавком и объявила: — Батюшка сейчас выйдет, ему еще кой-какие бумаги подписать надо, пока бухгалтерша в банк не ушла. Может, что-то желаете приобрести? Присмотрели что-нибудь? — Да нет, мы так просто — смотрим. 123 — А, ну ладно, смотрите, — улыбнулась женщина. — А вот и батюшка идет. Тем временем дверь с надписью «Канцелярия» отворилась, и к ним вышел священник. Он был как с картинки в «Спутнике атеиста» — толстенький, невысокого роста, с аккуратно подстриженной бородой и золотым крестом на животе. — Вы насчет крещения? — предположил батюшка. — Нет, простите, святой отец, нам поговорить с вами, если можно... — Фомин почему-то вдруг заробел. — Поговорить можно, только я не «святой отец», такое обращение у нас не принято, мы ж не католики. — Извиняюсь, я не знаю всего вашего этикета... — Меня зовут отец Сергей, или просто «батюшка». Так что вы хотели? — Отец Сергей, мы, собственно, вот по какому вопросу. Здесь в районе есть одна церковь, может, вы знаете о ней, та, что на острове затопленная, недалеко от деревни Родино. — Так, кое-что слышал, и что? — Вот мой сын Саша там недавно побывал. Внутри. И говорит, что там все сохранилось, не было разграблено, иконы, утварь — все цело, а еще там кто-то живет и сторожит, судя по всему, эту церковь. Да вот он, я думаю, лучше меня все расскажет. — Я вчера был там. — Саша, как величайшую реликвию, достал из-за пазухи огромный церковный ключ. — Вот это ключ от церковной двери. Мне его показала одна девочка, Света, она там живет. Там, конечно, очень сыро, кругом вода, и в церкви вода на полу, но там все устроено, как вот у вас здесь. Только там больше всего нарядного такого: люстра висит из-под самого потолка, 124 длинная, на елочку новогоднюю похожа, лампы огромные, иконы с меня ростом с украшениями, иконостас резной позолоченный, все вот эти подставочки под иконы, как вот тут посреди церкви, стоят резные с точеными ножками... Только от воды, конечно, все пострадало, дерево все иструхло, а металлические вещи изъедены ржавчиной. — Ты сам-то там как оказался? — поинтересовался батюшка. — Меня туда Света привела. Туда так просто не попасть. Там обнесено все колючей проволокой и заросло кустами и деревьями. — Ты сказал, она там живет. Как она там живет: как Робинзон на необитаемом острове? — Нет, она выбирается в деревню, мы с ней так и познакомились в Родине. Но это не важно. Главное, о чем она меня просила, чтобы я привел священника — «свершителя Таинства Святой Евхаристии». — Ну надо же, какие ты слова-то знаешь! — удивился батюшка. — И зачем ей священник? — Там необходимо совершить службу. — Именно там и нигде иначе? А не может твоя девочка прийти к нам сюда в храм и тут помолиться? — Нет! В том то и дело, что службу надо совершить в той церкви! — Хорошо! Предположим, что мы придем туда с молебном. Встает несколько вопросов. Во-первых, как туда добраться? Во-вторых, неизвестно состояние сводов, а вдруг — сейчас оно стоит, а через минуту рухнет, кто может ручаться за то, что всех богомольцев не накроет кирпичами. Ведь я не смогу туда пойти один, мне нужен хотя бы один человек из певчих и пономарь, чтобы зажечь кадило и нести облачения. Плюс там 125 будешь ты, твой папа и эта девочка — это по минимуму. Итого шесть человек. Кто может гарантировать безопасный исход нашего путешествия? Но если вы все же настаиваете, то в таких случаях мы делаем вот как — свершаем молебен на берегу, напротив того святого места, которое нам недоступно. Как это делается, например, в Мяксе, напротив Леушинского монастыря. Там весь монастырь ушел под воду. И каждый год богомольцы собираются на берегу и молятся под открытым небом. А следуя вашей логике, батюшка должен был бы поверх фелони надеть акваланг и спуститься под воду для свершения службы. — Но я там был, воды в храме не много. Если вы будете в сапогах, то и ног не замочите. — И все же, мне кажется, нет такой острой необходимости совершать там службу. Туда надо направить экспедицию с тем, чтобы уточнить состояние здания, сохранность икон, проложить достаточно безопасный путь к церкви, а затем рассмотреть возможность свершения какой-то службы. Батюшка приветливо улыбался, но в душе у Сашки загорался огонь. Он готов был протянуть руку и отдать этому священнику самое дорогое — ключ, но, судя по всему, он был ему совсем не нужен. — Она туда никого не пустит! — еле сдерживаясь, проговорил Саша. — Ну, добре, чадо, не кипятись. Пойди пока посмотри храм, а я с отцом твоим поговорю. Саша, расстроенный, отошел от них и, едва сдерживая слезы, пошел вдоль церковных стен, рассматривая иконы. — Вы сами-то бывали на этом острове? — обратился священник к Александру. 126 — Представьте, не доводилось. Хотя много раз бывал рядом. Там мое детство прошло, возле этой церкви. Нам еще старики строго-настрого заказывали туда ходить. Там и правда небезопасно, но я привык доверять сыну. Он не склонен фантазировать, хотя то, что он мне рассказывал — про эту церковь и про Свету, — даже в моей голове не укладывается. — Вы знакомы с этой островной жительницей? — Тоже нет, даже не видел. Только на рисунках. Он ее много рисовал. — Ну вот, видите, как получается. Это может оказаться плодом воспаленной юношеской фантазии, и мы с вами пойдем у него на поводу. Давайте вот как мы поступим. Вы узнайте все досконально. Познакомьтесь с этой девушкой, побывайте, если она разрешит, в этой церкви, расчистите туда дорогу, а там видно будет. Вы согласны? — Да, пожалуй, вы правы, отец Сергей. Так мы и сделаем. — А вы, простите, кто и откуда? — Я не представился? Извиняюсь. Александр Фомин, предприниматель. Мы здесь в Старом Селе живем. Года два назад от вас ко мне приходили, староста по-моему, насчет благотворительной помощи. Мы вам пиломатериал отгружали. Фирма «Натали», наш офис на Гостинодворской, 14. — Как же, помню. Очень была кстати ваша помощь. Спаси Господи. У нас много ремонтов. Вот сейчас восстанавливаем придел преподобного Кирилла Новоезерского, ко дню памяти его, к 17 февраля должны закончить. Может, у вас есть возможность нам еще помочь? 127 — Без проблем. Обращайтесь. Составьте заявочку, что вам необходимо, и занесите в офис. Если что есть на складе, дадим сейчас, чего нет, напилем попозже. Пожалуйста, без вопросов. — Папа!! — в гулких стенах храма раздался звонкий Сашин голос. — Подойди сюда!!! — Простите. — Фомин отошел от священника и направился к сыну. — Ну, что там у тебя? — Смотри, папа! — Саша стоял напротив большой иконы. — Это ОНА! СВЕТА! Александр увидел на иконе,

написанной в реалистической манере, светозарного ангела, который шествовал по пушистым облакам. Он был изображен в белоснежных одеждах с большими крылами, каштановые вьющиеся волосы были убраны золоченой лентой, а вокруг головы блистал лучистый нимб. Лик его и впрямь более походил на девичий. Глубокие темные глаза глядели, казалось, в самую душу. В руке ангел изящным жестом держал меч. Этот образ один в один напоминал Сашкины рисунки. — Отец Сергей! — обернулся Фомин к священнику. — Вы нам не объясните, что это за икона? — Охотно, — батюшка подошел к ним. — Это образ Ангела-Хранителя. Каждому из нас при крещении от Бога дается светлый дух, защищающий нас от нападения сил зла. Мы его называем Ангелом-Хранителем, ему составлены особые молитвы, которые читаются утром и вечером. — Батюшка, — Саша, не оборачиваясь, стоял как завороченный возле иконы, — а ангелы могут петь? — Все ангелы воспевают хвалу Создателю, это образ из молитвы. Мы много знаем ангельских песней, например Аллилуйа — Слава Тебе, Боже. 128 — Я тоже знаю одну песнь: «Видехом свет истины». — Саша будто загипнотизированный смотрел на ангельский лик. — Это песнопение из Литургии, только, не «истины», а «истинный». «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть». Это поется в самом конце службы, после осенения Святыми Дарами. — Света все время это поет... Батюшка, так она АНГЕЛ? — Ангел не может быть ни «он», ни «она». Они бесплотны. Но традиционно мы к ним обращаемся в мужском роде. Батюшка отвел Фомина за руку в сторонку и чуть слышно, глядя на восхищенного отрока, произнес: — Вы видите, он как бы не в себе. Вы, пожалуйста, уделите ему внимание. Переходный возраст опасное время. Не имея достаточной духовной подготовки, подростки часто увлекаются мистикой, а это чревато психическими расстройствами. Узнайте, что он читает, с кем общается. Может, если у него есть к этому интерес, он захочет посещать нашу воскресную школу. Сейчас, правда, каникулы, но с сентября милости прошу. А я с вашего позволения пойду, меня ждут в канцелярии. — Отец Сергей, еще один вопрос. Могу я вас просить помолиться, у меня отец сильно болеет. — Да, пожалуйста. Подойдите вот к женщине за свечным ящиком, она примет у вас записочки. Можете и свечи поставить. Всего доброго. Помогите вам Господь. — До свидания. Простите за беспокойство. 5 Зак №2575 129 Фомин подошел к церковной лавке и обратился к женщине: — Мне бы подать на молитву. Это куда? — Вот бумажечки и ручка, пишите записки «за здравие» и «за упокой». Вы простые подаете или заказные? — Ой, вы знаете, я не разбираюсь. — Заказные у нас батюшка читает в алтаре... — Вот мне такие! А что писать? — Пишите тех, за кого вы хотите помолиться. Александр достал из кармана свою чернильную ручку с золоченым пером и вывел на записке, озаглавленной «О здравии»: «Отца», подумал и добавил: «и сына».

Глава 3

...И Святого Духа...

Метель мела уже третьи сутки. Бешеный ветер за считанные минуты наметал огромные сугробы там, где солдаты только что прокопали путь. Не встречая преград, буран пронесся по безграничным просторам казахстанской степи, замывая дороги, улицы, дома. Огромные роторные снегоуборочные машины прорывались сквозь толщу снежных заносов, иногда натываясь на погребенную среди сугробов технику. В такие дни, как сегодня, можно было бы забыть про попытки вырваться к цивилизации. Так уж не раз бывало, что этот военный городок заматало на несколько суток и даже в райцентр, что располагался в двенадцати километрах, а вернее сказать, к его небольшой железнодорожной станции попасть было невозможно. Но эти трое, что стояли сейчас на автобусной остановке, напротив комендатуры, не хотели сдаваться и были настроены решительно. Это были отец Василий, священник местного гарнизона, его матушка Ирина и молодой лейтенант Вадим. Они ждали «дежурку», большой грузовик с кунгом, в котором обычно добирались военнослужащие и члены их семей на железнодорожный вокзал, на станцию Эмба, и обратно, если поезда приходили ночью. На часах было уже два часа ночи, завывал ветер и снежной крупой обжигал лицо, а машина и не думала приходить. Они сильно 131 продрогли, но не отчаивались и, подбадривая друг друга, шутили, закрывались от ветра, который, казалось, выдувал мозги, и приплясывали от холода. Но надежды на то, что они сегодня уедут, таяли на глазах. Они ехали в Кызыл-Кийын, место, которое у местных православных было связано с именем старца Георгия. Там уже много лет жил пожилой протоиерей, отец Георгий Белов, однорукий священник. Он служил тридцать лет на одном месте и считался в епархии самым авторитетным отцом, к его советам прислушивался и владыка, не случайно его единодушно избрали епархиальным духовником. В кафедральный собор он приезжал дважды в год — Великим постом и на архиерейские именины, тогда-то и приходили к нему на исповедь священники с разных уголков огромной (в семь областей) епархии, а некоторые, как эти незадачливые путешественники, в индивидуальном порядке попадали к нему на приход. — Батюшка! — радостно отрапортовал лейтенант, который только что вернулся из комендатуры. — Дают вездеход! Там начфин из командировки возвращается московским поездом, будут встречать. Не прошло и десяти минут, как возле комендатуры ревел вышеозначенный вездеход — что-то грозное на гусеницах, плоский и зеленый. Потребовалось немало усилий, чтобы влезть в его железное чрево и пристроиться в темноте на узкой лавке. Когда же он тронулся, двигатели взревели и он весь затрясся в такт своим моторам. От этой вибрации у немногочисленных пассажиров, казалось, расходились суставы и клацали зубы. В небольшой проем впереди было видно узкое лобовое стекло, в которое бились освещенные фарами снежинки. Это зрелище напоминало полет в космосе среди 132 мириад небесных светил. Звездная пыль била в стекло и разлеталась в стороны, уступая место все новым и новым потокам снежных искр. Когда все попритерпелись к тряске, стали ощущать ход машины. Теперь это было похоже на

ныряющую по волнам лодку. Какое-то время вездеход шел по дороге, а затем сполз с нее и ринулся напрямик по голой завьюженной степи, в которой ничто не могло указывать направления пути. Однако через полчаса в окне стали попадаться деревья и домики на окраине поселка, заметенные снегом под самую крышу. Ночные путешественники удерживали равновесие, вцепившись окоченевшими пальцами в стальные лавки. Они молчали и съехившись сидели в полутьме, тогда как водитель и старший машины весело трепались, курили и смеялись, что чуть подбодряло. Прошло еще минут десять, и агрегат остановился. Человек с красным лицом, с шапкой на затылке, обернулся к пассажирам: — Приехали, батюшка! Вас достать или сами выйдете? — Я, пожалуй, эту дверцу не открою, — стуча зубами, отозвался священник. — Ща-ас! — Голова сунулась в кабину, и через минуту с характерным лязгом дверца распахнулась. Сначала вскочил Вадим, помог спуститься матушке, а последним вышел отец Василий. С него тут же сдуло каракулевый пирожок. — Спаси Господи! Прорвались! — поблагодарил батюшка солдата-водителя, отряхивая покрытую снегом шапку. Поезда еще не было, и они поспешили в зал ожидания. Этим залом служила небольшая комната на вокзале, который был выстроен еще до революции. В ней вдоль стен стояли три секции гнутых сидений, выкра- 133 шенных в цвет стен линиялой голубой краской. На одном из кресел в углу храпел, свернувшись калачиком, бородатый бомж. От него несло перегаром и какой-то кислотой. Здесь, при свете тусклой лампочки, путешественники разглядели друг друга. Их одежды были запорошены снегом. Смеясь, «снеговики» отряхивали друг дружку, околачивали обувь. Отец Василий снял и протер запотевшие очки, стали видны его ясные голубые глаза. Борода превратилась в маленький сугроб, на концах пшеничных усов намерзли льдинки. Матушка, добротнo укутанная в серый пуховый оренбургский платок, алела яркими щеками. Ее лицо было весьма живописно: черные глаза, белый от мороза тоненький нос и пунцовые пухлые губки. Ангорковой варежкой он утирала морозные слезы. Вадим был одет в кожаную куртку и меховую шапку-обманку; единственным утеплением его стриженного затылка был лохматый мохеровый шарф. По всему было видно, что это армейское чадо не имело подходящей гражданской одежды, но держался Вадим молодцом. Все трое были молоды, высокого роста и неунывающего нрава. Первым делом путешественники подошли к окошку кассы. В нем красовалось объявление: «Москва-Андижан билетов нет». — Может, сразу назад? — предложила продрогшая матушка. — Пока этот драндулет еще не уехал. — Ну уж нет! — ответил отец Василий. — Стоило столько претерпевать, чтобы вот так легко сдать. Попробуем сесть, договоримся с проводником. — Это как? — поинтересовался лейтенант. — У проводника купим билет? 134 — Какие билеты? Денег дадим и поедем. Это тут за правило, как выяснилось. Я прошлый раз в Оренбург уезжал на этом же поезде, только обратном. Купил билет в кассе, как законопослушный пассажир, а когда пришел поезд, мой вагон даже не открыли. Когда я достучался до проводника, уже объявили отправление. Выходит заспанный, в кителе нараспашку и тапочках казах, брюхо надо мной свесил, даже не опустил ступеньки. Посмотрел по сторонам, потом заметил меня, спрашивает: «Чё стучишь?» Я ему: «У меня билет в этот вагон!» Он, даже не поглядев на билет: «Местов нет!» — «Как так нет?! Если билет продан, значит, должно быть». — «Нет, говорю тебе. Вот кто тебе билет продал, тот пусть тебя и везет, а мне даже посадить некуда». — «Может, доплатить надо?» — «Пятьсот тенге давай», — спокойно ответил проводник, фактически назвав цену билета. «Возьмите», — протягиваю ему деньги. Проводник небрежным жестом поворачивает рычаг, поднимает фартук и опускает ступеньки. Но даже за эти деньги мне пришлось всю дорогу, а это часов десять, сидеть на краю плацкартной лавки у кого-то в ногах. Спали даже на багажных полках. В среднем до десяти человек размещалось в купе. Местов и правда не было. Так что, может, так и честнее. Не придется два раза платить. — Ну и дикость! — удивился Вадим. — У нас на любой поезд берешь билет и нормально едешь на своем месте. — Вадик, «у нас» осталось в Саратове, а это Казахстан Республикасы. Восток — дело тонкое. Здесь своя специфика, с этим надо мириться. В это время из динамика раздался хриплый голос, который сначала на казахском, а затем на русском языке объявил о прибытии поезда. 135 — Ну что, Господи благослови! — перекрестился священник, и они направились на перрон. На путях вьюжило, снег кружил, словно карусель. С перрона вокзальчик смотрелся неплохо. Построенный в ансамбле с водонапорной башней в то время, когда паровозам нужно было заправлять водой паровые котлы, он выглядел достойно и строго по сравнению со всеми прочими строениями станции. Сквозь пургу засверкал свет прожектора тепловоза, и из снежной круговерти выехал поезд, с грохотом протянулся вдоль станции и замер. В окнах вагонов сквозь снежную шубу брезжил свет. Проводники нехотя отворяли двери. К одному из них и подошла компания богомольцев. Перрон был короткий, и ббльшая часть вагонов стояла так, что ступени были на уровне носа. — До Берчогура поезд идет? — на всякий случай уточнил батюшка, задрав голову вверх. Не идти он не мог, потому что это была единственная железная дорога в южном направлении. — Идет, — свысока кивнул проводник. — Трoих возьмете? — По сто тенге... — Хорошо! — Заходите. Путешественники не были обременены багажом, а потому быстро взобрались по ступенькам и прошли в вагон. Зрелище, представшее их взору, смутило даже опытного отца Василия. Мест не было! Но не было мест не только лежачих, но даже сидячих. Люди лежали, скрючившись, иногда по двое на полке. С третьих этажей свисали ноги, руки, всюду громоздились огромные 136 тюки и клетчатые сумки. Спали на полу, между рундуками внутри купе. Спали стоя, зацепившись за поручни. Сквозь торчащие отовсюду конечности и громоздящиеся вещи невозможно было протиснуться. Все было погружено в полумрак. Лампочка горела только у купе проводника. Лишь свет станционных фонарей, пробивающийся сквозь окна, позволял кое-что различать. Они встали где-то посередине этого безобразия, прислонившись к переборкам между купе. — Вот это специфика! — пробормотал в темноте лейтенант. —Может, в другой вагон попробуем?.. — Думаю, там то же самое, — «утешил» батюшка. — Давайте уж поедем, коли мы уже сели. — Сели? — усмехнулась матушка. —Тут и сесть-то некуда, везде головы, руки, ноги. —Ладно, постоим, нам не так уж и далеко ехать, каких-нибудь пару-тройку часов. Может, выйдет кто... Поезд тронулся, и стало совсем темно.

Сквозь этот мрак к ним пробирался проводник-казах. Не особо церемонясь со свисающими с полок людьми и освещая себе путь фонарем, он добрался до новеньких. Они протянули ему деньги. — Сервис, однако, — попытался ёрничать Вадим, но проводник его не понял, молча взял деньги и удалился. Когда он перестал слепить фонарем, в прыгающем луче света, выхватывающем из темноты фигуры лежащих и сидящих людей, они заметили странный мешок на окне соседнего купе. При ближайшем рассмотрении это оказалось байковое одеяло, закрывавшее разбитое окно. За время следования оно наби- 137 лось снегом и торчало внутрь пузыря, плотно замуровав вагонную брешь. — Садись, опа! — Старуха казашка поджала ноги и уступила место матушке. — Спаси Господи! Рахмет! — вздохнула матушка Ирина и присела на лавку. Поезд набирал ход, последние огни пробежались по окнам, и в темноте они теперь могли лишь слышать голоса. — И так вы всегда ездите? — спросил Вадим. — Почти, — ответил батюшка. — Меня сначала это тоже шокировало, но вскоре привык. Первое же впечатление было ужасным, мне это напоминало фильмы про революцию, как все куда-то едут, берут штурмом вагоны, залезают в окна. Это оттого, что расстояния здесь большие, а дорог нет. — Батюшка, а может, и правда, это не стоило таких жертв? Может, как-нибудь в другое время надо было поехать? А то нам что-то не катит... — Нам-то не катит? Да еще как катит! До станции добрались. В поезд попали. Считай, полдела сделали. Осталось из Берчогура доехать до Кызыл-Кийына. Это уже на попутке. Автобусы туда не ходят. А там поселок небольшой, церковь быстро найдем. — Там, может быть, так же все дороги заметены снегом. Застрянем в этой дыре. Вот будет номер! Как тогда быть? — Как быть? Просто! Застрянем — будем выбираться, унывать не станем. Тут главное на Бога уповать. Мы ж не развлекаемся едем, а, можно сказать, паломничаем. А в таких вещах искушения неизбежны. Враг рода человеческого не дремлет, козни строит, а мы долж- 138 ны их с упованием на Бога преодолевать. Я где-то читал, что воздух есть среда, где обитают духи зла, и если бы они были видимы, то от этих несметных полчищ бесовских нам не виден был бы свет солнца. Вот и смотри на эту пургу, как на натиск бесовский, отражай его, этих тысячами и миллионами летящих на тебя демонов. Изнемогаешь — призывай в помощь Бога. Во всем усматривай промысел Божий. Нет в этом мире ничего случайного. Едешь ты в такой темноте и тесноте и холоде, а сам утешайся тем, что ждет тебя в конце пути — благодать Духа Святаго, чистота исповеди, Дар Причастия, богодухновенный совет и ясность жизненной цели. Сколько раз ты с комфортом ездил в места пустые и бессмысленные? А этот путь тернист потому, что это путь ко святой цели. — А вы раньше ездили к старцам? — Да, была у нас с матушкой одна поездка в Троице-Сергиеву лавру к старцу Науму года два назад, но она закончилась весьма забавно. Вернулись мы ни с чем, а дело было так. В Уральске я познакомился с молодым послушником Иннокентием. Он оказался чуть ли не келейником отца архимандрита Наума, известного на всю Россию старца. Он-то и пригласил нас побывать в Лавре, побеседовать со старцем. Ну, мы и собрались. Приехали, а в монастыре народу —тьма. Где там тот старец? Где его искать? Не знаем. А Кеша тот сказал: «Старец очень занят, к нему со всего Союза едут, но я вас к нему проведу. Меня найдете, я вам помогу. Меня там всякий знает». Так я стал искать этого знакомого послушника. У кого ни спрошу, никто такого не знает. В конце концов нашел я место, где живет старец Наум. А у его кельи очередь стоит, ну, с километр, даже не надейся. Из разговоров узнаю, что некоторые 139 там месяц уже пытаются к нему попасть. У меня, конечно, была пара жизненно важных вопросов, которые я хотел задать старцу, но стоять месяц в очереди я был не готов. И тут, на мое счастье, дверь кельи отворяется и выходит отец Наум. То, что это ОН, я понял из восторженных восклицаний в толпе богомольцев, они бросились к нему благословляться. Он неспешно шел сквозь них и осенял крестным знамением и выходит прямо ко мне. Я растерялся, подхожу, припадаю к его руке, приветствую и, пользуясь случаем, что он вышел, задаю ему вопрос. Угадай, что я его спросил? — Как жить? — Если бы. Я ошалел от радостной неожиданности и спрашиваю: «Вы не знаете, где я могу найти послушника Иннокентия?» Ха-ха. Вот так. Отчебучил. — А он? — Отец Наум, разумеется, не знал никакого Иннокентия. Но он спросил меня: «Откуда вы, отче?» Я ответил: «Из Казахстана». Он мне: «А где ваша матушка?» Я говорю: «На улице дожидается». «А вы у Преподобного были?» — спрашивает. «Нет, — говорю, — мы прямо сюда». — «А вы сходите, приложите к раке преподобного Сергия». Мы пошли с матушкой, приложились к мощам. А когда вернулись, началась уже служба, и никого у кельи старца не было. Вот так и уехали ни с чем. Но зато в Лавре побывали, в первый раз. — Может, кто посидеть желает? — вяло предложила матушка. — Могу уступить место. Ненадолго... — Да уж ладно, достоин до какой-нибудь станции, может, еще и вздремнуть удастся, — отозвался батюшка. 140 Поезд мерно стукотал. Вагон кряхтел и раскачивался. Откуда-то сильно дуло сквозняком, но вагон не вы-стужался, согреваемый дыханием множества набившихся в него людей. Вадим возвращался из тамбура, аккуратно пробираясь сквозь джунгли свисающих ног и громоздящихся сумок. — Батюшка! — смеясь, прошептал он. — В туалет пойдем тоже на ближайшей остановке. — На стоянке туалет закроют. — Это невозможно! Во-первых, дверь в него висит на одной петле. Во-вторых, там перемерзла труба и вода течет рекой. А в-третьих, туда уже долго ходили с разбега, не заходя в кабинку, и теперь... у меня нет слов... приличных. Так что все дела делаем на ближайшей станции. — А если в соседний вагон? J* —Пробовал. Закрыто. Матушка тихо хихикнула: — Утешайтесь. Мы едем. Неизбежно приближаемся к цели — по дороге, которую не замечает. Все остальное мелочи! — Да, да. Все это ерунда! — согласился Вадим. — Представим себе, что это происходит не с нами, а мы это смотрим в кино. На самом деле мы сидим в мягком кресле у телевизора, в меховых шлепанцах и попиваем горячий шоколад. — Кстати! Может, чаю выпьем? — мечтательно предложил отец Василий, вглядываясь в начало вагона. 9 —Думаю, и с этим ничего не выйдет. Если бы титан был горячий, то там бы толпился народ и грели руки. Отец Василий, расстегнувший поначалу пальто, вынужден был закутаться и надеть шапку. 141 —Да, тут приходится рассчитывать только на свои источники тепла — внутренние резервы. — Батюшка, — Вадим, не видя его, дышал ему в лицо. — Раз уж все равно не судьба нам покемарить, может, вы еще расскажете о себе? Ваши рассказы всегда такие

поучительные. Или вы устали? — Отчего ж, изволь. Только что тебя интересует конкретно? — А расскажите, как вы стали священником. — Пожалуй, ты не оригинален. На этот вопрос мне доводилось отвечать тысячи раз. Что ж, если ты настаиваешь, отвечу тысячу первый. Тем более обстановка располагает к обстоятельному повествованию. И отец Василий начал свой рассказ. Детство Васи Сосновского проходило в довольно уединенном месте под названием Дор. Среди леса, недалеко от небольшого бывшего уездного городка Кад-никова, располагалось детское учреждение для умственно отсталых детей. Отец Васи, строивший этот детдом, был и первым его директором. Для работников детдома было выстроено благоустроенное четырехэтажное здание из силикатного кирпича. Еще в ходе строительства Васин отец выбрал себе удобную трехкомнатную квартиру, которая и стала домом для их семьи вплоть до смерти родителей. Место это можно было бы назвать красивейшим на свете, если б не текущая невдалеке река Пельшма. Небольшая лесная речка превратилась в сточную канаву вследствие бесконтрольного сброса в нее отходов местного целлюлозно-бумажного комбината. Вода в ней напоминала слив мыльной воды со стиральной машины — серого 142 цвета, с грязной пеной и ужасным запахом. В ней давно вымерла вся рыба. Все деревни, что располагались на ее берегах, опустели. Превратился в руины заброшенный, некогда славный Григорьев Пельшемский монастырь. В истории же места эти прославились тем, что тут некогда проходил старинный торговый путь, дорога из Москвы в Архангельск, а в этих дремучих лесах купцов часто грабили разбойники. Теперь же здесь жили вполне мирные люди, занимавшиеся в основном сельским хозяйством. Само название Дор говорило о том, что когда-то здесь произрастал сосновый лес — бор. Теперь тут сосен почти не осталось. Одна из немногих красавиц сосен росла на болотистом лугу, который именовался Козьей Поскотиной. Тут пасли коз и овец. И вот на этой-то сосне пастухи соорудили «гнездо» с тем, чтобы с его высоты обозревать всю округу. Оно было сделано в лирообразной кроне из досок, основательно, к нему вели ступени, прибитые прямо к стволу дерева. Вот на этой-то сосне и прошло, можно сказать, все детство Васи. Здесь он любил сидеть, мечтать, с высоты охватывая взглядом всю свою малую родину. А еще с высоты той была видна белая, словно сахарная, церковь у самого горизонта. Она была действующая, но в нее он так и не попал вплоть до сознательного воцерковления. Родители его в Бога не верили, не молились, не держали в доме ни икон, ни священных книг. Они вполне соответствовали воспитавшему их времени. Даже Васина бабушка, чье детство прошло в деревне, и та не признавала «ни святых, ни праздников». Единственной книгой, в которой Вася мог прочесть о Боге, был толстенький; в твердых красных корочках 143 «Спутник атеиста». Остается поражаться, как из этого отрока, который был воспитан в атеистическом окружении, смог вырасти ревностный христианин и даже священник. Его отец, уже когда можно было без оглядки вешать дома иконы, не терпел на стенах даже календаря с изображением иконы. Его мать, педагог, всю жизнь проработавшая с трудными подростками в детском доме, испытывала идеологическую нетерпимость к любому проявлению религиозности — отбирала у своих воспитанников крестики и иконы, пресекала вылазки в церковь и тем более не допускала этого у своего сына. Однажды Вася принес домой и показал матери тетрадь с рисунками. Будучи художественно одаренным ребенком, он в этой тетрадке зарисовал удивительной красоты ковку старинных кладбищенских крестов. Вместо того чтобы порадоваться за сына, душа которого тянулась к прекрасному, мать разорвала ту тетрадь со словами: «Что за гадость ты нарисовал? Это же кресты!!!» Она строго-настрого запретила ему бывать на кладбище, мимо которого он каждый день ходил в школу. К слову сказать, когда это кладбище закрыли и встал вопрос о том, где быть новому, Васина мама была в первых рядах противников того, чтобы оно располагалось рядом с действующей церковью. Вспоминается и еще такой случай. Однажды мама с Васей ехали куда-то поездом и в дороге познакомились с одной хорошей женщиной, которая в знак дружбы, на память подарила маме изящный крестик на цепочке. Мать с радостью приняла подарок, но, прежде чем надела на себя цепочку, оторвала крест — таким жестом, каким очищают семечки от шелухи, — и бросила распятие в открытое окно вагона. 144 Даже Васина бабушка, которая единственная имела живой опыт церковности — ее в детстве крестная водила в храм, — и та не молилась, не крестилась, не имела образов, не носила креста, зато при случае могла заговорами лечить разные болячки и умела гадать на картах. Потому неудивительно, что подростком, увидев у одного своего старшего друга на полочке икону Спасителя, Вася спросил его: «Как ты можешь верить в Бога? Как ты, такой образованный, проявляешь такую отсталость?» Сам Вася рос любознательным малым, любил природу, интересовался историей своего края и Древним Египтом, рисовал, вырезал из дерева, много читал, отчего уже к пятому классу нацепил на нос очки. В школе учился на твердую четверку, в классе был политинформатором. Друзей у него было мало, как-то он и в школе, и во дворе держался особняком. Единственный близкий друг, с которым он проводил бблыпую часть свободного времени, был его собеседником и единомышленником. Вместе они гуляли, мечтали, делились планами, влюблялись в девчонок. Но школа закончилась, и они разъехались кто куда: Вася — в Ярославль, а друг его — в Ленинград. В Ярославле Василий поступил в университет на факультет биологии с заветной мечтой стать палеонтологом и заниматься раскопками древних форм жизни, разных там динозавров, мамонтов. После провинциальной тишины город показался студенту Со-сновскому чем-то невообразимым. Здесь он впервые побывал на органном концерте в филармонии, увидел балет в старинном Волковском театре, проехался на трамвае и на речном транспорте. Он каждый день 145 гулял по красивейшей набережной Волги и наслаждался гармоничностью ярославской городской архитектуры. И конечно же, его внимание привлекало большое количество церквей, таких разных и таких нарядных. Ярославль оказался городом храмов, в нем даже обком партии располагался в здании, построенном меж двух церквей. И тут Вася задался вопросом: «Зачем нужно было строить столько церквей? Что двигало людьми, строившими эти великолепные храмы?» Но, как известно, Дух дышит, где хочет. И в жизни мальчика Васи были такие моменты, которые трудно назвать случайными. Одним из таких моментов стали визиты загадочной «черной бабушки». Это

было, еще когда он не ходил в школу. Тогда они еще жили на старой квартире в Кадникове. Родители были очень заняты работой, и его воспитывала бабушка Каля. Иногда к ней заходила некая старушка, одетая во все черное. Странная гостья очень полюбила маленького Васю и всякий раз угощала его крохотными белыми булочками, от которых с раннего детства болезненный мальчик стал укрепляться в добром здравии и впоследствии почти ничем не болел. Уже став священником, однажды на кладбище Ильинской церкви на одном из памятников отец Василий узнал знакомое лицо. Раба Божия Анна-богомолка, как ее звали в городе, жила на окраине в ветхом домишке, не пропускала ни одной обедни, соблюдала все посты и праздники. Те люди, которые боялись по той или иной причине посещать храм, давали ей деньги на свечи и передавали с нею записки священнику с именами близких, за кого помолиться, а обратно она приходила с просфорами и раздавала их заочным богомольцам. 146 Вот этими-то «просвирками» и питала она некрещенного еще Васю, делая его причастным Литургическому действию. Второй такой момент — это поездка Васиной мамы в Германию. Будучи по образованию педагогом-языковедом, его мама довольно свободно говорила по-немецки и была рада побывать в «языковой среде». Одним из пунктов, который довелось ей посетить в братской ГДР, был город Дрезден, славящийся своей замечательной картинной галереей. Бесспорным шедевром дрезденского собрания является картина Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Написанная на огромном холсте, она расположена в самом конце длинного зала, и, осматривая экспозицию, вы неизбежно приближаетесь к этой картине как к некой кульминации. Как рассказывала Васе мама: «Я шла к Ней, а Она (Мадонна) по облакам шла ко мне. Она несла Младенца, чтобы отдать Его людям. Это было настолько величественно, что мне впервые захотелось встать на колени и помолиться». Восхищенная Мадонной Рафаэля, мама купила маленькую ее копию в изящной рамке и привезла домой. Так в доме, где не было икон, появилось первое священное изображение. Потом, взглядываясь в эту картину, отец Василий узнал в ней евангельский сюжет Сретения, этому моменту в жизни Спасителя посвящен соименный праздник. Тогда и стало ясно, куда несет своего Богомладенца Дева Мария — в храм. Спустя много лет на пражский Сретения Господня отца Василия рукоположили во священство, и началась полная великих и славных чудес жизнь, посвященная храму, Церкви, БОГУ. Впервые Василий попал в действующую церковь будучи студентом, в колхозе, на уборке цикория. Университет, в котором он учился, шефствовал над одним из хозяйств в Ростовском районе, и студенты его факультета приезжали каждый год сюда осенью и несколько недель занимались сельскохозяйственными работами. Размещались они в небольшом лагере, что в селе Татищев Погост, и жили в деревянных бараках. Само село было очень милым и патриархальным, а особую красоту ему придавала церковь, что стояла в самом центре возле пруда. Построена она была в XIX веке прежним помещиком Татищевым. Она была довольно необычной — внешне украшенная со всех сторон портиками с колоннами, внутри она была совершенно круглая. Посвящена была преподобному Сергию Радонежскому. Служил там толстенький, чрезвычайно активный батюшка иеромонах Олег. Про него рассказывали всякие небылицы, от смешных до ужасных, что в целом могло говорить лишь о том, что для деревни личность сего пастыря церковного была небезразлична и являлась своего рода достопримечательностью. Студенты по вечерам украдкой ходили в церковь, не столько ради того, чтобы полюбоваться на церковное убранство или послушать, как поет хор, сколько ради того, чтобы увидеть этого легендарного попа. Таким же образом оказался в церкви и студент Со-сновский. В храме шла служба, горели свечи, стояли и молились несколько старушек. Круглые стены были декорированы огромными панно, на которых маслом были изображены библейские сюжеты. С полчаса Василий и с ним еще трое товарищей постояли, озирая все вокруг, как вдруг открылись золоченые ворота, зажглась большая люстра и вышел в блестящей накидке и черной шапке тот самый священник и с ним мальчик лет двенадцати тоже в блестящем как бы пла- 148 тье и со свечой в руке. Герой деревенского эпоса при ближайшем рассмотрении оказался похожим на Де-миса Руссо. Сначала он подымил все кадилом, потом почитал Евангелие по большой золоченой книге, а затем стал всех чем-то мазать кисточкой. Не так себе представлял Василий церковную службу. Ему казалось, что все должно быть как-то величественней, что это что-то неземное, а то, что он наблюдал, более походило на театральное действие. Какие-то нелепые костюмы, странные жесты, заунывное пение — все не то. Когда одна из старушек предложила им помазаться, у Васи вырвалось почти презрительное: «Вы что? Нет, мы в этом не участвуем!» И, криво усмехаясь, они покинули храм. Учебная карьера его не сложилась. Отучившись в университете два курса, он разочаровался в выбранном вузе и в науке вообще. К этому добавилось и разочарование в коммунистических идеалах. Он бросил университет, сжег комсомольский билет, но не по религиозным соображениям, а так — в форме протеста. К религии он относился по-научному, как к области знаний, и однажды, в целях образованности, из чистого любопытства решил прочитать Библию. Придя как-то в славную на весь Ярославль научную библиотеку имени Некрасова, он нашел в каталогах всего два экземпляра Священного Писания; одна Библия была издана еще в 1893 году, а другая сравнительно недавно — в 1983 году, выпуска Московской Патриархии. Вот эту последнюю он и выписал. Когда же библиотекарь увидела название книги в бланке требования, она спросила: «Вы с исторического факультета?» — «Нет, с биологического». — «Зачем же биологу Библия?!» — «Так я для общего ознакомления». — «Вы простите, 149 но эту книгу я вам могу выдать только с письменного разрешения декана исторического факультета». Вот так, несолоно хлебавши, пришлось ему уйти из библиотеки. Но и тут видна рука Божия. Могло стать так, что, получив эту книгу и споткнувшись о сложный язык и чуждые образы, он навсегда вычеркнул бы Библию из сферы своих интересов. Вместо этого в нем проснулась неутолимая жажда — во что бы то ни стало найти и прочесть эту Книгу книг. Шел юбилейный 1988 год, год Тысячелетия Крещения Руси. В прессе все чаще стала звучать дотоле закрытая церковная тема. Проснулся интерес к Церкви и у Васи Сосновского, интерес эстетический. Теперь, когда никто не воспрещал, он рисовал купола и кресты, подолгу взглядывался в узорочье храмового убранства древнего Ярославля. В редкие побывки домой он стал

открывать церковную красоту у себя на родине. И задавался такими вопросами: «Что же такое, мне недоступное, испытывали люди, сотворившие такую красоту? Что же такое вера? И кто такой Бог, вдохновивший их на создание таких шедевров?» Тогда же он решил, что станет церковным мастером — резчиком или иконописцем, если способен будет уверовать и почувствовать что-то божественное. Сильнейшим потрясением для него стала поездка в Великий Новгород. Туда его пригласила знакомая девчонка, она была родом из этого города, хорошо знала его историю, и, кроме того, одна ее одноклассница, Юля, работала в Историко-архитектурном бюро. Они ее нашли, и она согласилась стать их гидом. Эта Юля оказалась верующим человеком, что выяснилось при первом же знакомстве. Бюро их располагалось в помещении, к которому примыкала некая до-150-летняя церковь, и в проем двери видна была роспись ее алтаря с сидящим на престоле Христом. Юля, видя наше любопытство, сказала: «Тут часто подходят и, бросив беглый взгляд на эту дверь, думают, что там у нас кабинет директора, и спрашивают: „Там ваш начальник сидит?“ А я им отвечаю, что это не наш, а это всем Начальнику). Пользуясь служебным положением, Юля сняла с гвоздиков ключи от всех церквей, и они пошли смотреть древности. Начали, конечно же, с Софийского собора, а затем посетили и другие, небольшие церквушки. Кроме того, что их гид с почтением относилась к святыням, она еще хорошо знала Евангелие и церковные правила. Причем, не унижая своих необразованных друзей, она тактично начинала фразу со слов: «Вы, конечно же, знаете, что...» — и пошла открывать глаза. Так что первый свой урок по Закону Божию Вася получил из ее уст, и в самой деликатной форме. Однако настрой у молодых людей был несерьезный (они ведь приехали развлекаться), и на такой вот развеселой ноте они вошли в очередной храм. Это был храм Спаса на Ильине, расписанный в 1378 году Феофаном Греком. Разглядывая фрески, выполненные древним мастером в свойственной только ему одному экспрессивной манере, они заскучали. «А что тут у вас нагромождено?» — спросил Василий экскурсовода. Юля ответила: «Это леса. Идет реставрация купола». «Ну, тогда я полез, посмотрю на вас свысока», — неожиданно решил Василий, и скрипучие лестницы застонали под его ногами. Не прошло и трех минут, как по шатким лестницам и прогибающимся доскам он достиг свода. Услужливая девушка-гид включила прожектора. Вспыхнул свет и... Василий 151 перестал дышать. С купола на него смотрел лик Спасителя Христа, который он не мог охватить взглядом ввиду его невероятно больших размеров. Это был не привычный благостный лик с икон — Христос Феофана Грека смотрел грозно, прямо на любопытного юношу, странно выписанными белыми зрачками черных глаз, отчего Его взгляд, казалось, пронизывал насквозь. Весь задор пропал, Вася замер и попытался окинуть взором огромный строгий лик. Через какое-то мгновение его обуял невообразимый страх, ноги ослабли в коленях, и он потерял равновесие. Забыв про головокружительную высоту, он отпрянул от этого Ярого Ока и, не в силах сопротивляться неизбежному падению, ступил в пустоту. Но и здесь Божия десница удержала его. Подоспевшая подруга в последний момент ухватила его за край куртки, и, очнувшись от затмения, он сбалансировал на краю и удержал равновесие. Судорожно цепляясь за дощатые перила, он совершенно обалдевший спустился вниз. Больше не смеялся. Это видение не отпускало его. Из Новгорода он вернулся с твердым убеждением, что Бог есть. Покинув вуз, он решил пойти учиться на резчика по дереву. Но в Абрамцево, куда он подал документы, его не взяли: «У нас с этого года набор только после восьмого класса, а у вас десять, да еще два курса университета. Вы нам не подходите». Не взяли его и в Ярославское художественное училище. Там он не сдал рисунок. Предложенный натюрморт он выполнил в своей излюбленной древнеегипетской манере. Забраковали. Велели сначала пойти подучиться в художественную школу. Так он завис. Ни в университете, ни в училище. Нигде. 152 В этом был особый промысел Божий. Василий дошел до определенной степени отчаяния — уже готов был пойти на радиозавод катушки проволочные мотать. Там хоть давали общежитие и платили неплохие деньги за неквалифицированную работу. Домой ехать было стыдно. Там им гордились, считали, вот парень — светлая голова, наукой занимается, далеко пойдет. А он ночует у друзей, бомж бомжом, не учится, не работает, а главное, никакой перспективы впереди и крушение всех надежд. Тут-то и появился в компании его друзей человек, который, видя его проблемы, сделал заманчивое предложение: «А не хотел бы ты в церкви поработать? Это недалеко отсюда, в деревне. Прекрасные места, озерный край. Дивный храм, большевиками не разграбленный. Священник молодой, двадцать семь лет, иеромонах, очень интересный и образованный. Будешь там жить, помогать ему, иконы реставрировать, резьбу иконостаса, да и так по мелочи». Василий согласился без малейших колебаний. Он уже был готов. Это и определило в дальнейшем всю его судьбу. Батюшка, отец Феодорит, к которому пригласили Васю, давно подыскивал себе келейника, да все никто не соглашался ехать к нему в глушь. А тут сразу два — Василий Сосновский и еще некто Димитрий. Вася сразу заметил в автобусе этого благообразного человека с бородкой и подумал, что это кто-то церковный, если вообще не сам батюшка, а потому не удивился, столкнувшись с ним на пороге церковной сторожки, где проживал отец Феодорит. Как только начался разговор у батюшки за чаем, Вася понял, что его не возьмут. Во-первых, тот Димитрий был подкован по всем статьям, умел и руку свя- 153 щеннику поцеловать, и обратиться: «Как благословите. Спаси Господи! Во славу Божию». Во-вторых, он знал молитвы наизусть и читал за столом «Отче наш». В-третьих, он приехал с рекомендацией какой-то Ми-литины, из кафедрального собора и с тортиком в коробочке. Вася же приехал в модной куртке, с небольшой сумкой своих вещей, неверующий, нецерковный, даже некрещеный, «ни ступить, ни молвить не умеет». Послушав с полчаса сводку свежих сплетен из кафедрального собора в передаче Димитрия, Вася заскучал и вышел на улицу. Там он стал оббивать лед с тропинки, ведущей от сторожки к храму, и всю отчистил. То ли трудолюбие его батюшке понравилось, то ли отец Феодорит предпочел взять себе ученика чистого, как белый лист бумаги, то ли спокойный уравновешенный нрав Васи оказался батюшке по душе, но опять Господь так все upravил, что на следующий день билет в обратный путь пришлось покупать Димитрию. Жили они в сторожке втроем: батюшка, Вася и старушка староста девяноста годов. Несмотря на преклонные года, эта бабушка, по имени Александра, была бодрa и

неутомима. Она пекла просфоры, готовила еду и наводила порядок в их стареньком деревянном домике и в церкви. Старушки церковные очень ее уважали, если не сказать, боялись. Стоило ей зайти в храм и осмотреться, как все церковницы, увидев ее, начинали «шуршать». Она же была хранителем той непрерывавшейся церковной традиции, которая сохранилась в немногих непоруганных храмах. Церковь, в которой настоятельствовал отец Феодорит, и правда представляла собой нечто необыкновенное. Большой и светлый храм был богатейшим по 154 внутреннему убранству во всей области; каким-то образом избежавший разграбления, он весь сиял серебром и позолотой, даже огромный семярусный иконостас был весь в серебряных ризах. Престолы, а их в храме было три, тоже были со всех сторон обложены серебряными чеканными окладами под стеклом. Уникальна была дорогая вышитая плащаница, для которой была изготовлена также сереброкованная гробница под стеклом, и располагалось это чудо под высокой бароккальной резьбы позлащенной сенью. На храме красовались пять голубых куполов со звездами. На колокольне была неплохая звонница. Вокруг церкви было аккуратное кладбище с оградой. И вся эта красота отражалась в зеркалах множества озер. Отчего и церковь эту называли Рождества Богородицы в Озерах. Покрестился он не сразу. Не чувствовал себя готовым. Батюшка не подгонял. Вася хотел прежде разобраться в себе и побольше узнать о христианстве и о Боге. Первое, что он спросил у отца Феодорита: «Есть ли у вас Библия?» Тот подвел его к своей домашней библиотеке. А там!.. Чего только нет! Одних Библий — целая полка: и на славянском, и на русском, и на греческом, и даже на еврейском языках. Предметом особой гордости была только что увидевшая свет Толковая Библия Лопухина, отпечатанная на энциклопедической тонкой бумаге в Швеции, в трех томах. Ее текст был набран старым, дореформенным шрифтом, к которому Вася сразу привык. «Все это в твоём распоряжении», — обрадовал батюшка пытливого душу, а потом только удивлялся, как это Вася может после тяжелого рабочего дня вместо сна всю ночь просиживать с книгой в руках. 155 Работать приходилось много и разнообразно, начиная с мелких домашних забот, вроде дров и чистки снега, принося воды и работы на огороде, хождения в соседнюю деревню за молоком и окашивания травы, кончая всяческими ремонтами и благоустройствами храма. Он вскоре вошел во вкус этой довольно-таки насыщенной событиями жизни — клеймил лес для рубки, покупал в Ярославле «из-под полы» у реставраторов кровельную медь, ездил в соседний район заказывать большие оконные рамы для летнего храма. В церкви он надраивал серебряные подсвечники, паникадило, иконные оклады, красил, белил, чистил, выполнял верхолазные работы, а сам тем временем впитывал эту атмосферу, приглядывался ко всему, начинал понимать смысл всего происходящего в церкви. По вечерам отец-монах удостоивал его пространной беседы, где Вася мог, не стесняясь, задавать любые, даже глупые вопросы. Самое забавное, что до реставрации резьбы и икон дело так и не дошло — собственно, ведь за этим он сюда и приехал, — но Вася ничуть не расстраивался по этому поводу, он понял, что цель его появления здесь совсем другая, и согласился креститься. Крещение проходило весной, в один из будних дней, в апреле месяце. Вместе с Васей крестили еще двух детей, лет пяти-шести, — мальчика и девочку. А потому, когда дело дошло до раздевания, батюшка ввел Васю в алтарь одного из приделов — Флора и Лавра — и там совершенно нагого троекратно облил святой водой. Вода была колодезная, студеная и аж обжигала холодом. Под босыми ногами были такие же холодные чугунные плиты. Думалось: «Как бы не простыть». Затем было возложение креста и облачение в белую ризу. 156 Этой ризой стала крестильная рубаха до пят, которую специально для Васи заблаговременно сшили бабушки-прихожанки. В ней он вышел из алтаря, словно заново родившийся на свет, и, держа за руки мальчика и девочку, пошел хороводом вокруг купели, улыбающийся и счастливый. — Так я стал христианином. Не утомил? — Отец Василий прервал свой рассказ и всмотрелся в окно, где мелькали огни какой-то станции. — Ой, Вадик! Это же Берчогур! Поезд мчался, не сбавляя ходу. Батюшка толкнул дремлющую матушку и опрометью бросился, не замечая завалов, к купе проводника. После долгого настойчивого стука, когда станция уже осталась далеко позади и в вагоне снова стало темно, купе открылось. Зевая, в дверях показался проводник. — Чё стучишь? — невозмутимо спросил он. — Мне кажется, мы проехали Берчогур! — И что? — Как что?! Мы там выходим! — Как вы там выходите? У нас поезд в Бершугуре не останавливается. — Как это не ос-та-на-вли-ва-ет-ся? Вы же сказали, что мы доедем до Берчогура... — Да. Ну, вот мы и доехали. Только у нас нет в нем остановки. — Очень смешно! Вы что, над нами издеваетесь? — встрял в разговор лейтенант. — И как же нам быть? — поник отец Василий. — Выйдите в Шал каре через два часа. „ > 157 — Спаси Господи, — задумчиво проговорил батюшка в задвинувшуюся дверь купе. — Челкар так Челкар. — Зря только будили, — грустно сказала сонная матушка. — И место мое, поди-ка, занято... — И что? Нет на них управы? Или, может, стоп-кран рванем, пока далеко не отъехали? — нервничал Вадим. — Вадик, давай без экстремизма. На все Воля Божия. Челкар так Челкар. Там сядем на обратный поезд и доедем до места. Все будет нормально. Одно слово — искушение. Заснеженная станция Челкар мало чем отличалась от станции Эмба. Тот же старинный вокзал, та же водонапорная башня и та же церковь на привокзальной площади, превращенная в Дом культуры железнодорожников. Единственно, что она была покрупнее и, кроме самой станции, здесь было вагоноремонтное депо. Рассветало. Ночной буран утих... Легкий снег медленно падал, словно по инерции. Люди в оранжевых жилетах ковырялись на железнодорожных путях. В вагон, откуда вышли отец Василий, матушка и Вадим, залезали люди, заталкивали сумки. Казахи-пассажиры смеялись, довольные, что уедут. Голос на станции объявил отход их поезда по-казахски, не удосужившись перевести. Поезд прибыл с опозданием, и стоянка будет сокращена. Наши путешественники стояли, задрвав голову на расписание. — Ближайший поезд через четыре часа, — объявил батюшка. — А этот вот, на девять сорок, нам не подойдет? — с робкой надеждой в голосе спросила матушка. 158 — Этот ходит только по четным, а сегодня уже нечетное. — Жаль. И что теперь будем делать, на вокзале сидеть? — Отчего же, давайте прогуляемся по Челкару, оглядим окрестности. Погода вроде наладилась, ветер утих. — Если матушка не против, я бы походил здесь, раз уж нас сюда занесло, — сказал Вадим. — Я уже начинаю входить во вкус этой восточной экзотики. А

здесь, я так чувствую, уже советская власть закончилась, как говорит мой отец. Я еще ни от одного русского слова не услышал. Да и казахи здесь какие-то другие — черные как негры. Первобытный народ. — Ты еще аульных экземпляров не видел, — усмехнулась матушка, — то-то бы удивился, а это еще цивилизованные, городские можно сказать. Пойдемте, я не против. Я, в отличие от вас, чуть-чуть вздремнула. Они вышли на улицу и не спеша пошли по Челкару в глубь поселка. Это был районный центр, причем побогаче Эмбы. Здесь был газ, и потому дома стояли высокие, на газовом отоплении. Люди спешили по своим делам. Русских среди них и правда почти не встречалось. Местные жители провожали невольных туристов любопытными взглядами. Некоторые не скрывали своего изумления и замирали с открытым ртом или, наоборот, указывая на отца Василия, восторженно восклицали; «Поп!» — Нас здесь не поубьют? — поинтересовался лейтенант. — Нет, казахи миролюбивый народ, — ответил батюшка. 159 — Пока не выпьют... — добавила матушка. — К счастью для нас, Коран запрещает им употребление спиртного. — Батюшка, — Ирина с интонацией «видавшей виды» возразила. — Про анашу в Коране запретов не написано. Не напьются — так обкуряются, и чихать им на Коран, а потом пойдут выяснять, кто в этой стране главный. Попадешься под горячую руку — несдобровать. Но это в основном молодые, а люди в возрасте уже не шалят. Аксакалам не солидно хулиганить. — Так они мусульмане? — справился Вадим. — По большей части да, — ответил отец Василий, — но есть и язычники, и оккультисты. Но с Челкаром, кстати, у меня связаны исламские ассоциации. Здесь живет мой знакомый имам. — Это не тот ли, что к нам в часть приезжал? — Да, тот самый — Нургали. Ваш командир Рашид Бореевич Тагиров — башкир и мусульманин — поставил категорическое условие, что если я собираюсь беседовать с бойцами, исповедовать, крестить и прочее, то прежде я должен ни много ни мало привести к ним муллу, для тех, кто мусульманин. Такие вот условия — чтоб не было в части межнациональной и межконфессиональной розни. Вынь им да положь муллу, а то начнется разлад среди бойцов на религиозной почве. Так в угоду политике мне пришлось идти на подобный компромисс. На мое счастье, челкарский имам оказался молод и легок на подъем и согласился бывать у нас время от времени. А впоследствии мы с ним вошли в комиссию, где, кроме нас двоих, были представители администрации, Совета ветеранов, Совета солдатских матерей, военком и еще какие-то официальные лица. Эта комиссия ходила по казармам, с сол- 160 датами проводили профилактические беседы во избежание неуставных взаимоотношений и, как следствие, участившихся случаев драк, дезертирства и самоубийств. За этот год мы с ним, можно сказать, подружились. Он бывал у нас в гостях, один и со своим старейшиной — наибом. Я даже потрудился выучить его полное имя — имам-кажи Нургали ибн Бахиткали эль Айтпембет. — Вот это да! — изумился Вадим. — Мне даже не повторить. — Это просто, Вадик, — пояснила матушка. — Имам — это должность. Кажи — это, значит, он был в Мекке. Нургали — его имя. Бахиткали — имя отца, а Айтпембет — имя деда. — Глянь-ка, матушка! — отец Василий указал на название улицы. — Амангельды кошеси. Это же улица, на которой стоит мечеть. Ты адрес его не помнишь? Какой там номер дома? — Ты что?! Не собрался ли в мечеть? — А что, какие проблемы? Почему бы не отдать визит вежливости? — Удивляюсь я тебе, отец Василий! Собрались к старцу на богомолье, а он нас в мечеть ведет! — Матушка! Мы ведь не молиться туда пойдём, а так, навестить коллегу. Авось и чаем напоит. — Да, пожалуй, матушка Ирина, сейчас горячего чаю не помешало бы, — согласился лейтенант. * * * — О-оо!! Салям алейкум! Здравствуй, дорогой! — маленького роста круглолицый в дорогом халате и тюбетейке белого цвета имам протянул отцу Василию 6 Зак. № 2575 161 в приветствии обе руки и пригласил в дом вместе с попутчиками. — Добрый гость — подарок Всевышнего. Проходите, располагайтесь. — Не чаяли побывать, но, как говорится, Бог привел к вашему порогу. Поезд промахнулся мимо Бер-чогура, и мы ждем обратный. — Милости просим. В добрый час вы посетили нас. Мы как раз празднуем открытие новой мечети. Только вот закончилась торжественная часть и праздничный намаз, и теперь у нас той1. Будьте нашими гостями. — Как это вам удалось построиться? — деловито поинтересовался отец Василий. — Это одна организация помогла — ШЧ (железнодорожная связь), — охотно поделился имам. — Директор ее (он, кстати, здесь, депутат Верховного Совета Казахстана), когда баллотировался, то обещал избирателям, что построит в Челкаре церковь и мечеть. Мечеть уже сдали, а церковь на очереди, уже фундамент заложили. Гости прошли в просторный зал, украшенный вязью изречений из Корана. На полу, устланном коврами, сидели приглашенные, и перед ними был накрыт богатейший достархан. Имам представил замерзших путников своим гостям по-казахски, те восхищенно приветствовали вошедших и, раздвинувшись, дали место за накрытой трапезой. Вадим и Ирина сели посредине, а батюшку Нургали посадил возле себя во главе стола. Это была знатная трапеза. Но как ни старался отец Василий, из множества предложенных угощений так 1 Той — праздничный пир у народов Средней Азии в особенно торжественных случаях. 162 и не смог сложить себе единое блюдо на своей тарелке. Казы, баурсаки и курт, сладкие и соленые закуски, здесь перемежались в непонятном ему порядке, и ко всему этому подавали чай. Вереница фарфоровых ки-саек из рук в руки двигалась в конец стола, где учиненная женщина разливала напиток. Чаю в кисайку наливали чуть-чуть — с уважением. Чай был круто заварен и разбавлен молоком. Некоторые бросали в него щепотку жареного пшена — тара. Женщина на разливе никогда не ошибалась, и при всем многообразии цветных пиал к тебе попадала именно твоя посуда, чтобы ты, сделав эти три глотка, вновь отправил ее по конвейеру на разлив. Чай пили около получаса. Пока шла неспешная трапеза, присутствовавшие один за другим вставали, произносили поздравления. При этом ни имам, к которому в основном обращались ораторы, ни все остальные не переставали есть и пить. Когда иссякало красноречие, из боковой комнаты выходили девушки в ярких национальных костюмах и, сопровождая себя на домбре, пели казахский фольклор. Возле батюшки справа сидел аким Челкарского района. Он как-то приезжал к ним в военный городок на юбилей генерала Унучко. Он запомнился батюшке тем, что подарил командиру гарнизона живого верблюда. Теперь это был единственный человек, который говорил с отцом Василием по-русски. — Меня зовут Серик Жетпизбаевич, если вы помните, — представился он священнику. — Мое почтение, я — иерей Василий.

— У меня к вам просьба, отец Василий, — вполголоса говорил аким. — Мы тут, возможно, к лету закончим строительство русской церкви. 163 — Замечательно! Бог вам в помощь! — Вы знаете, людей у нас верующих много, а священник к ним ездит редко. Это отец Георгий из Кы-зыл-Кийына. Но он, мы понимаем, уже в почтенном возрасте. Ему трудно к нам часто бывать. Может, отец Василий, вы согласились бы к нам ездить, хотя бы раз в месяц. — Мы сейчас как раз к нему пробираемся. Я обязательно поговорю с батюшкой Георгием. Если он не будет против, я охотно буду посещать Челкар. — Вот и жаксы, — обрадовался глава района и предложил подняться из-за стола. Встали все — кто курить, кто размять ноги. Имам, а за ним все остальные стали умывать руки. Оказалось, что весь этот разносол был лишь разминкой перед главным угощением — бешбармаком. В перерывчике матушка Ирина и Вадим подошли к имаму Нургали и, пользуясь случаем, стали докучать ему вопросами. — Скажите, пожалуйста, — вопрошала матушка, — а отчего в мусульманской семье допускается многоженство, тогда как многожество недопустимо? — Все вполне объяснимо. Смотрите, если в семье один муж и много жен, то в случае рождения ребенка всегда можно четко знать, кто у ребенка отец и кто мать. А если в семье много мужей у одной жены, определить отцовство фактически невозможно. — Да, пожалуй, в таком смысле это и впрямь оправданно. Но почему вы не воспользуетесь своим правом на многоженство и не заведете себе хотя бы одну жену? Вообще, сколько жен вы можете иметь? — Трех могу иметь, — улыбнулся имам. — Но мне очень сложно найти себе жену, даже и одну. Мне же 164 нужна мусульманка, воспитанная в строгих нравах, а здесь в Казахстане такие — большая редкость. Сватали мне невесту в Турции, где я учился. Но там такой калым надо платить — просто невероятные суммы. Во-первых, будущую невесту необходимо буквально осыпать золотом — закупить ей украшений, а затем преподнести ей роскошный подарок, чтобы она сказала: «Я довольна». Ну, вот куплю я ей, скажем, автомобиль в подарок, а она скажет: «Нет, я не довольна». И останусь я и без денег, и без невесты. Так вот оказалась мне турецкая жена не по карману. — Сочувствуем. В этом отношении у нас в Церкви есть такое установление: пока кандидат в священники не определился с личной жизнью (пока не женился или не принял монашество), его не рукополагают. А нельзя взять простую девушку и воспитать в религиозном духе, так — по ходу семейной жизни? — Это будет насилие и постоянные неурядицы в семье. Это станет предметом осуждения. Потом, чему может научить детей неверующая мать? Да и к тому же не будем забывать, что женщина по природе больше подвержена злу, чем добру. Это ведь из-за вас нас из рая выгнали. — Ну, с таким отношением, вы, пожалуй, и вовсе не женитесь. — Я не тороплюсь, по крайней мере. — Простите, разрешите обратиться, — вмешался лейтенант. — А у вас, в вашей вере, есть исповедь? — Это когда человек раскрывает свои грехи? — Да, раскаивается в содеянном и просит духовного совета. — Нет, исповеди я не принимаю. Зачем мне знать чужие грехи, у меня и своих грехов хватает. Но если 165 человеку тяжело на душе, то я сажаю его перед собой лицом к лицу и читаю молитвы, а он в это время ти хо, про себя, проговаривает свои грехи. — И все? А отпущение грехов? — Грех отпустить я не вправе, это лишь во власти Всевышнего. А теперь я приглашаю вас к столу, продолжим праздник. Гости стали рассаживаться на коврах возле накрытого стола. Вадим отвел в сторону батюшку и заговорщическим шепотом сказал: — Отче, у них нет исповеди!! Нет ни отпущения грехов, ни духовного водительства! Что это за вера такая, если в ней нет возможности духовного исправления? — Вадим, что ты хочешь? Найти благодать Святаго Духа там, где ее не может быть по определению? Безблагодатная вера не знает тайны Троиединства Божия, а нас именует троебожниками. Безблагодатное собрание не видит во Христе Бога, а лишь «единого от пророк». Безблагодатное духовенство не имеет той силы и власти, которую дает Бог священникам своим, способным избавить человека от греха в таинстве Исповеди и соединить со Христом в таинстве Евхаристии. Все чинно расселись по своим местам в радостном ожидании. Вскоре вышли женщины с большими тарелками, на которых был тот самый бешбармак. Название блюда произошло от двух казахских слов «беш» и «бармак», что переводится как «пять пальцев», оттого что традиционно его едят руками. Гости, воздав хвалу Всевышнему, стали разбирать угощение по своим тарелкам, ловко отрывая куски от общего «пирога», а блюдо это слоисто — вареное мясо, лук, тесто и снова мясо, лук, тесто и т. д. Куски брали ру- 166 кой, сложенной лодочкой. Затем, подталкивая содержимое ладошки большим пальцем, отправляли в рот. При этом по руке стекал жир, которым обильно пропитывали все блюдо. Его слизывали с руки, не давая затечь в рукав. В пиалах, вместо чая, была уже «сур-па» — очень жирный бульон, в котором варилось все это мясо и тесто. Отец Василий, неловко ухватив за край теста, вытащил из середины край блина размером со всю тарель и, так и не оторвав куса от жирного горячего теста, оставил попытки и попросил себе пару вилок. Вилки ему принесли, но неохотно. Меж тем на отдельном блюде принесли вареную голову барана. Право разделить ее между собравшимися было привилегией имама. Девушка поставила перед Нургали блюдо с дымящейся головой и, поклонившись с полуприседом, удалилась. Для непривычного к подобным деликатесам отца Василия зрелище бараньего черепа с выкатившимися глазами и обваренными лохмотьями мяса поверх желтых костей не вызывало аппетита. Сварена голова была так, что кости ее легко расходились под тонкими пальцами имама. Разложив ее по частям на тарели, Аbugали взял мозги и протянул эту жирную трясущуюся массу почетному гостю — батюшке. Тот учтиво отказался, невольно поморщившись. Все замерли. Серик Жетпизбаевич вполголоса сказал: «Отказываться нельзя. Вы должны это взять с руки и съесть». «Я не могу», — сквозь зубы процедил отец Василий. Повисла неприятная пауза. Имам поднял глаза на священника. Тот еще немного помедлил, судорожно размышляя, как бы ему выкрутиться из столь щекотливого положения, потом взял свою тарелку и подставил под протянутую руку имама. Тот удивленно поднял бровь и неохотно перевернул ладонь. Дряб- 167 лая жирная масса плюхнулась на тарелку. Батюшка с поклоном поблагодарил Нургали и, поставив перед собой тарелку, пару раз тронул вилок даренные мозги, но не нашел в себе сил донести это до рта. Только на этом праздничном тое отец Василий понял, каким разным может быть Аbugали. Когда они встречались вне мечети, он был сама приветливость, прост, обходителен, улыбчив. Тут он был

подчеркнуто строг, сдержан и даже властен. Когда одна из обслуживающих стол женщин протянула ему чай не той рукой (надо было левой — от сердца, а она подала правой), имам резко оттолкнул кисайку, чуть было не пролив чай на стол. Та, поняв свою оплошность, вскрикнула — «ой-бай» — и поправилась. Характерна была толпа сидящих за достарханом гостей. Разглядывая их, батюшка припомнил сцену из фильма «Калина красная» Шукшина — «народ для разврата собран». Собравшиеся весело и жадно поглощали угощения, разрывая руками дымящееся мясо, казалось, совершенно забыв, по какому поводу их здесь собрали. Публика сидела отборная — настоящие казахские баи, откормленные, круглолицые. Женщин за столом не было. Матушка Ирина сидела среди них как белая ворона. Как потом объяснил отцу Василию аким, здесь собрались все первые лица района: прокурор, судья, начальник полиции, начальник станции, главврач райбольницы, директор рынка, рыбнадзор, председатели колхозов, коммерсанты и прочие официальные представители актива. На фоне этой публики старики аксакалы, для которых, собственно, и строилась мечеть, выглядели неуместными. Так незаметно прошло три часа. Тепло попрощавшись со священником и его спутниками, имам подарил им на память открытки с изображением мечетей 168 и подписями на казахском языке. На выходе к отцу Василию вновь подошел аким и предложил продолжить банкет у него дома: — Здесь, по известным условиям, нет на столе спиртного. А у меня там стоит отменная водка и столы высокие, не придется сидеть на корточках. — Спаси Господи вас за приглашение, но у нас скоро поезд. Мы и так сильно задержались. — Тогда разрешите, я вас на своей «Волге» подвезу к станции. , — Вот это очень кстати. * * * Когда под ними вновь застучали железные колеса, они уже точно знали, что этот поезд непременно остановится в Берчогуре. В воздухе ни снежинки. В окне вагона было бело и светло. Совсем не видно, где безграничная заснеженная степь сливается с белым небом. В вагоне — на удивление просторно, даже было где сесть. Пассажиры обедали, активно перемещались по вагону. То и дело сновали торговцы, предлагая свой нехитрый товар. После сытного застолья и бессонной ночи всех клонило ко сну. Строго наказав проводнику растолкать их в Берчогуре, отец Василий объявил отбой. Все уснули. Им не мешал ни пчелиный гул переполненного вагона, ни толчки раздутых клетчатых баулов, ни стук колес. Паломники провалялись в сон, как в глубокую яму. Отцу Василию в ярких красках сна явились воспоминания. Сквозь радужную пелену он увидел один из самых светлых моментов своей жизни, далекие дни, когда он познакомился со своей будущей матушкой 169 Ириной. Словно на экране кинотеатра, перед ним проносились фрагменты студенческой юности, когда он, уже оставивший университет, время от времени приезжал к своим однокурсникам и друзьям в общежитие ЯрГУ из деревни, где он жил вместе с батюшкой. Приезжая, он рассказывал всем о романтике деревенской жизни, о глубинах христианского вероучения, о высоте церковного служения. Многие с нескрываемой завистью слушали и сетовали — мол, вот ты, молодец, смог все бросить, начать жизнь сначала, а мы вот всё тянем ляжку. Предметом особой гордости Васи Со-сновского был старинный молитвослов, подаренный ему отцом Феодоритом на день его крещения. По этой миниатюрной толстенькой книжице с золотым обрезом, изданной еще в начале века, Василий читал утром и перед сном молитвы, что еще более прибавляло ему уважения у сокурсников. Но не у всех. Была среди его знакомых девчонка, которая говорила: «Ну и что ты наделал — бросил науку, ушел в затвор. Живешь-прозябаешь. От жизни отстал. Уход в церковь равноценен самоубийству. Ты на себе поставил крест и доволен». И как ни пытался он объяснить ей, что это не так, что в Церкви, как нигде, раскрывается человеческая личность и любое дарование востребовано, что научное мировоззрение однобоко описывает окружающий мир и не отвечает на главные вопросы жизни, что вера придает осмысленность всему существованию и многое другое, она не разделяла его восторгов и на все его доводы отвечала одним: «Тебя охмурили. Ты должен вернуться. Наука тебя ждет». И вот однажды, чтобы не быть голословным, Вася пригласил ее к себе в деревню на пасхальную службу. Он вообще-то многих приглашал, но приехала она одна. 170 Это была незабываемая, очень торжественная служба. На праздник с разных деревень стягивались люди. На узлах, прямо в храме прихожане дремали или общались, дожидаясь богослужения. Впервые этот просторный храм не казался таким большим. В нем не хватало места. Он был заполнен до отказа. В предвкушении своего триумфа Василий провел свою гостью по окрестностям, показывал, как закатное солнце отражается в озерах, как рубиновые лучи подсвечивают храм, как мерцают, словно звезды, свечи на погосте. На пасхальную службу отец Феодорит благословил своему келейнику надеть подрясник и облачиться во стихарь. Стихарь был здесь знатный, старинный, из золотой парчи и расшитый. Главной заботой Василия в пасхальную ночь стало серебряное кадило. И когда он впервые вышел из алтаря весь такой сияющий — в стихаре и с кадилом, то изо всей многолюдности его глаза безошибочно, сразу выхватили взгляд той некогда скептически настроенной девицы, что приехала сюда убедиться в своей правоте. Это были уже не те глаза с ехидинкой, а смиренный и немного беспомощный взор. Василий торжествовал. А потом, в конце службы, было кропление святой водой пасхальных даров и людей. По Васиной подсказке батюшка одарил гостью щедрым всплеском кропила. А одна из прихожанок подарила ей крашеное гусиное яйцо. Праздник удался. После всех торжеств, сидя на лавочке в свете утренней зари, они съели на двоих это большое пасхальное яйцо. — Ну что, убедилась, что Церковь — это сила? — Вполне. И еще я поняла, что бессмысленно тебя отсюда вытаскивать. Это твое. 171 Но что-то уже было не так. Не так спокойно жилось Василию в деревне после той пасхальной ночи. Он понял, что влюблен. И с этой вот бедой пришел он к отцу Феодориту как-то и покаялся: «Не могу больше. Душа разрывается. Отпустите меня со Христом». Батюшке иеромонаху мечталось, конечно же, о том, что его ученик последует по его стопам и примет постриг, но, увы, его чаяниям не суждено было сбыться. Делать нечего, он встал, облачился, взял крест и благословил своего непутевого послушника «с миром изыти». Потом, когда Вася уже стал отцом Василием и приехал навестить своего наставника, тот ему поведал: «Ты уехал, а я проводил автобус, зашел в церковь и перед иконой Богородицы слезно молился, просил, чтоб Она тебя вернула. Но случилось еще лучше, чем я мог ожидать. Ты не вернулся ко мне, но вернулся в

Церковь!» Попрощавшись с батюшкой, Василий приехал «на Улейму», в лагерь, где его факультет проходил биопрактику. Там он нашел свою любимую девушку и сделал ей предложение. Это была Ира, она и стала впоследствии его матушкой. Свадьбу сыграли в Ярославле, на «нейтральной территории». Все родственники съехались в этот город, который соединил два любящих сердца. Венчание состоялось в Феодоровском кафедральном соборе. На столь диковинное по тем временам зрелище собрался весь курс. Этому предшествовало восстановление Василия в университете, крещение Ирины и загсовская регистрация в Кадниковском сельсовете. Их медовый месяц прошел на берегу Плещеева озера, вблизи города Переяславля-Залесского, где они работали экологами в международном детском ком- 172 пьютерном лагере. Их первым семейным гнездом стала маленькая комната в университетском общежитии, где всегда было весело и было много гостей. п Г' Эти воспоминания ожили во всей реальности в глубоком забвении сна. Вспоминались даже запахи: вот пахнуло радостным запахом свежесделанного ремонта, вот — аромат букета черемухи, вот — благоухание росного ладана. Из этого забвения его вывело прикосновение к плечу. Его толкал проводник. — Просыпайтесь! К Бершугиру подъезжаем! Приехали! Мало что соображая, в легком тумане сна наши богомольцы покинули вагон. Они ежились, выходя из тепла на холодный ветреный полустанок, на котором и вовсе не было никакого вокзала, а какая-то невыразительная будка с названием станции. — Куда дальше? — спросила матушка. — Вон там, за этим зданием дорога. Идем голосовать, — отозвался батюшка. — А далеко ли ехать? — осведомился Вадим. — Мы почти у цели. Каких-нибудь тридцать километров — и мы на месте. — А может, пешком — марш-бросок? К утру дойдем! — Кто и дойдет, — матушка поглубже закуталась в платок, — а кто и замерзнет по дороге. — Нет, пешком никто не пойдет. Дождемся попутки. В ту сторону много машин идет. Дорога, вон видите, расчищена. Уедем, Бог даст. Они встали на перекрестке. Сквозь белую дымку едва пробивалось солнце. Вечерело. Ветер, который встретил их на станции, здесь мало ощущался, лишь иногда обдавая их порывами холода. Голая снежная 173 равнина позволяла им видеть на десятки километров вокруг. Справа на горизонте возвышались два равновеликих холма, напоминавшие очертаниями верблюжьей горбы. Здесь их называли Два Брата. Поезд подал гудок и поехал дальше. Путники провожали его взглядом, пока он тонкой змейкой не скрылся за поворотом. — Батюшка, — обратился Вадим. — А вы ведь так и не дорассказали, как стали священником. — Мои рассказы тебя не утомили? — Никак нет. Даже наоборот, очень интересно. — Я тоже с удовольствием послушаю, — присоединилась матушка. — Я хоть и слышала это многократно, но всякий раз узнаю что-то новенькое. — Ну хорошо! Слушайте. Жил Вася Сосновский при церкви без малого год. С отцом Феодоритом они ладили. Тот брал его с собой на требы в разные уголки прихода, наставлял его в истинах веры, учил христианской догматике, молитве, канону икононого письма и символикe, уставу богослужения. Глядя на своего батюшку, Вася невольно вопрошал себя: «А мог бы я стать священником?» И отвечал себе: «Недостойн». Но однажды этот вопрос он задал своему духовнику, на что тот ответил: «Ты еще молод. Стань сначала христианином хорошим, а там глядишь, годика через три, может, и можно будет тебе об этом думать». В то время для Васи три года были равноценны вечности, и этот ответ он расценил как: «Нет, и не мечтай». Но как тут не прославить Духа Святаго, устами отца Феодорита «глаголавшаго пророки». Так все устроил Господь, что именно спустя три 174 года после этого разговора уже священнику Василию пропели «Аксиос». Иногда юный келейник ездил в Ярославль к друзьям в увольнительные. Там он, как уже было сказано, повстречал девушку Иру и незаметно для себя влюбился в нее. Да так, что и жить без нее не мог. Помучался, пострадал, да и уехал из деревни. Женился, вернулся в университет, где его охотно приняли, и стал жить опять мирской жизнью. Долго он не мог примирить себя с тем, что ради любви пришлось покинуть Церковь, чувствовал, что это похоже на предательство. Ходил к воскресной литургии в городские храмы, но нерегулярно и как бы извиняясь. Постился, молился, но уже не так рьяно, как в келье отца Феодорита. Потихоньку приучал к вере свою молодую жену. Рассказывал о Христе своим друзьям и знакомым. С родителями об этом лучше было не заговаривать. Отец Василия был крайне возмущен венчанием в церкви, говорил: «Ты меня опозорил» — и даже не поехал на свадьбу. Мать, правда, хоть и была на венчании, но скорее из любопытства. В миру Вася разными путями пытался найти свое место в жизни, но все напрасно. Куда бы он ни устремлялся — везде заходил в тупик. Но теперь он был не один. Ира стала ему верной спутницей во всем. Брак его стал подлинным благословением Божиим. Вместе они учились, вместе по комсомольской путевке пошли преподавать в самую отдаленную деревенскую школу в Пошехонском районе, затем работали в детском доме. А потом их стало трое, родилась дочь — Софья. Тут наступили переломные девяностые годы. Жить стало трудно, продукты и предметы первой необходимости были по карточкам. Вот тогда-то и позвали 175 Ирины родственники их в Казахстан, где они сами уже давно жили. Там жизнь, в отличие от голодного Поволжья, была сытая: никаких тебе карточек, всего вдоволь. Была мысль пересидеть трудное время, а потом вернуться. Никто не мог предположить, что Советский Союз развалится на удельные княжества и они окажутся за границей, в чужой стране со своим государственным языком, со своей валютой, со своими порядками. Но тогда думалось о другом: как бы поднять ребенка и выжить в это непростое время политических реформ. Тогда-то и вспомнил Вася про то, что в городе Актюбинске, где и жили его тесть с тещей, была церковь. Правда, смешная такая — без купола, вроде молебного дома. Они в ней крестили Ирину сестру, а Вася был крестным. Никак он не мог себя представить в Казахстане, а тут его словно осенило: «Может, я мог бы в Церкви работать, а в дальнейшем подучиться и...» И все равно ему трудно было покинуть родину. Он долго раздумывал, прежде чем решиться. Там другой климат, другие отношения между людьми, да и церковь там была какая-то другая. Вот однажды они с Ириной и маленькой Сонькой в коляске гуляли позади своего общежития на заросшем ромашками лугу. Вася и говорит супруге: — Слушай, я, пожалуй, не против ехать, но только я уже от своей судьбы не бегаю — пойду работать в церковь. — Валяй! Все равно ты то и дело там пропадаешь. — Может, я священником стану? — Будет здорово! Помнишь, когда я маме

позвонила, что замуж выхожу, она спросила: «За кого?», а я ответила: «За попа». — Но ведь и ты станешь попадшей. Это уже не шутки, должна будешь соответствовать. 176 — Что ж делать — буду стараться соответствовать. Они уехали в августе девяносто первого. Путь лежал через Москву. Москву проезжали как раз тогда, когда там было ГКЧП. Соне было три месяца. Их никто не провожал. Уже три машины проехали и не взяли замерзающих паломников. А солнце тем временем неуклонно приближалось к горизонту. — Ты бы лучше, батюшка, чем предаваться романтическим воспоминаниям, помолился, чтоб нам Бог послал машину, а то мы здесь околеем и будем дожидаться весны в виде трех снеговиков. — Матушка, святые отцы велят нам молиться о великом, а мелочи приложатся. — Ну хорошо, помолись о мире во всем мире, а машина пусть придет. Потому что от этой мелочи зависит сейчас наше здоровье и, может, даже жизнь. — Батюшка, матушка, гляньте. Вон там что-то вроде вахтовки пылит. И действительно, большая машина вскоре достигла их перекрестка. Отец Василий подбежал к пожилому казаку за рулем. — Селмет сезбе! Кайдыбарамс?1 — Кызыл-кийын. — О! Нам как раз туда. Орын бар?2 — Бар3. Продрогшие паломники забрались в вахтовку и продолжили свой нелегкий путь. 1 Здравствуй! Куда едете? 2 Место есть? 3 Есть. 177 Когда Вася по приезду своем на постоянное жительство в Казахстан вошел в храм Архистратига Михаила города Актюбинска, все в этом храме показалось ему странным. Привыкший к древним российским церквям, он не мог воспринимать с должным почтением церковь, лишь недавно отданную властями, а ранее служившую кукольным театром. Старое кирпичное здание, без всяких куполов, ничем не выделялось среди других гражданских зданий. Вокруг него был разбит городской парк, носивший название — Пионерский; в нем то и дело попадались на глаза искалеченные гипсовые изваяния пионеров на кирпичных постаментах. Да и деревья в этом парке были куцы, в основном карагачи да кусты акаций. Возле церкви громоздилось нелепое высокое сооружение из железных конструкций, выкрашенное в зеленый цвет; — звонница. Чтобы колокола с нее не утащили, площадка, куда поднимался звонарь, была заварена решетками, сверху на пирамидальной крыше возвышался четырехконечный крест. Когда еще полгода назад, будучи в гостях, он заходил сюда на службу, то обратил внимание на груду кресел, которые громоздились чуть ли не до потолка. Потом ему объяснили, что театр еще не выехал и здесь все еще проходят кукольные представления. Так что по будням сюда приходили дети смотреть спектакли, а на выходные кресла убирали в самый конец, на сцене оборудовали алтарь и служили. Вместо икон здесь были наклеенные на фанеру бумажные образа. Подсвечники заменяли заполненные песком тазики. И ничего — люди молились, никого эта неустроенность не смущала. В воскресный день храм едва мог вместить всех молящихся. 178 Примирившись с таким образом храма, Василий пришел в церковь предложить себя в любом приемлемом качестве — как бы сказал отец Феодорит, «готов был песок с пола в ладошку заметить, лишь бы у порога церковного». Его встретила баба Аня-свечница и спросила, подозрительно глядя: «Ты хоть читать-то умеешь?» «Умею», — робко ответил Вася. Анна сунула ему Часослов, открытый на шестопсалмии, и велела читать. Василий взял книгу, перекрестился и четким отработанным речитативом быстро стал читать текст псалмов на церковно-славянском языке. Анна охнула, всплеснула руками, отобрала у него книгу и сказала: «Стоять! Никуда не уходи!» А сама побежала в сторожку, где после службы обедали духовенство и клирос, вереща по дороге: «Батюшка Валерий! Кого нам Бог-то посла-ал!» Его взяли, даже на две ставки, алтарником и рабочим, чтобы денег ему хватало содержать свою маленькую семью. На службах он заметно выделялся среди всех своей бледной кожей и светло-русскими волосами. У него была небольшая борода и толстые очки в роговой оправе. Он был высок и худощав. Не брезговал никакой работой и в служении своем Богу был неутомим. Со всеми был ровен и приветлив, в храме его полюбили. Кроме того, что он отменно читал по-славянски, левый клирос отметил и его вокальные данные. Да и опыт алтарной службы также был замечен. Не прошло и двух месяцев, как Василий был пострижен во чтеца и прислуживал в алтаре, облаченный в подрясник и стихарь со скрещенным орарем. А дальше — больше. Прошло еще два месяца, и он уже ехал в епархию, где в кафедральном Михайловском соборе должен был быть рукоположен во диа- 179 кона. Хиротония состоялась девятого февраля, а пятнадцатого февраля в гости к правящему архиерею приехал архиепископ Алмаатинский и Семипалатинский на годовщину образования епархии. Вот этот-то праздник — Сретение — и стал для отца Василия главным праздником в его жизни. Старый собор, на кафедре два архиерея, изумительное пение соборного клироса, толпа молящихся — целое море голов, и там, среди этого множества, где-то его матушка Ирина и его друзья, приехавшие посмотреть на таинство священнической хиротонии. Накануне вечером, до службы, к еще диакону Василию подошел соборный иеромонах Викентий и говорит: — У тебя на пальце обручальное кольцо. Сними его. — Зачем? Я же венчан, мне его в церкви надевали. Со дня венчания я его ни разу не снимал. — Был ты венчан женщине земной, а теперь идешь венчаться Церкви Небесной! Оттого символ первого венчания упраздняется. — Сам не сниму. Священник мне его надел, священник пусть и снимет. Василий протянул руку. Отец Викентий аккуратно свинтил с пальца уже выдавшее виды, местами поцарапанное тонкое обручальное кольцо и положил его Василию на ладонь. — И вот еще что послушай. Будут тебя рукополагать — поведут троекратно вокруг престола. В этот момент проси у Бога все что хочешь — все исполнится, ибо великая благодать Духа Святаго сходит на вновь поставляемого священника. Три раза поведут, три желания загадывай. 180 — ?! Я даже как-то не представляю... Три желания... Как в сказке... — Вижу, ты затрудняешься. Сейчас подскажу, что просить тебе надо. Во-первых, проси крепкой веры в Бога. — Зачем мне ее просить? Я и так в Бога верю. Точнее — верую... — Запомни, ничто так не подвергается искушению от лукавого, как вера священника. Это ты пока смотришь во время молитвы на восток и стоишь пред Богом как один из молящихся. А когда ты станешь священником и выйдешь к людям из царских врат, зря на запад, олицетворяя собою Христа, вот тут-то ты и можешь встретиться взглядом с врагом рода человеческого. И все-то тебе покажется не так и все не то. И станет тебе казаться, что только ты хранитель истины и только ты прав, а все кругом — и духовенство, и миряне,

— все исполнены несовершенств и недостатков; и если закоснеешь в таком мнении, проснетесь в тебе хула на священноначалие, а затем и на Церковь, а потом и на Бога. И угаснет вера твоя, ибо это дар Божий, который не от плоти и крови, а от Духа Святого мы приемлем. Так что первое — проси веры! — Понял! Хорошо! — Во-вторых — проси любви к людям. — Ну а в этом какая необходимость Господу докучать? Я достаточно незлобив. — Этого мало, когда ты любишь лишь тех, кто любит тебя. Ибо ты — пастырь душ, а приходят к тебе будут как люди хорошие, которых бы ты хотел видеть, так и люди плохие, с которыми ты не хотел бы общаться, но должен будешь их принимать. И принимать их надо с любовью и христианской кротостью, 181 претерпевать их недостатки, видеть в них образ Божий и по мере сил врачевать их души. Без любви этого сделать ты не сможешь. — Хорошо! Согласен. А третье? — А третье, что ты должен просить, — это дар слова. Потому как если ты будешь иметь веру и любовь, но не сможешь донести до сердец человеческих слово Божие, ты будешь бесплоден, как евангельская смоковница. И настал тот день и тот час, когда повели Василия священники за руки вокруг престола. Вся прежде бывшая служба со всей ее торжественностью настолько его ошеломила, что он опомнился лишь в этот момент и сквозь пение, не слыша своего голоса, воззвал: «Господи! Дай мне неоскудную веру!» И вновь его ведут: «Господи! Дай мне любовь к людям!» И опять: «Господи! Дай мне дар слова!» И добавил тихо от себя: «А еще дай Бог здоровья жене моей Ирине и дочке Софии». И еще ему запомнился момент, когда владыка Алексей протянул ему на тарели часть Святого Агнца и произнес: «Прими залог сей — за него же истязай будешь». Это означало великую ответственность священника за высоту свершаемого служения. Помнится и облачение его в священнические ризы, и многократное, разлитое среди молящихся и подхваченное хором: «Аксиос! Аксиос! Аксио-о-ос!» И настоятель кафедрального собора архимандрит Феодосий с улыбкой первый спешащий под благословение священника Василия, а затем все прочие, и именитые протоиереи, и священномонашествующие, спешили с поклоном облобызать руку только что рукоположенного иерея. Также и молящиеся, к которым он вышел со крестом, словно океанский прибой штурмовали ам- 182 вон, стремясь припасть к его руке. И это море, словно щепку, прибило к его ногам его матушку Ирину, которая тоже облобызала крест и руку его, как священника Божия. Затем был сорокоуст — сорок литургий в кафедральном соборе. День начинался в пять утра с приготовительных молитв. В семь он уже в храме начинает свершать проскомидию. В восемь начинается литургия, после которой он говорит проповедь и служит молебны и панихиды. После обеда в полдень — крестины, иногда число крещаемых достигало шестидесяти человек, тогда ему на подмогу выходили другие священники. По понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям вслед за крестинами приезжали свадьбы. Однажды ему довелось венчать аж двенадцать пар за день. Не успевали закрыть двери за новобрачными — начинали заносить гробы. Отпевания зачастую служились «вборзе», оттого что в семнадцать ноль ноль надо было уже начинать вечернее богослужение. В свою келью он возвращался к восьми вечера и падал в постель после вечернего правила около девяти часов, не успев переварить ужин, чтобы утром опять встать в пять и вновь повторить все сначала. Другие священники приглядывали за ним, чтоб он все свершал верно и нигде не отступал от устава. Его избавляли от исповеди и выездов на требы. Жил он в просфорне, питался в соборной трапезной и сильно скучал по матушке и дочурке. По истечении испытательного срока и одновременно практики новоиспеченный батюшка получил указ и приехал в Актюбинск, чтобы представиться благочинному и проследовать на приход. Службу он знал досконально, был строг к себе и будто бы заново рожден. Господь исполнил все его прошения. Отец 183 Василий верил в Бога, да так истово, что верою своей зажигал людей. Любовь его открывала ему путь к людским сердцам, прихожане его любили, он мог найти подход к любому человеку — и высокого положения, и совершенно опустившемуся, никем не брезговал, никого не отталкивал. Дал ему Бог и дар слова, да такой, что порой за неимением духовного образования Господь осенял его Духом Святым и слова мудрости Божией сами собой рождались в его сердце. Не раз бывало так, что люди гораздо его старше просили у него духовного совета, а он, не имея что сказать, начинал говорить, ссылаясь на Священное Писание, а потом вдруг говорил такие вещи, о которых еще минуту назад не ведал. И в такие моменты он думал: «Это бы запомнить надо, мало ли кому еще придется рассказать. Мало ли кто вдруг обратится с теми же проблемами». Он был молод и полон сил, готов был всецело отдать себя на служение Богу. Матушка Ирина, почти два месяца не имевшая возможности обнять супруга, не выпускала его из своих объятий. Маленькая Соня заметно подросла и папу не признавала. Друзья съехались посмотреть на то, как он изменился, став священником. Отметив возвращение отца Василия за праздничным столом, все пошли гулять в парк. Батюшка в подряснике с крестом на груди, матушка и прочие шли дружной толпой, улыбались, обменивались впечатлениями, пока вдруг не услышали позади себя разговор двух кумушек: — Да! Ничего святого у нашей молодежи не осталось! — Смотри-ка, правда! И в попа нарядиться ничего не стоит... 184 Василию хотелось обернуться и сказать, что он и правда поп, самый настоящий, но потом подумал и решил, что мало надеть на себя наперсный крест, надо во всем соответствовать принятому достоинству. На долгие годы девизом его жизни стала надпись на обороте священнического креста: «Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою». — Батюшка, а как же образование? Вы же в семинарии не учились. — Вадим с интересом слушал историю жизни отца Василия. — С образованием здесь так обстоит. В миру, если ты не закончил политех, — тебя инженером не назовут. В Церкви же даже семинарский диплом не гарантирует автоматическое поставление во священство. Хиротония — это таинство, которое совершается вне зависимости от богословской образованности кандидата, так же как у нас сейчас крестят людей без катехизационной подготовки. Сначала совершаем таинство, а затем узнаем подробнее об истинах Веры. Так и священник: сначала может принять сан, а затем по мере служения повышает свою духовную грамотность, либо путем самообразования, либо учась заочно в семинарии, как это делаю я. Машина остановилась среди довольно большого поселка. Паломники вышли, поблагодарили водителя и огляделись. Уже совсем стемнело и

сориентироваться было трудно. Нигде не было видно даже намека на церковный купол. Поспрашивав редких прохожих, они вышли на улицу Жанкожа Батыра и пошли искать дом номер тридцать три. 185 — А еще, Вадик, не обошло меня и вот какое искушение. Мне показалось, что раз я священник, то могу себе у Бога испросить все, что пожелаю, ведь молитва священника сильнее всех. Да не тут-то было. Как я ни молился о своем личном благополучии (жили мы поначалу бедненько), никак не отвечал мне Бог на мои прошения и ничто не изменялось к лучшему. Даже обидно было. Пока я не обратил внимание на то, что если люди, о которых я молился, благодарили Бога и молились благодарно обо мне — их молитвы имели силу. С тех пор я вразумился и всецело посвятил себя молитвам за людей, вверенных мне Богом, и чем больше добра я им нес, тем больше благодарности воздавали они Богу, тем большими милостями в ответ одаривал меня Господь. — А вот вы еще и резьбой занимаетесь. Это не возбраняется священнику — работать по своей прежней специальности? — Тот же вопрос я задал соборному иеромонаху Ви-кентию, смогу ли я, так скажем, совмещать. На что он мне ответил: «Раньше ты брал доску и делал из нее икону, образ Божий, теперь же твой труд — брать людей и делать из них христиан. И это ремесло должно стать для тебя главным». А потом уже сама жизнь подсказала, когда направили меня в такие места, где все требовало приложения рук, там вспомнилась и прежняя работа. И иконостасы сам делал, и храмовые голгофы, на престольные и выносные кресты и иконы, а по заказу собора и параманные, и постригальные, и наперсные кресты. Но моим ремеслом это не стало; как правило, денег за это я не брал. Это стало одной из форм моей молитвы. 186 — Из вашей истории я понял одно: вас Бог привел во священники. — Ну да, а иначе и быть не может. Подытожив все сказанное, можно сделать вывод, что не человек решает стать священником, а Бог избирает его во служение. И здесь нет разницы, кто ты, какое у тебя образование, сколько тебе лет, какой у тебя характер и тому подобное. Господь избирает тебя из среды прочих человек, сугубая благодать даруется тебе, Дух Святой находит на тебя и сила Вышнего осеняет тебя. Бог проводит тебя путем очищения и вразумления и поставляет на путь, который в конце концов приводит тебя к высоте священнического подвига. Этому можно сопротивляться, как это делал я, можно подыскивать альтернативу, но оказывается, что для тебя уже все решено, и тебе приходится лишь смиренно склонить голову перед Божиим провидением. А когда смиришься с этим — все пойдет как по маслу. Помощь Божию ты будешь ощущать во всем. Бог станет ближе к тебе. — Век бы вас слушал, батюшка, но, по-моему, мы пришли. — Хорошо, что в нашей компании есть хотя бы один «не очкарик», — отозвалась матушка. — Я так уже ничего не вижу. — Наконец-то! — Так мучительно я еще никуда не добирался. Сначала они подумали, что ошиблись адресом. Это был обычный дом, такой же, как стоявшие рядом. Только зайдя по аккуратно расчищенной дорожке во двор, они обратили внимание, что у одной половины дома окна закрыты деревянными двухстворчатыми ставнями с резными крестами на створках. Дом был начисто выбелен и даже немного светился 187 в наступившем сумраке. Другая половина, где не было ставен, светила на снег желтыми пятнами окон. Напротив той половины стояло еще одно строение, судя по всему летняя кухня. К дому прилегал участок, на котором виднелись плодовые деревья. Дорожка привела их к метеному крыльцу. Ступив на крыльцо, они хотели было постучать, но стоило только отцу Василию занести руку, как дверь отворилась. Яркий свет хлынул из дверного проема и осветил путников. В небольшом коридорчике в лучах электрической лампочки стоял человек с одной рукой. Он был высокого роста, плотный и очень старый. Лицо его с добрыми глазами из-под косматых бровей располагало к общению. Длинная остроконечная седая борода и длинные волосы делали его похожим на рождественского волхва. Одет он был в простую рубашку и меховую жилетку, рукав со стороны культи был заправлен в брюки. На ногах были валенки. — Долго вы добирались, — произнес хозяин, в котором батюшка, ранее видевший его на епархиальных собраниях, без труда узнал отца Георгия. — Простите, отче, и благословите. Мы к вам, — поприветствовал старца отец Василий. — Давно ждем, — улыбнулся старец, голос его звучал доброжелательно. — Чай уже горячий. Они зашли, околотив снег с ботинок, прошли в при-хожку. Дом священника дышал теплом и уютом. Батюшки троекратно облобызались, поцеловали друг другу руки, обнялись. Потом матушка Ирина склонилась перед отцом Георгием в поясном поклоне и приняла благословение. Затем чеканным шагом подошел Вадим и, глядя старцу прямо в глаза, громко произнес: «Благослови, отче!» Тот осенил его крестным знаменем 188 единственной правой рукой, а когда лейтенант облобызал его старческую руку, батюшка произнес: — Бог тебя благословит, Вадим — Божьим промыслом водим. Когда все сели за стол, а хозяин удалился на кухню, лейтенант тихо спросил отца Василия: — Это вы ему мое имя сказали? Я-то ведь ему не представился, откуда он меня знает? — Хочешь — верь, а хочешь — нет, не успел я ему вас представить, и, вижу, нет необходимости. — Так все-таки, откуда он мое имя знает? Оно же у меня на лбу не написано... — Привыкай к обстановке святости. Это только начало чудес. Видишь, здесь три тарелки, три чашки, всего по три расставлено? Я что-то не слышал, чтобы накрывали на стол, когда сюда зашел. Они здесь давно стоят. Нас и правда ждали. Только ведь я ни телеграммы не давал, ни звонка не сделал, поехал наобум. С этим бураном, подумал, зря сбаламутим человека, будет готовиться, а мы добраться не сможем. А тут воно как — нас, оказывается, ждали. — А как он так может все знать? — За приверженность Богу Господь наградил его даром прозорливости, чтобы он мог предвосхищать некоторые события в жизни людей и не дать им сбиться с пути спасительного. Это особая милость Божия. Так бывает, когда человек исполняется чистоты... — ...и Святаго Духа.

Глава 4

...Ныне и присно...

— ...Как вы изволили заметить, храмов на Руси было превеликое множество, но это, однако, не означает, что они,

словно инкубаторские цыплята, походили один на другой. Мы, конечно, можем обобщить их в некие группы, например по архитектурным стилям или по региональным особенностям декорации, по принадлежности к той или иной эпохе. Но всегда приходится констатировать, что каждый храм по-своему уникален. Группа экскурсантов неспешно поднималась по деревянным ступеням. Хрупкая девушка-экскурсовод звонким голосом, отражавшимся в каменных сводах, рассказывала живо и увлеченно о том, что всем еще предстояло увидеть. С первых ее слов стало ясно, что юная работница музея не просто обрабатывает материал, а своей эрудицией и тонким пониманием щедро делится со слушателями. Ее светлые голубые глаза были широко открыты, вьющиеся волосы непослушно выбивались из гладкой прически, а накинутая на плечи шаль то и дело соскальзывала от ее активной жестикуляции. — Мы сейчас переживаем новый этап в жизни музея. Во-первых, интерес к древнерусскому искусству не ослабевает, а, наоборот, растет из года в год. Русскому человеку очень важно стало детальнее узнать прошлое своего народа, не затуманенное идеологией. Во- 190 вторых, ценность фресок Дионисия в храме Рождества Богородицы Ферапонтовского монастыря теперь признана во всем мире. Буквально недавно наш музей получил сертификат, подтверждающий, что ЮНЕСКО причислило шедевр Дионисия к мировому художественному наследию. Ну и в-третьих, будущий год для нас юбилейный. Ровно пятьсот лет назад — в 1502 году — эти фрески были написаны прославленным икономиком Дионисием Мудрым вместе с сыновьями. В связи с этим в наш музей стремятся попасть многие, но каждый хочет узнать что-то свое. К сожалению, наше с вами время ограничено и много, что хотелось бы сказать, я вам поведать не смогу. Вы мне подскажите сами, что вас особенно интересует, а я постараюсь на это обратить внимание. Одно я уже поняла — вас интересует сам храм Рождества, но в чем именно предмет вашего интереса? — Вы знаете, — ответил за всех пожилой седовласый мужчина, он был руководителем группы, — мы здесь в большинстве своем люди верующие, православные, для нас важен именно храм, как место молитвенное, храм, куда наши предки приходили с Богом общаться. Вы говорили об уникальности каждого храма, вот и расскажите, чем интересен этот храм, только ли фресками? — Что ж, если не брать в расчет главную уникальность этого храма — бесценные фрески Дионисия (а здесь сохранился весь ансамбль храмовой росписи, утраты незначительны), то, я думаю, стоит обратиться ко времени основания обители — тысяча триста девяносто восьмому году, когда преподобный Фера-понт, друг и сополитвенник преподобного Кирилла Белозерского, приходит на крутой берег Бородавского озера и закладывает здесь свой монастырь. Годом ранее эти два подвижника, исходившие всю округу Белозерья 191 в поисках подходящего места для пустынножительства, обретают его на берегу Сиверского озера. Поднявшись на гору Мауру, они сподобляются чудесного видения — свечения над местом будущего монастыря, что расценивают как Божие указание и поселяются там, где спустя годы обрел славу и величие Кирилло-Белозерский монастырь. Но спустя год Ферапонт покидает келью старца Кирилла и идет искать свое место для спасения. Логично будет предположить, что свой монастырь и место, на котором теперь стоит этот храм, основатель выбирает также не случайно. Что за чудесное видение или другой небесный знак был указанием для Ферапонта, мы можем только догадываться, письменные источники не упоминают о нем, но, без сомнения, место это было указано свыше. Кроме того, немаловажное значение имела окружающая природа. Обходя обширные пространства юга, севера, запада и востока, преподобный видит много удобных и красивых мест, но ко всем им, видимо, не лежит его сердце. Он выбирает природу как невесту. Он останавливает свой выбор, прислушиваясь к голосу любви. Только полюбив место, скиталец водружает крест и начинает рубить себе жилище, и тогда нет для него на земле краше угла, нет милее для его взоров места. Бородавское озеро, близ Ферапонтова, оваяно этой любовью. Вообще, детально изучая историю возникновения храмов и монастырей, невольно приходишь к выводу, что случайностей в выборе места для сооружения церкви не допускалось. Как правило, какое-то чудо, небесное знамение или прямое указание Божие становится причиной строительства храма. Можно даже сказать, что сам храм — это овеществленное чудо. Это место, где чудеса происходят непрерывно, даже в тех храмах, где давно уже не творятся молитвы и не совер- 192 шаются богослужения. Разве это не чудо, что храм, расписанный Дионисием безвозмездно — на помин души, сохранился в первоизданном виде, и благодаря этим фрескам имя Дионисия не забыто и величается у нас на устах. Группа остановилась у порталной фрески напротив входа в храм. Экскурсовод отошла в сторону, чтобы дать возможность, не привлекая к себе внимание, лицезреть бессмертное творение древнего иконописца, а сама тем временем продолжала: — Пока в соборе находятся посетители, зашедшие туда раньше нас, вы имеете возможность приглядеться к росписям портала. Раз мы договорились, что сегодня делаем акцент не на фресках Дионисия, а на храме как таковом, пускай росписи служат своего рода иллюстрацией к моему монологу. Вы смотрите на них, а слушайте меня. Собор Рождества Богородицы был построен в 1490 году; таким образом, это один из первых каменных храмов Белозерья. Каков он был в момент постройки, в своем первоначальном виде? Существует реконструкция, на которой архитектор постарался изобразить собор в его первоизданности, мы ее увидим на стенде. Сейчас же мысленно попытаемся перенестись в пятнадцатый век и представим, как мы восходим к порогу этого храма. Прежде, нежели были построены Святые врата и стены обители, когда к собору Рождества Богородицы не была пристроена паперть, храм значительно возвышался над округой. С его порога открывалась головокружительная панорама окрестностей — озеро, луга и пашни, поросшая лесом Ципина гора. Полное ощущение парения над землей. Словно и правда по высоким деревянным пятнадцати ступеням восходишь на Небо. Кроме того, собор изначально построен 7 Зак. Ss 2575 193 так, что шлемовидный купол олицетворяет схождение Бога на землю и закомары, словно свита ангелов, сопровождают Его снисхождение. Каменный узор, опоясывающий храм, олицетворяет молитвы и зримо делит здание церкви на две части. Верхняя часть — есть Церковь Торжествующая, а ниже — это наша Церковь Воинствующая. Характерно, что такой же пояс узорожья находится еще и под куполом на барабане и знаменует то, что молитва может поставить нас выше

ангелов. Ступени — суть образ деятельного восхождения в Царствие Божие, которое «нудится», то есть берется с трудом. И вот мы у порога. Здесь нас встречают Архангел Михаил с мечом и архангел Гавриил с хартией. Первый — грозный страж, грозит всем, кто с нечистым сердцем или со злым намерением входит в храм. Его меч уже покарал тех нечестивцев, которые разорjali обитель в смутные годы торжествующего безбожия. А второй пишет на своем свитке имена тех, кто с чистым сердцем, верою и любовью входит под сень храма. И каждое имя сохранится, как сохранились и прославились в лике святых последняя игуменья Ферапонтова монастыря — Серафима (Сулимова) и последний священник — Иоанн Иванов, расстрелянные в 1918 году. И далее — проем двери, окруженный килевидными архивольтами; расписанные каждый по-своему, они, вложенные друг в друга, создают эффект пространственной длительности, выступают в роли «шлюза» в иное измерение. На первом из них изображено небо, исполненное звезд с солнцем и луною, на других — потоки цветов с тремя лепестками, и в глубине над са мой дверью — Пречистая Богородица с предстоящими. Словно не только дверь разделяет внутренность храма и внешний мир, но и длинный коридор с бесконечными дверными проемами, сжатый во времени и пространстве. Этим передан образ вечности, в этих ритмических повторах архивольтов рождается образ длящегося времени, его бесконечной протяженности. Эта композиция, построенная на уменьшающихся вглубь и расширяющихся к нам арок, зрительно передает пульсацию времени, которая на церковно-славянском языке звучит в каждой молитве — «ныне и присно». В Божьем мире, или, как его еще называют, в мире горнем, отражением которого является всякий храм, временная последовательность снята. Нет прошлого, настоящего и будущего в их исторически-хронологической текучести. События предстоят нашему восприятию, как бы пребывающие в вечности, где прошлое есть и настоящее, а будущее уже пребывает в данном моменте. Такая трактовка событий до необычайности расширяет горизонты восприятия. Тем временем из деревянных невзрачных дверей собора потянулась вереница впечатленных фресками посетителей. Девушка-гид предложила своим слушателям пройти внутрь. Люди заходили, склоняя головы, крестились. Внутри храма они собрались в центре и запели «Богородицу». Дождавшись, пока они закончат творить молитву, экскурсовод продолжила: — Прошу вас обратить внимание на то, что встречает нас у порога и провожает в храме, — это идущая понизу белая полоса. Словно нас вбирает в свои объятия пространство святости и чистоты. Раньше, в древних храмах, это была настоящая пелена из белой ткани, 195 и в таких церквях сохранились вложенные в стены железные кольца, куда ее продевали. Уже позднее ее стали изображать посредством фрески. Так же как иконы мы убираем белым полотенцем, так и весь храм убирается в белые ризы. Вот, мы облачены «во одежды брачные» и готовы ко встрече с горним миром. Мы словно восходим на небо. Это поражает всякого пребывающего в этом храме — настолько голубые фоны стен схожи с чистой небесной голубиной. Стены будто растворяются и образы на них оживают. Написанные Дионисием фигуры лишены объема, а моделировка — пластической, «вещественной» убедительности. Изображения уплощаются, их пропорции вытягиваются, складки одежд превращаются в изысканный линейный узор. При этом если раньше средоточием духовной выразительности образа был лик, то теперь особую значимость получают фигуры целиком — они кажутся хрупкими, бесплотными и как бы парят, охваченные единым духовным порывом. Они словно населяют уже и наш мир, становятся осязаемыми, происходит таинство обожения Вселенной. Производившаяся в течение двадцати пяти лет реставрация сводилась к тому, чтобы сохранить по возможности подлинные краски росписей XVI века. С них смывали слой многовековой копоти и укрепляли их, сохраняя от обрушения. И теперь мы имеем возможность, так же как и современники Дионисия, испытать на себе мгновенное, ослепляющее и покоряющее воздействие красок. Это особый мир, преображенный цветом и светом. Ф-стественному освещению принадлежит в интерьере огромная роль. Колористическое решение росписи, общецветовое воздействие ее постоянно меняется в зависимости от внешнего освещения. Утром 196 и вечером, как раз в часы вечернего и утреннего богослужения, когда косые лучи солнца зажигают золотом охру фресок и когда начинают гореть все теплые—желтые, розовые и пурпурные тона, роспись словно освещается отблеском зари, становится нарядной, радостной, торжественной. При пасмурной погоде, когда охра гаснет, выступают синие и белые тона. Белые силуэты фигур на синем фоне по-особому излучают свет, словно белые церкви и монастырские стены в необычном освещении летних северных ночей. Фрески Рождественского собора, по удачному определению одного из исследователей, можно назвать «службой света». В алтаре представлены ангелы и святители, идущие друг за другом в неторопливом ритме песнопения. Это — Херувимская. И здесь много белого на белом, ибо это образы движения света. Сцены Акафиста тоже пронизаны светом. К сожалению, большинство окон в храме впоследствии были растесаны, и хотя сейчас они восстановлены в прежних размерах, роспись их целиком утрачена. Логично предположить, что в них Дионисий использовал прием окрашивания светового потока. И тут кто-то обратил внимание на то, что в углу храма, подняв глаза к росписям купола, стоит священник, большой, в очках, в рясе с наперсным протоиерейским крестом. Он стоял тихо, с застывшим выражением восторга на лице, чуть дыша, ничем не выдавая своего присутствия. Руководитель группы мягко прервал рассказ гида: — Мы, с вашего позволения, подойдем к батюшке под благословение. Пожилой мужчина, а за ним все остальные подошли к священнику и поклонились в пояс. — Благослови, честный отче! 197 — Батюшка, благословите! Священник, словно воспряв ото сна, дрогнув, окинул взглядом экскурсантов, ответил на их поклон. — Приветствую вас, братья и сестры. Бог вас благословит. Откуда вы? Куда путь держите? — Мы из Москвы, — ответил старший, — на теплоходе плывем на Валаам. Мы прихожане храма Николая Чудотворца «Красный Звон». А вы здесь служите? — Нет, я из Гледенска. Я такой же посетитель, как и вы. Приехал посмотреть фрески. — Простите нас грешных, отче, что отвлекаем вас. Благословите нас паки на добрый путь. — Христос Бог благослови! Ангела вам хранителя в дорогу! — Спаси Господи! Группа вновь вернулась к своему gidу, и та продолжила: —Дионисий ко времени создания собора был уже маститым иконописцем, иконы его письма ценились

на вес золота, ему поручали росписи главнейших храмов тогдашней Руси. Фрески в Ферапонтовой монастыре — последний монументальный труд великого иконника. В нем он подытожил все свои достижения, а потому еще задолго до строительства этой церкви у него родился замысел целого ансамбля фресок. Есть основания предполагать, что Дионисий непосредственно принимал участие в строительстве собора Рождества Богородицы и, исходя из задуманной программы росписей, вносил в проект свои коррективы. То есть фактически здесь мы имеем уникальный случай, когда не фресками украшают храм, а, наоборот, храм создается под определенный набор росписей. Видите, как получается, здесь, хочешь не хочешь, приходится говорить о фресках, потому как в них открывается главное. 198 Звонкий голосок девушки-экскурсовода пел в храмовых сводах и усиливался в черных круглых поемах голосников. Зайдя в храм, она покрыла голову шалью, закинув один конец через плечо. Она придерживала свой покров изящным жестом тонких пальцев на груди, отчего казалось, что этим она дает понять, что все, что она говорит, исходит от сердца. Другая ее рука плавно двигалась, указывая на тот или иной образ. Выражение ее глаз не было усталое-отсутствующим, как это бывает у людей, читающих закадровый текст. Несмотря на то что большинство ее слушателей стояли, задрвав голову кверху, взгляд ее был жив и приветлив, как у человека, совершающего открытие. — Для того чтобы мы могли беспрепятственно созерцать фрески, в храме отсутствует иконостас. Это позволяет нам заглянуть во святая святых. В алтаре совершается самое главное таинство Церкви — Литургия. Ну, вы это знаете. Оттого на стенах алтарной апсиды мы видим вереницы непрестанно литургисающих святителей и диаконов, им сослужат ангелы. В конхе алтаря изображена Пресвятая Богородица, коей и посвящен храм. Когда эта тайна приоткрывается, в этом нет ничего кощунственного. В христианстве подлинным ни от кого нет секретов, все явно и открыто, как о том повествует Евангелие: Христос «говорил явно миру, всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего». При этом в христианстве есть неиссякаемая Божественная глубина и высота, которые недоступны праздному рациональному любопытству. Поэтому, если чисто эстетически обозреть декорацию стен храма, то мы не уловим главного, того, что открывается ищущему Бога чистым сердцем, 199 в смиренном богомыслии и вдохновенном молитвенном богообщении. Фрески Дионисия открывают нам эти тайны, будучи иллюстрациями к богослужебным гимнам, это своего рода застывшие в красках песнопения. Причастником и сотаинником небесных Тайн, света и красоты грядущего Царства Божия, его Правды и Силы, запечатленных в непревзойденных по красоте стенописях, Дионисий становится сам и приобщает нас с вами, через созерцание этих образов. Они возводят нас к пониманию богослужения и литургической молитвы, выше которой нет ничего на свете. Божественная Литургия, Святая Евхаристия — это чудо из чудес, ежедневно совершаемое в храме. Это чудо радостной встречи с живым Христом, доступное всякому желающему. К сожалению, в этом храме службы не совершаются, но зато в надвратной церкви Богоявления и храме-усыпальнице преподобного Мартина на службы проходят регулярно. В бесценных сокровищах Веры Православной Дионисий видит главное богатство нашего Отечества, нашего народа. В то время как с падением Константинополя множество земель и народов, ранее служивших оплотом Православия, были захвачены турками и обращены в мусульманство, в Европе реформация ставила под сомнение основные догматы христианства, а в России распространилась ересь жидовствующих, у современников Дионисия было реальное ощущение, что мир стоит у последней черты, если поколебался Столп и утверждение Истины — Церковь. Потому-то на севере Руси, в месте, где люди еще сохранили в чистоте свое православное исповедание, и создавался этот храм, эти росписи как своего рода послание потомкам. Создавался он как точка возврата для мира, 200 уходящего с путей Христовых, развивающегося не в ту сторону, куда ведет нас Господь. Лучшие зодчие и иконописцы трудились над этим и другими храмами, чтобы они, простояв половину тысячелетия, уже нам, живущим в XXI веке, засвидетельствовали веру наших предков в до неузнаваемости изменившемся мире. Священник, дотоле стоявший недвижимо, чинно положил поясной поклон и вышел из храма. Слово восхищенный до седьмого неба, он не чуял под собой земли, не видел никого вокруг; потупив взор и еле заметно улыбаясь, он старался еще на какое-то время сохранить в себе это чудо Дионисиевых росписей. Солнце летнего полдня ослепило его. Прикрыв ладонью глаза и придерживая полу рясы, он почти на ощупь вышел за ворота этого милого и очень уютного монастыря, перекрестился на двухшатровую надвратную церковь и сел в машину. — Господи! Благодать-то какая! — Отец Василий машинально пристегнулся, осенил себя крестом и благословил перед собою путь. Гладкий асфальт дороги мягко удалял его от дивной обители. Вот уже замелькали кусты, а затем и еловый лес словно тяжелой портьерой зашторил маковки монастырских церквей. Давнишняя мечта батюшки сбылась, выношенная еще с Казахстана. Прошло уже полгода, как он жил в России, да еще в такой близости от прославленных фресок Дионисия, а выбраться все не получалось. Он знал о них из книг, одна из которых — «Мастера Русского Севера» — была настольной. Листая ее страницы, он испытывал ностальгию. Дивные виды северной природы в ней перемежались с предметами материальной культуры. Все это пробуждало в душе 201 светлые воспоминания о Родине. А любимыми страницами в ней были те, что посвящены Ферапонтову. Разглядывая светлые лики, исполненные грации фигуры, небесные цвета, он мечтал когда-нибудь посетить это благословенное место, чтобы своими глазами соприкоснуться с этим рукотворным чудом. Увиденное превзошло все его ожидания. Взвизывая на стены собора Рождества Богородицы, он забыл о течении времени, словно шагнул в вечность. Полагая, что сможет свершить там краткий молебен, он тихо возгласил: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно...», но, подняв глаза к росписям купола, встретился взглядом с Пантокра-тором на куполе, и все великолепие творений великого иконописца словно волна захлестнуло его. Он запнулся на полфразе, не в силах продолжать, а беспомощно лепетал: «...ныне и присно... ныне и присно...» Станным образом там, в Казахстане, ему мерещилось Ферапонтово, а тут со всей ясностью ему вдруг вспомнился Казахстан, его первый приход. Маленькая землянка, в которой располагался храм, была

построена из самана — глиняных кирпичей с соломой и ишачьим кизяком. Два помещения под одной крышей — молитвенный дом и дом священника — отапливались печами на каменном угле. Местом молитвы было помещение, первоначально предназначавшееся для скота. Две комнаты, разделенные печью, были общей площадью не более пятнадцати квадратных метров, а высота потолков была такова, что когда на «Херувимской» отец Василий воздевал руки, то упирался в их беленую глиняную штукатурку. Алтаря как такового не было. В дальней комнате, отгороженной шторкой, в углу у оконца стояла небольшая тумбочка, на ней лежал антиминс, Евангелие и крест, стояла да- 202 роносица и пузырек с миром. Над этим «вместопресто-лием» висела самая дорогая икона в фольговом окладе с восковыми цветочками — святые мученики Гурий, Самон и Авив — и единственная лампада, бывшая некогда фужером. Рядом, в другом углу, стоял большой стол, на котором горой лежали прикрытые скатеркой облачения, располагались небольшая стопка книг и отдельно — святые сосуды. Под столом стоял ящик с кагором. Здесь же, на уголке, совершалась проскомидия. Пока священник готовился к службе, прихожане набивались в переднюю комнату, тогда как основная молельня была задернута шторкой. Когда же проскомидия была совершена, батюшка выходил из-за шторы и исповедовал. Затем, начиная литургию, он открывал завесу, приглашая всех пройти внутрь. При этом сам стоял в дверях, отгораживая фелонью импровизированный престол от того, чтобы кто-то невзначай не поставил на него свою сумку. Пятнадцать человек в таком убогом пространстве стояли плечом к плечу. Здесь не было свечей и кадильного дыма, от этого многим становилось дурно, и нередко были обмороки. Здесь не было привычного клироса, священник сам говорил «Паки и паки», сам же и отвечал себе «Господи помилуй», только «Верую» и «Отче наш» пели всем миром. Молились лицом на север. Обойти престол также не представлялось возможным. Вместо золотого убранства здесь были аккуратность и чистота — словно сахарные, набеленные стены, кипенно-белые рушнички на иконах, нигде не пылинки. Таким он принял храм. Долго его переоборудовал. Развернул престол на восток, для чего пришлось вынести печку. Изготовил маленький алтарик с цар- 203 скими вратами и иконостасом. Сделал подсвечники на ножках, вместо табуреток с тазиками песка. Но зимой было холодно без печи, и обогревались электрокалорифером. Обогреватель с открытой спиралью на ночь оставляли включенным после всенощного бдения. И наутро маленькое помещение успевало нагреться до комнатной температуры. Однажды, придя в церковь, отец Василий обнаружил внутри дым, а когда открыли дверь, вспыхнул пожар, который быстро потушили. Ночью, как оказалось, упал потолок как раз над тем местом, где стоял обогреватель. Прибор опрокинулся спиралью на пол, но не отключился от розетки и всю ночь прожигал доски. При этом все убранство храма покрылось черной копотью. Падая, глиняная штукатурка обрушилась со стены ту самую икону трех мучеников, которая попала в самое пекло. Каково же было удивление прихожан, когда ее невредимую достали из груды глины и обуглившихся досок, даже стекло киота не разбилось. Вместо литургии тогда служили благодарственный молебен Гурию, Самону и Авиву, после того как ликвидировали последствия возгорания. С поклоном люди проходили под чудесно уцелевшим образом. Это событие отец Василий расценил как Божий гнев на недостойные условия совершения высочайшего из таинств — Святой Евхаристии — и затеял строительство нового храма. Сравнивая теперь свой рукотворный храмик с творениями древних зодчих и иконописцев, отец Василий начисто лишился заносчивости жителя XXI века перед «темными» веками средневековья. Такой нелепостью казалось ему все то, что он сотворил, рядом с ансамблем этого по сути маленького, но такого великого монастыря, как в Ферапонтове. Утешало лишь то, что 204 большинство людей, ради которых это делалось, и вовсе не видели «настоящей» старинной церкви вживую, а на картинке в книжке прославленные творения зодчих для них были не доступней египетских пирамид. Батюшка печально констатировал, что в наше время храм не является архитектурной доминантой, красивейшим зданием города или деревни, как это было в старину. Он может быть в какой-то мере необычным, диковинным, но не лучшим. Это отражает мировоззрение современного человека, для которого сам он, < со всеми своими материальными потребностями, стоит на первом месте. Раньше люди в деревне жили бедно, но всем миром воздвигали, скажем, в селе храм на зависть соседям, который и архитектурой и убранством превосходил все окружающие его постройки. Этим подчеркивалось, что главная ценность человека — это Царство Божие, олицетворением которого и является храм. Теперь же маленькая церквушка едва видна среди громады городских многоэтажек, а убранство боль! шинства храмов вряд ли может сравниться с роскошью домашнего быта, что тоже показательно. Значит, духовное в людях задвинуто на самую дальнюю и пыльную полку. Дело доходит до того, что кое-кто даже раздраженно кивает в сторону золоченых куполов, настолько отдалив себя от Бога, что золото церковных главок он мнит словно у себя украденное, или будто оно предназначалось ему, но по какой-то нелепой случайности оказалось на кровлях собора. Дорога, по которой ехал отец Василий, тем временем становилась все хуже. Из-под грунтовок там, то сям выныривали участки старого тракта, выложен- 205 ного булыжником. Темный лес обступил со всех сторон. Да и небо стало затягиваться дождевыми тучами. До парома оставалось каких-то пятнадцать километров, но это уже была не дорога, а испытание. Машина, раскачиваясь, терпеливо преодолевала неровности пути. Батюшка напряженно вглядывался в повороты. Песчаное дорожное полотно, пыля, струилось под колесами. Встречных машин не было, да и быть не могло, потому как они дожидались парома на той стороне Волго-Балта. Отец Василий смело ехал посередине, когда вдруг заметил... силуэт лося, преградившего ему путь. Мгновенно сбросив скорость, машина на тормозах плавно подъехала к животному, остановившись метрах в пяти. Ни один обитатель здешних лесов не выглядел столь грациозно, как лось. Внушительных размеров, на высоких ногах, он был поистине королем этих мест. Отец Василий помигал фарами, пожужжал педалью газа, лось даже не повернул головы в его сторону. Батюшка не без опаски разглядывал зверя, который, казалось, совсем не видел автомобиля. По отсутствию привычных рогов стало ясно, что это самка. Она, отвернувшись от машины, наблюдала за кустами у обочины. Проследив за ее взглядом, священник увидел, как

сквозь заросли пробирается молодой лосенок. Весь такой нескладный, он путался в своих угловатых ногах, словно шел на ходулях. После преодоления придорожного «чапарыжника» он нерешительно выбрался на дорогу и привычно ткнулся матери в пах. Лосиха увернулась и подтолкнула его к противоположной обочине, все время прикрывая своим могучим телом. Когда они уже преодолели канаву и затрещали ветками перелеска, королева леса искоса бросила опасливый взгляд на замерший на дороге автомобиль. 206 Отец Василий был поражен поступком животного. Мать, защищая свое дитя, не убоилась быть сбитой машиной. Пока ее детеныш не преодолел опасный участок пути, она не тронулась с места. В этом было много назидательного — подвиг любви и сущность откровения. Жертвенность, которую мы привыкли считать лишь человеческим качеством, оказалось, свойственна и бессловесным. Кроме того, сам факт увиденного говорил о том, что не всегда то, что мы хотим узнать, поддается нашему познанию. Иногда только встречное движение объекта познания делает возможным наше постижение, только откровение позволяет сделать открытие. За этими размышлениями батюшка доехал до паромной переправы. Заглушив двигатель, он вышел на берег. Широкий разлив Шексны открывал зеленую панораму противоположного берега. Паром уже урчал моторами на том берегу, и машины заезжали на его платформу. Мимо важно проплывала баржа с надписью «Волгонефть». Когда-то, еще совсем недавно, батюшка стоял так вот у воды, на самарской набережной Волги, и думал о том, что когда-нибудь, во что бы то ни стало, он вновь вернется в Россию. Это казалось чем-то невероятным. Было очень больно от осознания собственного бессилия. Словно невидимая преграда стояла на пути его возвращения на родину. Помнится, подошла к нему кошка и стала ласкаться у ног, а он еще подумал: «Вот кошка эта может жить, где хочет, а я вынужден быть там, вдали от родной земли! Нешто я хуже этой твари бессловесной?» И вместе с тем была твердая вера в то, что все свершается по Промыслу Бо-жию, что надо побороться за это право быть россиянином, потому как то, что легко дается, мало и ценится. 207 Вот как сейчас он глядел через голубую гладь Волго-Балта на деревню на том берегу, так некогда он в своих грезах видел милый сердцу край, такой же близкий и недостижимый. * * * Много в его судьбе решила поездка к старцу. Это был особенный момент, когда он реально почувствовал Божие участие в своей жизни. Ни до, ни после этой встречи отец Василий не приходил в такой благоговейный трепет от простых человеческих слов, за которыми звучал в его сердце голос Божий. Батюшка Георгий не пожалел для гостей тогда ни времени, ни сил, и за вечерним чаем они засиделись далеко за полночь. Он обращался ко всем, хотя чаще смотрел в глаза отцу Василию. Говорил в основном хозяин, говорил неспешно, ласково и с первых же минут обаял путников своей доброй улыбкой: — Я ведь тоже с тех мест, отче, как и ты. Там был мой первый приход — храм Покрова Пречистой Бо-жией Матери на берегу реки Шексны. Не бывали? Это Гледенский район, от города недалеко, только на другом берегу. Мне сказывали, там уже все обрушилось. Сама церковь затоплена, храм разграблен. Впрочем... как и везде. Только мне этот храм покоя не дает, часто вижу во сне, как совершаю в нем богослужение. Особый это был храм: светлый, высокий, пелось в нем легко, своды словно пели вместе с тобой. Оттуда, из этого храма, меня впервые арестовали и осудили на пять лет тюрьмы. Меня обвинили в контрреволюционной агитации, и поехал я в Колт-Ёл, это в Коми области. Уж до чего у нас считается климат се- 208 верный суровый, а там и того почище. Морозы зимой за сорок градусов. Там я заболел туберкулезом, чудом Божиим остался жив. А когда освободился, в двадцать девятом году, во всей нашей некогда славной округе не было ни одной действующей церкви. Те же немногие, что служили, были заняты «обновленцами». Пришлось ехать в Ярославскую епархию, там меня взяли и дали небольшой деревенский приход. Но послужить пришлось недолго, через три с небольшим года меня снова арестовали. На этот раз дали десять лет и отправили в КАРЛАГ, это в Караганде, там я попал в шахту. Горняк, правда, из меня никудышный, но работал я не хуже других, даже имел поощрения за превышение норм выработки. Кому-то это не понравилось, и завистники подстроили так, что я упал на рельсы перед близко идущей вагонеткой с углем. Божьей милостью я успел выкатиться из-под колес, но рука, которой я оттолкнулся, все же осталась на рельсах. Так я лишился руки и был переведен на легкий труд — в столовую. Пользуясь своим положением, я помогал заключенным, среди которых было немало лиц духовного звания, даже архиереев, в пост разжиться овощами к трапезе. Там и капуста казалась сказочной пищей. Они, в свою очередь, не давали мне унывать, поддерживали духовно, я их помню всех поименно, поминаю всякую службу. Конечно, трудно было все это переносить, нестерпимо. Но человек ко всему привыкает. А что самое главное, чем страшней испытание, тем сильнее помощь Божия. Иногда доходишь, кажется, до последней черты, и вдруг свершается чудо. Чудо не в смысле чего-то волшебного или сказочного, а такое событие, вероятность которого ничтожно мала, но это происходит, и ты спасен. И таких чудес перечислить не могу, 209 сколько было, они и сейчас происходят, и будут происходить всегда, как говорится, «ныне и присно». Таким образом, Господь веру нашу оскудевающую подкрепляет, отгоняет прочь уныние и отчаяние. Там ведь выживали только сильные духом, на вере одной и держались, надеялись, что Бог не оставит, на Него одного уповали. А какая там сильная была молитва, я так на воле никогда не молился — истово, при всяком удобном случае. А какое ощущение внутренней свободы было у меня! Телесно я был под игом, а внутренне совершенно свободен. Прежде я очень рвался домой, но вскоре понял, что дом мой там, куда меня призвал Господь. Поэтому, после того как отбыл срок, остался в Караганде, под духовным водительством старца Севастиана. Только тогда, когда возникла возможность открыть приход в Ак-тюбинской области, я по совету старца приехал сюда настоятелем, с тех пор вот здесь неизменно служу уже более сорока лет. За все это время я пару раз бывал на родине, но нашел там людей крайне обезверившихся, святыни в поругании. Все это сильно угнетало, я не нашел сил там себя применить. Но сейчас совсем другая обстановка. И я бы, может быть, поехал в родные края. Но моих немощей едва хватает здесь, на насиженном месте, службы отправлять. Ты, отче, вместо меня отправишься туда. Не удивляйся! Это Божие указание. Может, ты думаешь, что это ты ко мне приехал? Это я тебя призвал, чтобы поведать об одном моем

видении. Мне явился Ангел Церкви и приказал найти священника, который бы исполнил некое ОСОБОЕ повеление Божие. Без этого не отпустит Господь грехи мои. Почему ты? Ну, для начала ты сам тамшний. Потом, ты не боишься трудностей. И что 210 немаловажно, я чувствую в тебе необходимую силу духа. Ты ведь пришел спросить волю Божию — уехать тебе или нет? -?!Да... — Так вот узнай ее. Будешь служить литургию — на отдельной тарелке поставь на престоле свой жребий. На листочках бумаги напиши те места, где бы ты чаял жить и Богу служить. По отпуске службы прочитай молебен о призвании Духа Святого на всякое доброе дело и по прочтении заключительной молитвы на словах «ныне и присно» прости руку свою к своему жребию, разверни листок и, приняв сие как волю Божию на тебе, произнеси заключительное «аминь». И да будет так. Так ты уверишься в правоте моих слов. — А что это за Божие повеление? — Про то я сам не ведаю. Об этом ты узнаешь уже там. Тебя встретит светлый отрок, который укажет тебе путь ко спасению. Ты его узнаешь по тому, как он встретит тебя, он благословит тебя именем Господним. Следуй за ним и не ошибешься. — Простите, отец Георгий, а почему вы сами не... — А я стар уже и одной ногой стою в могиле. Мне не сдюжить. Я просил Пречистую Богородицу открыть мне день моей смерти. И однажды, проснувшись, увидел над кроватью на стене электронное табло, такое, как бывает на вокзалах. На нем три пары цифр: 21.12.???. Я не сразу понял, что это дата моей кончины, а когда опомнился, две последние цифры словно стерлись, пропали. И остался в недоумении, когда все же это произойдет, в каком году? И по какому стилю, по старому или по новому? С тех пор вот уже несколько лет я встречаю смерть дважды в год. Служу литургию, при- 211 чащаюсь и в полном облачении ложусь на одр свой. И если этот день минет, то дальше смело, не боясь внезапной кончины, живу еще год. Несмотря на это, чувствую по себе, что слабею изо дня в день, все дается с трудом. Я уже отработанный материал, а ты, отче, в самом расцвете. Глаза старца светились радостью. Его морщинистая рука легла поверх сжатых в замок пальцев отца Василия, лежащих на столе. Никто не ожидал такого разговора. Гости недоуменно молчали, потупив взоры, лишь изредка бросая взгляды на лицо седовласого хозяина. Тот, выдержав паузу, взбудрил всех: — Так, ладно, отче, ты помолись, подумай, мы еще вернемся к этому разговору. Давайте Бога благодарить за трапезу да пошли со мной. А то, я вижу, мои хорошие, вы заскучали. Дай-ко я вам церковь покажу! Завтра народ придет, может не выдаться времени все вам показать и рассказать. Церковь оказалась, как они и предполагали, в соседнем помещении, через холодный коридор. Большая комната с высокими потолками была украшена иконами, написанными яркими красками, под расшитыми белыми полотенцами. Устройство иконостаса, лампы и подсвечники — все носило следы добросовестной самоделки и было выполнено из подручных материалов. Оказалось, что все это батюшка сделал сам — одной рукой (!). Он нарисовал все иконы, изготовил утварь, не говоря уже об элементарном ремонте. Он сам шил себе облачения, сделал несколько митр. Кроме этого, он разводил пчел и в алтаре зажигал лишь восковые самодельные свечи. За домом у него был сад и виноградник. Восемь сортов винограда умудрялся выращивать отец Георгий, из него выжимал сок и делал свой 212 «кагор», на котором и служил. Возле плодовых деревьев у него в углу сада была небольшая крохотная полянка, обсаженная вокруг березками, которые напоминали ему Россию. — Вы еще летом приезжайте. Сейчас все снегом занесено, а так-то у меня вокруг храма все в цветах. Красиво — как в раю. — Как вы один со всем справляетесь? — не смогла скрыть удивления матушка Ирина. — А я не один! Там, на дворе, в маленьком домике у меня живет помощница моя, келейница моя Галина. Она мне просфоры печет, есть готовит, стирает, убирает — незаменимый человек. Она не знает усталости, бегаешь целый день, не присядешь.. Это вот ее стряпню вы сейчас отведали. Завтра еще борща попробуете и пирогов. — Отец Георгий! А что это за икона? —Вадим остановился возле одного образа, который, как и большинство здешних икон, не отличался особым художественным изяществом, но зато был выполнен с любовью, словно детский рисунок. — Это — икона «Иисус Христос стучится в дверь». Что-нибудь необычное замечаешь? — Да сама икона необычная, раньше мне не попадалась. — А ты посмотри повнимательней. Видишь —у двери, в которую стучит Христос, нет ручки. В этом глубокий богословский смысл: Спаситель пришел нас спасти, но Сам Он не может открыть двери наших душ. Надо, чтобы мы сами, услышав Его стук у дверей, открыли Ему. Часто бывает, что мы просим Бога о том, чтобы Он благословил какие-то наши начинания, исполнил наши желания, молитвенно как бы стучим в Божьи 213 двери. А когда Бог нисходит до нас и нас взыскует, мы зачастую оказываемся глухи к Его призываниям. Или делаем вид, что не слышим... — Батюшка! — продолжал интересоваться Вадим. — А отчего вы не монах? — Потому что не всякому это дано. Это высокий подвиг. На это надо иметь духовные способности, особый дар Божий. Да и призвание монаха — уединенное житие, а священник не имеет права бегать от людей, он должен служить и нести людям Слово Божие. Ну и непереносимое условие жизни «во иноцех» — послушание, духовное возрастание, под водительством опытных старцев, а истинные-то старцы все уж поумиралы, остались старики одни. Потом монаху молиться много надо, а я уж состарился, сил порой не хватает себя на ногах держать. Вечернее правило они читали, зевая, уже глубокой ночью. Перед сном еще какое-то время обменивались впечатлениями. — Отче Василие! Простите, что спать не даю, — громко шептал лейтенант, — но я поражен, сколько сил в этом человеке, сколько в нем талантов, сколько мудрости. Я таких людей в жизни не видал. Он же нас сквозь тебя видит. Тебе и рта не надо открывать, а он уже отвечает на твой вопрос. Это диво! — Да, это и правда удивительно, когда человек с одной рукой оказывается способен сделать больше, чем мы с двумя, — поддержала его матушка Ирина. — А какая ясность ума! Моя бабуля в таком же возрасте совсем была беспомощным человеком, словно ребенок малый. — Поражает другое, — ответил отец Василий. — Мы-то думали, что это мы к нему едем, а вышло, что 214 это он нас призвал. Призвал, чтобы возвестить нам волю Божию. Я в растерянности пока от его слов. Мне тут один прихожанин сказал недавно: «Я к старцам боюсь ездить. Знаю, что ТО, что старец скажет, — это и есть мой путь и мой крест. Но только не уверен я, что смогу последовать тем путем, что он мне укажет, и поднять тот крест, что он мне предложит. А непослушание воле Божией страшнее неведения, потому не

узнак5 ничего о себе, не искушаюсь напрасно». Вот и я теперь недоумеваю — «что суть словеса сии?» Последнюю фразу батюшка произнес под дружное сопение своих сокейников. Тепло натопленная комната, чистая мягкая постель были поистине царским утешением после неустроенности дальнего пути. Сон увлек их в свои бархатные объятия. — В руци Твои, Господи, предаю дух мой... — только и успел произнести отец Василий, как сам незаметно отошел ко сну. А наутро отец Георгий разбудил их на завтрак тихим стуком в дверь. Паломники зашевелились в своих постелях и уже через двадцать минут, после утреннего туалета и привычного правила, вышли к столу. Завтракали они одни. Старец тем временем молился в храме, с ним было несколько прихожан, они стояли на коленях со свечами в руках. Матушка Галина, как и было обещано, потчевала их пирогами. За окном светало, о ночном бурене напоминали лишь причудливые сугробы. В лучах восходящего солнца по-другому виделись и дом и улица в окне. Больше доверительного разговора так и не получилось. Народ шел к старцу вереницей. Одних он испо- 215 ведал, с другими беседовал, третьих лечил, четвертых отмаливал. В промежутке между приходящими он уделил-таки время и исповедовал и своих ночных гостей. Странная это была исповедь — говорил почти только отец Георгий, неспешно он сам перечислял все твои грехи, оставалось лишь удивленно кивать и каяться, после этого он увещевал, давал необременительную епитимью и читал разрешительную молитву. Слова молитвословий изливались из его уст легко и естественно. Так же легко вдруг катились нежданные слезы у исповедующихся. Потом они еще раз детально осмотрели церковь. Погуляли по залитому солнцем и укрытому снежным покровом поселку. Поговорили со старушкой келейницей за миской борща и стали собираться восвояси. К их отбытию отец Георгий снабдил их в дорогу гостинцами — пирогами и бутылочкой своего «кагора». Попрощался с каждым, после обычного благословения прижимая своей могучей рукой к груди, так, что длинная седая борода, пропахшая ладаном, щекотала нос. Долго стоял у калитки и махал им вслед. Дорога обратно, против дороги сюда, прошла легко и незаметно, словно, пробираясь в Кызыл-Кийын, они натягивали невидимую пружину, которая сработала, отправив их домой во мгновение ока. Они твердо решили вскоре вновь поехать к отцу Георгию, весной, в мае, когда окрестные степи цветут тюльпанами. Но эта поездка не осуществилась... Незадолго до Рождества Христова — 3 января — старец умер. Это было 21 декабря по старому стилю. С трудом пробившийся к нему отец благочинный нашел отца Георгия лежащим на смертном одре в полном священническом облачении. На столе лежал лист 216 со всеми посмертными распоряжениями. Была там и строка, посвященная отцу Василию Сосновскому, — «благословляю ему образ Покрова Пресвятой Богородицы, что слева от окна, в застекленном кивоте, на добрые свершения, о коих он знает». Эту небольшую аналойную иконку отец Василий легко узнал, это было благословение старца Севастиана, с нею батюшка Георгий не расставался как с величайшей реликвией. Этот образ был помещен отцом Василием в алтаре, где всякий раз напоминал о поездке к старцу и его благословении. Только спустя годы, будучи уже настоятелем церкви в Хромтау, к Сретению Господню, дню своей священнической хиротонии, отец Василий решил исполнить завет старца. Он изготовил три листочка бумаги, где написал: «остаться в Казахстане», «поехать в Самару» и «поехать домой». Свернул он эти жребия и, положив на маленькую тарель, поставил на престол. Как ни странно, все три варианта, что он избрал, были ему равновелико близки. Казахстан — это его пастырская колыбель, он здесь духовно возрос, сделал священническую карьеру и жил довольно неплохо. Самара — это место, где он учился в семинарии, получил признание и был покорен успехами Православной Церкви в городе и регионе, здесь за время учебы у него появилось много друзей. Домой же его тянуло постоянно, Родина звала его по-матерински ласково, но сдерживало лишь то, что по слову Спасителя: «Несть пророк без чести, токмо во отечествие своем и в дому своем». По отпусте литургии он служил молебное пение и с замиранием сердца читал заключительную молитву. На возгласе «Твое бо есть» он, не глядя, протянул несмелую руку к своему жре- 217 бию и со словами «ныне и присно» развернул листок. Там было — «поехать домой». «И во веки веков», — растерянно произнес отец Василий. Потом он немного помолчал, развел руками и уже уверенно молвил: «Аминь». В стекло машины постучали, что вывело отца Василия из задумчивости. У окна стоял паромщик: — Батюшка, думаешь заезжать-то? А то мы уже, тово, отчаливаем. — Да-да. Спасибо, — восторженно священник и завел мотор. — Смотри-ко ты, чуть не остался! Его машина въехала на переполненный паром. Отдали швартовы, взревели двигатели парама, и вода у кормы забурлила. Батюшка вышел из автомобиля и прошел на «бак». Вот так, как и нынче, в его жизни неожиданно свершались крутые повороты. Еще минуту назад он мирно предавался воспоминаниям, а сейчас навстречу вольному ветру плывет по водной глади к зеленому живописному другому берегу. Как тогда внезапно, никем не понятый, он оставил привычное место службы и уехал в Россию, так и сейчас спешно запрыгнул на паром. Не вполне осознав и сам всей необходимости этого переезда, он доверился всецело воле Бо-жией и только ждал осуществления в своей судьбе предначертанного старцем, как сейчас ожидал причала на том берегу. Так было сейчас — так будет и всегда. Ныне и присно...

Глава 5

...И во веки веков

Темные гроззовые облака клубились над городом Гледенском, их свинцовый фон делал дома светлей, а церковь, и так белая, буквально светилась. Лохматые клубы шли так низко, что, казалось, задевали чудной ковки купольные кресты. Поднялся ветер, полетела пыль, жалобно затрепетали листья деревьев. Калитка церковной ограды то и дело звонко захлопывалась и снова приветливо отворялась. В воздухе кружились переполошенные птицы. Трава стелилась по земле. По тротуару порхал цветной полиэтиленовый пакет. Пахло дождем, но его все не было. Где-то

вдалеке уже еле слышно погромыхивало. Приближалась гроза. Словно колпаком, за каких-то полчаса город накрыли тучи, и с минуты на минуту они готовы были разразиться проливным дождем. Но Господь удерживал «хляби небесные», словно дожидаясь, пока отец Василий дойдет до церковных дверей. Тот поставил машину в гараж и, поглядывая вверх на облачный фронт, спешил укрыться от непогоды под крышей храма. Пройдя сквозь святые ворота, он прикрыл лязгающую калитку и, придерживая рясу, торопливым шагом направился к церкви. На пороге он поклонился с крестным знамением и шагнул в дверь. За ним словно занавес повисла пелена дождя. Дождь ливанул как из ведра. Все вокруг заблестело сквозь дымку дождевых струй. Забарабанили карнизы, 219 зажурчали сливы водостоков, захлюпали всплески на ступенях церковного крыльца. Легкий гул падающей воды окрашивался аккордами громовых перекатов, пока еще не громких, но раз от раза звучавших все ближе. В храме было темно. Свет редких лампад оживлял мрачные лики. У икон ставили свечи случайно забежавшие спрятаться от дождя люди. Батюшка стряхнул со скуфьи дождевые капли, протер закапанные стекла очков. В мутном от потеков окне уже начинали блистать всполохи молний. Привычным шагом он прошел от порога до аналоя в центре и припал к лежащей на нем иконе Богоявления. В момент, когда его губы коснулись холодного стекла киота, он вдруг каким-то шестым чувством ощутил, что в храме что-то происходит. Он замер и огляделся. Все вокруг было как всегда, ничего необычного он не заметил и даже не понял, что могло его насторожить. Отмахнуться от этой мысли он тоже не мог, потому что атмосфера в храме словно была какая-то другая. Батюшка повернулся и медленно, как во сне, направился к канцелярии. Каждый звук его шагов отдавался с предельной четкостью. На ходу он потер виски, продолжая растерянно озираться. Пространство темного храма, казалось, искажалось в его глазах, как в широкоугольном объективе. Из-за свечного ящика вышла Анна Созонтовна и, поклонившись, с умилением протянула руки под благословение. Но слова ее он услышал как бы с опозданием и почти побуквенно: — Бла-го-с-ло-в-и-т-е, о-т-е-ц В-а-с-и-ли-и-й. Он машинально осенил ее крестом, коснувшись своей рукой ее сухих старушечьих ладошек, и кивнул в ответ на смиренный поцелуй его влажных пальцев: — Бог благословит, дорогая Анна Созонтовна! Отец Сергей у себя? — спросил он, не узнав своего голоса. 220 — Да, батюшка, тут он, с бухгалтеркой бумагами занялись. — Это, верно, давление скачет... — Что, простите? — А? Да нет, это я не вам... Погода вон видите какая? Льет прямо стеной дождь. Едва успел добежать, а то бы промок до нитки. — Ничего удивительного. У меня с утра все суставчики выкручивает, так что не надо и Гидрометцентра, чтобы узнать, что погода спортится. Слава Богу, что хоть разродились тучи дождем. Счас полегче будет... Священник постучался и открыл дверь канцелярии. Настоятель сидел за своим столом, обложившись документами. Рядом за соседним бюро сидела Фаина-бухгалтер, поблескивая толстыми стеклами очков, и что-то сверяла на калькуляторе. — Я не отвлекаю, отче? — А, это ты, отец Василий! Заходи да хвастай! — приветливо встретил его настоятель. — Здравствуйте, батюшка Василий, — откликнулась и Фаина. — Пожалуйста, распишитесь в платежной ведомости, а то я хватилась, вы один у меня не расписались. — Я только что из Ферапонтова. — Отец Василий присел за стол и послушно поставил свой автограф в графе с галочкой. — Это просто чудо! Фрески Дионисия — это шедевр, не менее значимый, чем творения всех этих Рафаэлей, Тицианов и Микеланджело! — Ты там впервые? — усмехнулся отец Сергей. — Сознательно впервые. Был там однажды с экскурсией, когда мне было лет двенадцать. Но ничего не помню. Не понимал ничего... 221 Тут, словно вспышка, в сознании отца Василия возник острый взгляд одной из храмовых икон. Это не был взгляд нарисованных глаз, это были живые глаза, и из них текли слезы. То ли видение, то ли сон, но, похоже, именно этот момент оживания иконного образа, увиденного мельком, боковым зрением, так его насторожил. Ему захотелось тут же вскочить и, выбежав в храм, пристальнее взглянуть на ту икону, он уже напряг ноги, чтобы подняться, но его порыв пресек строгий взгляд отца настоятеля. — Слушай, вот чего, мы с Фаиной завтра должны ехать в епархию, так что я тебя попрошу, послужи завтра литургию вместо меня, а то я зашиваюсь — спасу нет. Сегодня с пяти я вечерню отправлю, а завтра, прямо утром в семь, тронемся благословясь. Ты уж не подведи, завтра человек десять-пятнадцать причастников будет. Батюшка-а. Ты у нас здоров? Что-то вид у тебя какой-то отстраненный. Ты слышишь, чего говорю-то? — А-а! Да, конечно, я буду. Простите... Это, наверно, из-за дождя. Вы видели, что на улице делается? Гроза... — Смотри-ко ты, точно! — Отец Сергей привстал из-за стола и, потянувшись, взглянул в окно. — А я-то думаю, что это свет мигает? — Сейчас-то треб нету? А то я видел, там какие-то люди в храме стоят. — Нет, отченька, иди отдыхай. Это ко мне тут приходили предприниматель Фомин да сын его. Приспичило им службу отслужить в одной разваленной церкви. — Где же это, батюшка? — вскинула голову бухгалтерша. — Да в Покрове, что на воде стоит, возле деревни Родино. 222 — Ой, гляди-ко чего удумали! — Фаина сняла очки и покачала головой. — Надо же, куда их леший разил, прости Господи! И чего хотят? — Хотят, чтобы я туда с ними поехал. Мальчишка его туда лазил, говорит, что там иконы есть, ну и чуть ли там не все целехонько. Надо ж, чего только не напри-думывают. Будто не бывал я возле той церкви. Руины и руины, подплыть страшно, а не то что там служить. Ты не знаешь эту церковь, а, отче? — Нет, я тут еще мало чего знаю, — поднялся отец Василий. — Ну, если во мне нет необходимости, то позвольте откланяться. До свидания. Завтра буду в семь. Непременно. Отец Василий, аккуратно притворив за собою дверь, вышел в храм. Гулкие своды эхом повторяли раскаты грома. Гроза была в разгаре, и даже сквозь толстые стены и многослойные рамы был слышен нешуточный разгул стихии. В такие минуты как-то невольно становится тревожно на душе. Батюшка неторопливо направился к левому приделу, где, как ему показалось, он видел живой взгляд с иконы. Он шел, чтобы убедиться в том, что этот мельком брошенный, даже неосознанный вначале взгляд, произведший в его душе некое замешательство, — всего лишь игра света или случайный блик. Однако где-то в потаенном уголке его существа трепетало ожидание чуда. Не то ожидание, что сродни призыванию, а то, что сродни страху. На подходе к большому застекленному киоту он даже зажмурил глаза, чтобы открыть их только возле старинного образа в массивной золоченой раме в темном

закутке и увидеть, что на иконе все в порядке. Так, с закрытыми глазами, он прошел несколько шагов и, замедлив ход, остановился. И открыл глаза. 223 О ужас! Прямо перед ним из полумрака светился взгляд чьих-то глаз. Не мигая, глаза смотрели на него с выражением гнева. Батюшка резко вдохнул и не смог выдохнуть. А изображение на иконе дрогнуло и зашевелилось. От этого едва уловимого движения у него похолодело в груди, и он отчетливо услышал учащенное биение своего сердца. Лишь спустя несколько тягостных мгновений отец Василий различил в темноте стоящего меж ним и иконой человека. Этот человек стоял недвижно, против обыкновения не лицом к иконе, а спиной к ней, отчего во мраке совершенно сливался с изображением. Только глаза, вернее, белки широко распахнутых глаз выдавали его присутствие. Батюшка опешил: — Кто здесь? — Вы священник? — сурово вопрошал из темноты незнакомый голос. — Да, я священник. А вы тут меня ждете? — ВАС ПРИЗЫВАЕТ БОГ! — словно печатая слова, по буквам, громко и четко произнес голос. И в этот момент сверкнула молния. Ее сияние на мгновение ослепило. Затем яркая вспышка холодного света выхватила из темноты фигуру рослого мальчика. Плотно сжатый рот, насупленная бровь, слезы, размазанные по щекам, и большой ключ, зажатый в кулаке, — вот все, что успел отметить отец Василий во внешности обратившегося к нему человека, пока молния сверкала сквозь закопанные окна. — ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЕТ БОГ И ГОСПОДЬ НАШ ИИСУС ХРИСТОС! Последние слова утонули в страшном грохоте. Будто разрыв бомбы, ударил раскат грома. Все существо отца Василия содрогнулось. Одновременно где-то в алтаре хлопнула форточка, и раздался характерный звук 224 бьющегося стекла. Лампады у икон, словно маятники часов, стали раскачиваться из стороны в сторону, то замирая, то разгораясь. По всей видимости, молния ударила где-то рядом. Погасла лампочка над свечным ящиком. Теперь лишь свет редких свечей, отражавшийся в стеклах киотов, разгонял всепоглощающую тьму. Скрипнула дверь канцелярии, и послышался голос настоятеля: — Во как шарахнуло! Отец Василий, ты еще здесь? Ты видал?! Аж земля ходуном! Вот это гроза! Как бы беды не наделало, отведи Господи! Вот говорил нам архиерей, давно говорил: «Установи, отец Сергей, громоотвод на церкви», а мы так до сие поры и не собрались. Видно, нам пока не грянет — мы и не перекрестимся. Ох, прости Ты нас, Господи! Пронеси, Господи! А отец Василий почувствовал слабость в ногах и от этого невольно опустился на колени. Колени его сильно ударили об пол, но он не почувствовал боли. Завороженный увиденным и услышанным, он в смятении перекрестился и склонился в земном поклоне. Отец Василий вернулся домой только к вечеру. Тихо, стараясь не шуметь, он разделся, прошел в комнату, сел за стол. Матушка Ирина хлопотала на кухне, дети шумно играли в своей комнате. Он не мог сразу вернуться в дом. Буря захлестнувших его чувств была сродни сегодняшней грозе. Из храма он сначала спустился к Гledenскому озеру. Ровная гладь жемчужного цвета, покрытая легкой рябью, разливалась до самого горизонта. И там, на границе воды и неба, улетали вдаль фиолетовые гроззовые облака. Озерные воды 8 Зак. № 2575 225 дышали свежестью. Всегда, когда душа его приходила в волнение, батюшка находил успокоение в созерцании этого спокойного величия бескрайнего озера. В его сознании проплывали миллионы лет, которые протекли возле этих песчаных берегов. Века меняли ландшафт, история меняла поколения людей, они рождались, жили и умирали, молились, влюблялись, страдали и ликовали, воевали и строили города, все вокруг менялось. Давно ли по воде этой под парусами шли славянские струги и варяжские лады, а сейчас на горизонте виднеются белоснежные четырехпалубные круизные лайнеры. Время, как прибой, мерно отсчитывает свои промежутки, а озеро это в своих песчаных берегах так и остается некоей константой, тем, что остается неизменным и пребудет таким, как сейчас, всегда и во веки веков. Так он сидел в глубоком раздумье минут десять, опершись локтями о столешницу, пока его не заметили. — О! Ты уже дома? — появилась матушка в дверном проеме кухни, деловито вытирая руки о фартук. — Когда ты успел проскочить? Я ведь у окна была, все поглядывала. Кушать хочешь? Сейчас, у меня уже еда на подходе. Минут через пять садимся за стол. — Слушай, Ира! — начал было батюшка. — погоди минутку, сейчас газ убавлю, а то подгорит все. — Матушка скрылась на кухне, а из кухни помимо аппетитных запахов стал разноситься звук шквар-чащей на сковородке пищи, усиливающийся, когда с нее снимали крышку. Матушка сбегала к плите, чтобы за процессом перемешивания еды немного успокоиться. Как не любила она это его «слушай, Ира», сказанное со специфической тревожной интонацией! Ничего хорошего это не предвещало и было верным знаком гря- 226 дущих неприятностей. Когда она поняла, что готова к встрече с этими неприятностями, она вернулась к батюшке и сразу села напротив него. — Ну что? Какие новости? — осторожно спросила она. — Свершилось, матушка! — как-то торжественно ответил отец Василий. — Что опять? Нас переводят? — Нет. Сегодня свершилось пророчество старца! Ко мне подошел сияющий отрок и благословил меня именем Господним! — погоди. Ты сейчас серьезно говоришь? Ты ведь не можешь так шутить. Правда? — Какие шутки, Ира? Серьезней не бывает! — Объясни толком. Кто это был? И где? В Ферапонтове? — Нет, представляешь, у нас в Гledenске, в нашем храме, пару часов назад. Я поставил машину и зашел в церковь узнать насчет служб. А там мальчишка ко мне подошел, зовут Саша Фомин, живет он в Старом Селе, отец у него предприниматель, благодетель нашего храма... — И что он тебе сказал? — Главное не что сказал, а как сказал!.. Он мне явился, как ангел божий, весь сияющий светом, и голос его как раскаты грома... — Так это гроза была. — Да, я понимаю, но это не объяснить. Было в нем что-то, пред чем захотелось преклониться, — особая ду-хоносность, что ли. Как у древних пророков Ветхого Завета, такое же бесстрашие и ревность «по Бозе». В общем, я понял, это — то, ради чего я сюда попал. Господь 227 устами этого отрока говорил сегодня со мной и открыл мне Божие о мне промышление. — Что же он тебе открыл? Говори же, не томи! — Этот мальчик позвал меня совершить службу в одном храме. Похоже, это тот самый храм, в котором служил покойный отец Георгий. (Царство ему Небесное.) Он, мне говорили, рухнул и стоит грудой развалин в воде посреди Волго-Балта, а мальчик Саша говорит, что там и храм цел, и в храме все сохранилось нетронутым — и иконы, и убранство. А еще там, на этом острове, живет какая-то девочка. Он зовет ее Света. Она — что-то вроде хранительницы этого места. Она и послала его за священником. — И что? Ты

собираешься туда ехать? Как ты себе это представляешь? Что это будет за служба? Это, наверно, небезопасно? Если церковь до сих пор не рухнула, кто может ручаться, что она не обрушится, пока ты будешь служить? — Я понимаю все твои опасения. Но я не мог ему отказать. Это же не просто треба, это — миссия. Это то, что меня просил сделать старец. Я сложил в голове все обстоятельства, и смотри, как все складывается логично. Отец Георгий служил в этом храме, но не смог сюда вернуться. Храм чудным образом уцелел, он, не зная этого, благословляет меня ехать в Россию. Архиепией назначает меня в Гледенск — ближе некуда. А теперь еще и этот мальчик, и его отец, и эта девица на острове. Они обещали меня доставить туда на лодке и максимально обезопасить мое там пребывание. — Ага, — покивала матушка. — В каске будешь служить вместо скуфьи. — Да ладно ты ёрничать. Вспомни лучше, что за икону благословил мне старец — Покров. Эта икона 228 не случайно мне была завещана: храм этот затопленный — Покровский. Ира, это — определенно благо- словение Божие! — Ясно, — грустно согласилась матушка. — Что ж, я тебе доверяю. Ты, верно, знаешь, о чем говоришь. Только одного я в толк не возьму. Ну, послужишь ты там, а дальше-то что? В чем смысл этой службы? — Да как же ты не поймешь?! Разве не в том мы видим смысл молитвы, да и всей жизни нашей, чтобы Господь услышал наши молитвы и коснулся нас своею благодатью и исправил житие наше ко спасению. А тут я призываюсь на богослужение, которое ждет от меня Бог, на которое Он меня подвигает, — неужто не внемлет Он в день тот и час моей мольбе и не устроит все во благо? — И когда ты туда едешь? — Они просили меня как можно быстрее. — Прямо сейчас, что ли? — Да нет. Ну, завтра утром. — Ну, утром — так ничто. — Да вот и что! Отец Сергей попросил меня отслужить завтра литургию вместо него, а то он уезжает в епархию. У него назначен прием у владыки. — Поезжай после обедни. — После они не могут. Я не пойму никак их срочности, но думаю, что так и получится, а иначе хоть службу отменяй. Не знаю прямо, что и делать. — Что завтра делать — решишь завтра. Утро вечера мудренее. А сейчас давай поужинаем, дети еще не ели, тебя ждем. А ты такой взъерошенный, что и я, глядя на тебя, разволновалась. А когда я волнуюсь, то много ем. А если я буду много есть, особенно вечером, — растол- 229 стею. А если я растолстею, ты меня разлюбишь, скажешь: «Зачем мне эта тумбочка сдалась?» Батюшка отвлекся от своих дум и впервые за вечер улыбнулся: — Хорошо! Конечно, если это Божие дело, то Господь все и управит. Что я, правда, дергаюсь? Будь что будет. Зови детей, будем кушать. На мамин зов в комнату вбежали дети — две девочки и мальчик, — вспотевшие и покрасневшие от беготни. Они по очереди подбежали к папе: «Привет, па! Благослови!» — и, взяв благословение, встали на молитву. «Отче наш» они пропели нескладно, оттого что запыхались, но затем, уже вполне угомонившись, сели ужинать. Мама вынесла дымящийся плов в большом казане и разложила по тарелкам. — Я только пить. Я есть не хочу, — поторопился отказать шестилетний Леша. — А мне мяса не клади, только каши, — попросила средняя дочь Лиза. — Тогда мне Лизкино мясо отдай, — протягивала свою тарелку старшая Соня. Наблюдать эту возню за столом было так уморительно, что отец Василий окончательно разулыбался. Леха торговался с Лизой: «Съешь мою кашку» — и протягивал пустой стакан, не в силах утолить жажду. Лиза выковыривала из своей порции случайно попавшие кусочки мяса и складывала в Сонину тарелку. Соня охотно принимала в дар самое вкусное в плове и неторопливо и уверенно уплетала ужин за обе щеки. Это представление продолжалось недолго. Прочитав благодарственные молитвы привычной скороговоркой, дети чмокнули маму в щеку и умчались в свою комнату. Батюшка с матушкой опять остались одни. 230 — Скажи мне, Ира, если нет высшего смысла в нашем перемещении по «лицу всея земли», то не является ли это погоней за призраками? Получается какая-то гонка за несбыточной мечтой, откладывание жизни на потом. Ведь дело нашего спасения свершается внутри нас, внешние обстоятельства вторичны, они могут лишь содействовать либо препятствовать нашему совершенствованию в Боге, но не определять и не иметь решающего значения. Мне кажется, если бы меня отправили открывать приход на Луну, то и там бы я жил вполне гармонично, потому как надежду всю возлагаю на Бога, и дотопе у меня не было повода разочароваться в своем уповании. — А чем бы ты детей кормил на Луне, лунатик? Не забывай, что ты несешь ответственность еще и за нас. Коли уж так случилось, что мы у тебя есть, — изволь спуститься с высот своего парения и подумай и о нас тоже. — Да нас и так Господь милует. Где б мы ни были. Дело в другом. Я пока не вижу смысла. Для чего мы сюда приехали? Нас ведь не гнал никто. Там, в Казахстане, я родился как священник, возрастал и научался всему. Тому, чему я не вижу применения здесь. — Гнать не гнали, а неудобства все же были. Школу одну вспомни: история — только Казахстана, литература — только казахская, география, музыка, язык, да что ни возьми. А то, что все делопроизводство на казахский язык переводили, тебе, по моему, тоже не понравилось, когда тебя в юридических документах обозвали «орыс мешети ага попы» — «русской мечети главный поп». — Опять ты не о том говоришь. Я толкую тебе, что я сформировался как священник-миссионер, а тут мне приходится исполнять безрадостную обязанность тре- 231 боисполнителя. Мне даже литургию совершить порой не доверяют, только в сослужении с настоятелем. Или вот как нынче — во время отлучки настоятеля. Ну это же не дело! Так всякая радость пропадает. Помнишь, как я в шахту спускался в Хромтау? Так вот там на километровой глубине, когда я назвал своих собеседников шахтерами, мне объяснили, что никакие они не шахтеры. Оказалось, что эти люди только строят шахту и называются шахтостроителями. Их задача — пробить ствол и тоннели, оборудовать все это подъемными механизмами, рельсами и вагонетками, водоотводной системой, вентиляцией, освещением и прочим. После всего монтажа они сдают шахту так называемым эксплуатационникам, а те уже непосредственно добывают руду. Вот они — шахтеры. Казалось бы, в чем разница? Одеты они в одинаковые каски с фонарями на лбу, одинаково вгрызаются в земные недра на невероятной глубине. Оказывается, существует принципиальная разница. Они даже свой отраслевой праздник в разные дни отмечают. Шахтеры гуляют в День шахтера, а мои спутники — в День строителя. Вот как раз таким вот эксплуатационником чувствую я себя здесь. А ведь я способен на большее. Я чувствую, что способен. Привык, как Апостол говорит, «строить не на чужом

основании», проповедовать там, где проповеди не слышали, служить там, куда еще не ступала нога православного священника. И с Фоминым-то я согласился ехать отчасти потому, чтобы сбежать от этой рутины, с робкой надеждой, что после этой поездки что-то переменится. — Не боишься разочароваться? — Нет уж, матушка. Больно много всяческих знамений, да и как-то сердцем чую — надо мне там побывать. 232 Тут распахнулась дверь и в комнату вбежала Лиза с телефонной трубкой в руке: — Папочка, это тебя! Батюшка Сергей! Отец Василий взял трубку: — Да, я слушаю, отче! А?.. Ну да... Так завтра?.. Вот оно что! Ладно. Я понял. Хорошо. Спаси Господи! До свидания. Лиза стояла рядом, тяжело дыша, ожидая конца разговора, чтобы отнести трубку на телефон. Батюшка кивком поблагодарил ее и отдал трубку. Дочка убежала. Отец Василий потер ладонью лоб, что говорило о его растерянности, а потом на вопрошающий взгляд жены ответил: — Ира, ты представляешь, владыка наш срочно уехал в Москву, отменил все приемы, и отец Сергей завтра никуда не едет. Это означает только то, что я завтра совершенно свободен ехать, куда мне надо. Ты понимаешь! Это знак!! — Ну и славно. Поезжай со Христом. * * * Когда отец Василий в сопровождении Фоминых вышел из церкви и направился к машине, что была припаркована с другой стороны улицы, дорогу им преградил нескончаемый поток машин. Для тихого Гледенска подобное оживление на проезжей части было чрезвычайной редкостью. Батюшка спокойно провожал взглядом вереницу автомобилей. Александр нажал на брелок, и его «ауди» откликнулась и мигнула фарами. Сашка не мог сдержаться ликования, отчего не стоял на месте, а что-то напевал себе под нос и, улыбаясь, покачивался в такт своему пению. Наконец среди движущегося 233 транспорта наметился разрыв. Отец Василий, а за ним и Фомины пересекли улицу, подошли к автомобилю и стали складывать в багажник поклажу. И в тот момент, когда крышка багажника захлопнулась и можно было садиться и ехать, вдруг послышался резкий окрик: — Батюшка-а! Эй, погоди, батюшка!! Отец Василий обернулся. Кричащим оказался изрядно потрепанный, судя по всему подвыпивший мужичок. Одет он был в мятый пиджак, под которым виднелась черная футболка с физиономией какого-то рок-музыканта, и заляпанные грязью трико с отвисшими коленками. Взлохмаченная голова его была прикрыта линялой ситцевой кепкой. Он стоял шагах в двадцати на подгибающихся ногах, прижав ладонь к сердцу. — Ты ведь батюшка-отец? Да? Ну, поп, короче... — обратился он, увидев, что его заметили. — Да, я — священник. — А это что, не одно и то же? — О! Да ты пьян, браток. — Я... да! Чуть-чуть... но я все понимаю. — Человек, переведя дух, двинулся на неслушающихся ногах навстречу батюшке и постепенно подошел совсем близко. При ближайшем рассмотрении вид его оказался совершенно гадок. На опухшем лице блуждали воспаленные выцветшие глаза, под которыми набрякли, словно нарисованные, темные мешки. Ухмыляясь, пьяница показывал гнилые редкие зубы. Слипшиеся волосы, как птичьи перья, приклеились ко лбу. Он с трудом контролировал мимику на своем отвисшем лице и еще хуже держал равновесие, что, однако, не мешало ему быть словоохотливым. — Что вы хотели? — спросил его отец Василий. 234 — Ты из этой церкви? Я что-то раньше тебя тут не видел. — Да, я служу в этой церкви. Чем могу быть полезен? — Слушай, батюшка... или как там тебя... ты можешь с меня грех снять? — Ты хотел бы исповедоваться? — Точно! Вот это я и хотел... грехи сдать, короче. — Пожалуйста! Приходите в храм в воскресенье, только в трезвом виде и прилично одетым. — А что, тебе моя одёжа не нравится? — До свидания! — Нет, погоди! Ты куда? — Я тороплюсь... — Стой, не спеши! Я ведь еще не споведался! Чё мы будем тянуть кота за... Пошли щас, симешь мне грех. — Сейчас я не могу, я занят. Да и ты, друг, не в том виде, в каком исповедуются. — Чё не в том виде-то? Какой еще тебе вид нужен, блин? Занят он... Знаю я твою занятость. Вон иномарка тебя ждет. Небось с крутыми ты куда хощь, а простой человек тебе пустое место... — Дело не в этом... — В этом-этом. Я, может, хочу от пьянки отстать. Вот уж где мне эта жизнь, — процедил он сквозь зубы со слезой в голосе и сжал кулаки. — От меня все отвернулись. И ты вот тоже... А еще боговерующий... — Что ты такое говоришь? Никто от тебя не отворачивается, просто я обещал людям с ними поехать. — Ага, потому что они бабки тебе платят. Знаю все. Катись! А я пойду вот щас и удавлюсь с горя, будешь знать! И ты будешь виноват, что не помог человеку в беде. Как ты после этого молитвы свои читать будешь, а, со спокойной совестью, богомол? Живой чело- 235 век гибнет, а тебе начхать! Иди к своим буржуйам, облизывай их. Я тебе денег не могу дать, поэтому ты и плюешь на меня. — Вовсе не из-за денег, чудак ты человек, я уезжаю, а чтобы исполнить свой долг. Если ты меня дождешься, я уделю время и тебе, только это будет вечером. И совершенно бесплатно. Только не сочти за труд, приведи себя в порядок. Выспись, что ли. — Все это брехня. Не будешь ты со мной разговаривать. Тебе надо, чтобы я ушел. А я не уйду, пока ты мне грех не отпустишь. Я, может, не доживу до вечера, сдохну тут под твоим забором. Пошли щас! — Нет, определенно я сейчас не могу. Да и ты вряд ли сможешь сформулировать свои мысли. И вспомнишь ли про эту исповедь завтра утром? — Понял я все. Продажный ты человек, и нет в тебе сострадания... Дай хоть тогда денег на хлеб, если больше ничем помочь не хочешь. — Денег не жалко, но ведь ты опять спиртное себе купишь. Пойди вон в трапезную, спроси у поварахи хлеба. Зайдешь, спросишь Зину, скажешь, батюшка Василий благословил. Там, по-моему, с канона приносили хлеб. — Не-е. Не пойду я туда. Меня и близко не пустят. Ты лучше так, деньгами, дай. С десятки-то, чай, не обеднеешь. — У меня нет с собой денег, они мне сейчас без надобности. Как-нибудь в другой раз. — А че в другой-то? Вон у олигарха свово попроси, у него-то, поди, денжыщ немерено. — Так, батюшка Василий, — встрял в разговор Александр. — Разрешите, я дам этому уроду сотню, чтоб отвязался. Нет, так просто дам ему в тыкву. Сил 236 больше нет слушать эти пьяные бредни. Он же над вами издевается, неужели не понятно? — Думаю, мы обойдемся без крайностей. Просто попросаемся с человеком, и он мирно отправится восвояси, — успокоил его отец Василий. — Да пожалуйста! — отозвался пьяный. — Уйду от вас. Только ты после этого не батюшка, не священник... А знаешь кто?.. — Возьми деньги и закрой свое хайло! — негодовал Александр. — А то не посмотрю, что тут храм Божий, вломлю по твоей пустой черепушке и в канаву брошу. Александр швырнул в него купюрой. Она упала ему под ноги. Пьяный, колыхаясь всем телом, склонился, поднял ее, развернул, отряхнул и, довольный, спрятал в

карман пиджака. Легким кивком он поблагодарил благодетеля, как это делают, получив премию за отлично сделанную работу. Потом обернулся к батюшке и, подняв вверх палец, произнес: — Ну вот то-то же! А то, прям, все такие, блин... — Иди, залей свои красные глазенки. — Александр, указывая на благодетельствованного, обернулся к батюшке: — Отец Василий, это чучело уже все мозги себе пропило. Он уже даже не водку пьет, а какой-нибудь стеклоочиститель. Гляньте вон — вся рожа пятнами. А еще поучать пытается, мурло. Попадись ты мне еще раз —распишу под хохлому. Пошлите, батюшка, в машину, ну его, недоношенного... Отец Василий немного растерянно шагнул к автомобилю. Он не ожидал такого поворота. Александр готов был растерзать пьянчужку. Батюшка покорно сел в машину, но, прежде чем хлопнуть дверцей, оглянулся на своего неожиданного собеседника. Тот 237 нехотя, покачиваясь, повернулся и поплелся прочь, бормоча на ходу. Сзади у него что-то волочилось... Оглянулся и Саша на заднем сиденье: — Пап, глянь, а у него хвост! — У кого? — Александр завел машину. — Ну, у мужика этого пьяного. Отец бросил взгляд в зеркало заднего вида и ухмыльнулся: —Да, похоже. Ему только рогов и копыт не хватает. — Правда, а что это? — Да ремень из петель на брюках вылез и болтается. С него, того гляди, штаны упадут. Вот ведь допьются до чего, синяки. Всякий человеческий облик теряют. Не позавидуешь вам, батюшка, с какими отбросами приходится общаться. И ведь не пошлешь его. По сану не положено, так? — Ну а как иначе? Ведь тоже человек, душа живая, только заблудший и опустившийся... Машина тронулась и побежала вдоль по улице мягко и уверенно. Отец Василий, машинально перекрестился и благословил дорогу. Мимо проносились милые деревянные домики Гledenска с резными наличниками на окнах. По тротуару не спеша шли люди. В салоне зазвучала приятная музыка. * * * Дорога до Старого Села пролетела незаметно. За это время Сашка почувствовал в батюшке благодарного слушателя, взахлеб рассказывая про все то, что происходило с ним в последнее время. Многие факты были новыми и для его отца, потому что, не надеясь на понимание, Саша сознательно утаил от него 238 некоторые подробности, которые могли быть поняты лишь человеком духовным. Так что и Александр с интересом слушал его рассказ. А уж батюшка и вовсе развернулся к нему, сидевшему на заднем сиденье, так и проехав всю дорогу вполборота. Лицо отца Василия застыло в гримасе удивления, глаза его были круглее очков, а на лбу морщинки от поднятых бровей напоминали стиральную доску. Ключ из Санькиных рук, как только они сели в машину, перекочевал в батюшкины. Это был огромный старинный кованый предмет, напоминавший символический ключ от завоеванного города. Увесистый металл теперь согревался в ладонях священника, который, слушая мальчишку, осязательно исследовал все бугорки и ямочки этого ржавого ключа, не представляя себе даже, что это должен быть за замок, настолько он был велик. Александр напряженно глядывался в дорогу и молчал, лишь изредка бросая взгляд на изумленного батюшку. Вскоре показался и дом Фоминых. Они вышли из машины; не заходя в дом, спустились по широким деревянным мосткам к реке и погрузились в лодку. Тут к их компании присоединилась Сашина мама — Наталья. Взревел мотор, и вдоль живописных берегов они с ветерком двинулись в деревню Родино. Отец Василий даже не успел понять, как он из машины очутился в лодке, настолько был увлечен рассказом мальчика. А Санька уже цитировал из своей тетради исторические очерки, свидетельства очевидцев, ну и, конечно же, эмоционально и расширенно комментировал. Родители с интересом слушали этот затянувшийся монолог своего отпрыска. Они предполагали, что это священник станет что-то рассказывать и вразумлять Саньку, но выходило наоборот. Лишь изредка отец Василий 239 решался прервать пламенную речь их сына робкими уточняющими вопросами. Сашка бойко отвечал басовитым голосом, перекикивая звук лодочного мотора. Наталья, глядя на них, склонилась к уху мужа: — Саша, взгляни на нашего Саньку. Вот он у нас, оказывается, какой общительный. Батюшку заговорил. — Да уж, тут ничего не скажешь, видно, долго у него копилось, было что поведать, да никто к нему не прислушивался. Даже мы. — Что ты такое говоришь? — возмутилась Наталья. — Может, ты с ним не разговариваешь, а я с ним много времени провожу. Мы частенько с ним общаемся. Я даже до сих пор помогаю ему уроки делать. А ему, между прочим, мужское воспитание и общение нужно, и не только дедушкино. — А ты знаешь, что у него девчонка есть? — У Саньки?! У нашего тихони?! Первый раз слышу. Ну вот, что я тебе и говорила. Может, хоть это убедит тебя с ним больше времени проводить. Да, вот так не заметишь, как из мальчишка вырастет мужчина. — Ну вот, а говорила, что знаешь его. — А ты откуда узнал такие новости? — Сорока на хвосте принесла. — Ты их видел вдвоем? — Нет. Он мне все рассказал. — Вот ведь, а мне ни-ни... Ну и кто же она? — Зовут Светой. Красивая. Любит петь. Живет где-то рядом. Любит экстремальный отдых. — Это что значит? — Значит, что она — любительница по руинам лазить. — Так это она его туда завела, на этот остров? — Ага. 240 — Ну надо же! И как, это серьезно или так? — Если уж мы все собрались и туда едем, то, пожалуй, серьезней не бывает. — Да, кстати, может, ты мне все же расскажешь поподробнее, что мы будем там делать? — Невестку свою будущую увидишь. Богу помолишься. А может, найдешь что-нибудь интересное. А я батюшку подстрахую, пока он там служит. В конце концов, должен же кто-то разгадать тайну этого острова, а то глаза уже намозолил об него, а внутрь не сунься. Даже меня уже азарт берет, что там за церковь такая. Лодка тем временем причалила к мосткам у крутого берега. Сашка выскочил первый, подтянул ее поближе и привязал веревкой к колышку. Александр вышел, подал руку отцу Василию, а затем жене. По деревянным ступенькам они стали подниматься к дому. — Пожалуйте, батюшка. Это вот мой родной дом и деревня, где я родился и вырос. —Александр шел впереди батюшки, отгибая нависающие ветви ивняка. — Это и есть —деревня Родино. Тут мой отец живет. Сейчас вы его увидите. Правда, он немного приболел—лежит. Ну, неудивительно, ему почти восемьдесят. Старый уже. Мы его зайдем навестим. Может даже, если вам не трудно, вы его перекрестите, чтобы хворь от него ушла. Он, правда, не боговерующий, но и не безбожник. Это дело уважает. А потом я возьму кой-какое снаряжение, и двинемся дальше. Мы уже недалеко от той церкви, только Волго-Балт пересечь осталось. Это ближе к тому берегу. — Собаки не бойтесь, — придерживала Наталья прыгающего от радости Верного. — Он добрый пес. — А деда нет! — изумленно произнес

Санька, держа в руках кичигу, которой была подперта дверь. 241 — Ну и где же он? — встревожилась Наталья. — Может, случилось что? Может его «скорая» увезла? — Ничего не пойму! Погоди, соседей спросим. — Фомин, бросив сумку на пороге, побежал в дом напротив. Там в огороде ковырялся сосед, дядя Лёня. Фомин сбавил ход, чтоб не напугать старика. — Здоров, дядь Лёнь! — аккуратно, переведя дух, обратился он к соседу. — Ты моего батьки не видел? — А! Бывай здоров, Аверьяныч! — Пожилой огородник разогнулся, держась за лопату. — Как не видеть? Видел! Только вот, с полчаса назад, в магазин пошел. — В магазин? Так он же больной весь! — А по нему не скажешь. Уходил так шустро — только вьет. Пошел за свежим хлебом, а то мука, сказал, кончилась — спечь не из чего. А сёдни привоз. Меня звал, да я тут с грядками затеялся — не пошел. Да и хлеба у меня еще хватает. Я ведь один-дак, много ль мне надоть? Да вон, глянь-ко. Это не он ли идет? Точно — Аверя! Его по шляпе всегда узнать можно. Уже обернулся. Котомку тащит. Точно — уже сбежал. Во дает, ветеран! Теперь и Фомин узнал отца. По деревенской улице он шел своей характерной походкой, опираясь на посошок, с рюкзаком за плечами. Александр махнул Наталье, указав на батьку, и они вышли ему навстречу. Без толку было отбирать у него его ношу — все равно не отдал бы, но предложить помощь отцу Фомин все же был обязан. — Здравствуй, батя! Давай мешок свой, поднесу. — Ну-ко, ты! Здорово! Вы уж тут как тут! — поприветствовал их Аверьян Петрович. — Да не трожь ты мою торбу, допру уж, раз взялся. Тут уж два шага 242 осталось. О, и Санька тутотко! А это кто, никак попа привезли? — Как вы, Аверьян Петрович? — склонилась к нему Наталья. — Как здоровье, мы за вас переживаем. — Спасибо, Наташа, неплохо. Отлежался вот, теперь бегаю как молодой. — Дедуль, здравствуй! — подскочил Санька. — Тебе помочь? — Нет, я сам. Здорово! — Ты уже не болеешь? — Не болею, слава Богу, Санек. Спасибо тебе и девочке твоей. Пока тебя не было — она ко мне заходила. — Света?! — Может, и Света. Только я ее поспрошал: «Как тебя величать?», а она молчит. Молчком придет, молча постоит возле постели, посмотрит на меня, поулыбается, поставит на стол кринку молока и уйдет. Раза три была. А я как глотну того молока — в меня будто сила вливается. Сёдни вот не пришла. Утром я поднялся. Легко так — нигде не хрустнет, ничего не болит, как молодой. Я так давно себя не чувствовал. — Пап, мам! Я же вам говорил! Видите, она какая! Она все может! — Ну-ко, расскажи поподробнее — кто там к тебе приходил? Что за девчонка? — Высокая, худенькая, баская', в белом платье. — Ты уверен, что это не деревенская наша кто? — Ну, ты, парень, спрашиваешь! Я тут всю моло-дьяжку знаю, и наших, и пришлых. Не наша это деуш-ка! Это та, что у Саньки на стенках понаклеена. Тут уж не спутаешь. Так Света, говоришь, ее звать? А чего молчит-то? Немая али робеет? 1 Баская (диал.)•— красивая. 243 — Нет, деда, она просто такая — необыкновенная. К ней привыкнуть надо, настроиться, что ли... За разговорами они дошли до дома, где их поджидал священник. — Батя, познакомься. Это — отец Василий, батюшка из гledenской церкви. Согласился вот с нами на Покровский остров ехать. — Здравствуйте вам! — Старик снял свою шляпу и протянул сухощавую руку для рукопожатия. — Я — Аверьян Петрович, здешний старожил. — Очень приятно, — ответил батюшка и пожал старческую руку. — Иерей Василий. — Вы отчаянный человек, батюшка, если согласились туда плыть. Там опасно! Но все же вы — Божий служитель. Может, все сладится, и Бог вас сбережет. И моих неумных рядом с вами. Поезжайте. Если удастся пробраться туда — там красиво в прежние времена было. Почитай, цельный век там никто не маливался. — Спаси Господи вас, Аверьян Петрович, на добром слове! — поклонился батюшка. — Мы на обратном пути к вам заглянем — чайку попить, если позволите. — Да какой разговор, айда. Самовар скипятить — дело нехитрое, а воды у нас много. * * * Уже через десять минут они тем же составом вновь на лодке рассекали водную гладь. На носу впередсмотрящим сидел торжествующий Сашка. Он всматривался вдаль, подставив лицо ветру. Иногда оглядывался на остальных со словами: — Ну, я же говорил! Это ОНА его вылечила. ОНА нас ждет! 244 Пока остров сливался с противоположным берегом и был неотличим, но зато на фоне берега громоздилось какое-то странное судно. Оно стояло аккурат против острова, загораживая его своими высокими надстройками. — Пап, ты видишь — вон там. Это что? — Похоже на земснаряд. Вот так дела, еще вчера его не было! Неужто там копают? Давай-ко к нему причалим. Лодка легла на новый курс и направилась к необычному судну. Позади него виднелся зеленый остров, сквозь заросли которого угадывался церковный силуэт. Вскоре перед их глазами выросло громадное плавучее сооружение, предназначенное для углубления речного дна. Где-то на глубине оно могло черпать донный ил и песок своими ковшами, которые, как эскалатор, подымали все это вверх и сплевывали вместе с водой на пришвартованную рядом баржу. Это грандиозное плавучее стальное сооружение выглядело угрожающе даже сейчас, когда не работало. Александр причалил к земснаряду и поднялся на борт. — Мужики! Здорово! — обратился он к рабочим, курившим на палубе. — Загораем? — Привет! А ты кто такой? Рыбнадзор? Одетый в камуфляж Фомин и впрямь походил на егеря или рыбинспектора. — А хоть бы и так? — не растерялся Александр. — Ну, тогда ты не по адресу. Мы тут рыбу не ловим, — засмеялись рабочие. — А что тут происходит? — Плановые работы, — ответил старший. — Расширение русла, углубление фарватера. — И давно вы тут? 245 — Сегодня только подошли. Закинулись на этот остров, попробовали. Начали работать, а тут как полезли кресты да ограды, видно, со старого кладбища. Ну и гавкнулась машина. Наши поехали в Череповец за запчастями, а мы вот весла сушим. — Так вы и на остров пойдете? — Всё! Не будет больше никакого острова. Здесь будет проходить дополнительный фарватер, и остров мешает обозрению на повороте. Место это коварное, баржам трудно разминуться. А какое движение сейчас на Волго-Балте — сам знаешь. — А церковь? Что с нею будет? — Взрывотехники завтра придут. Обследуют здесь все и разнесут ее к едрене фене, эту грудку кирпича. — Это же... Погодите! Так нельзя! Это ведь — памятник! Охраняется государством. — Ой, не знаю, что тут охраняется, а только у меня все документы в порядке. Все работы согласованы. Хочешь — бумаги принесу и покажу. — Ладно, — сник Александр. — Все я понял. Попрошавшись с рабочими, он спустился в свою лодку и оттолкнулся от страшной машины. — Эй, рыбнадзор! Ты что, попа арестовал? — потешались рабочие. — Грешно, святой отец, здесь сети ставить. Фомин врубил мотор,

обогнул судно и на малых оборотах пошел к острову по пути, пробитому этим подводным бульдозером. — В общем, мы вовремя, — сказал Александр. — Завтра тут начнут все сносить. — Как? — вскрикнул Санька. — Там же такая красота! — Может, мы здесь для того, чтобы все это остановить? — предположила Наталья. 246 — Все, что ни делается, — все по Божьей воле, — отозвался отец Василий. — Раз мы здесь — значит, нас сюда Господь привел. Ни раньше, ни позже, а тогда, когда надо. — Так, ну теперь рули, Сусанин, — окликнул отец Саньку. — Как нам к церкви поближе подобраться? Лодка всплыла под зеленые своды деревьев, растущих прямо в воде. Фомин заглушил мотор и, стоя, отталкивался шестом. Мимо проплывали завитушки кладбищенских оград, заплетенные ивняком, чугунные и кованые кресты, вросшие в стволы деревьев, мраморные монументы, поросшие мхом. В кронах деревьев гомонили птицы. Лодка уперлась в дно. Богомольцы осторожно вышли щ забрав с собой сумки, нерешительно двинулись гуськом вдоль стены храма. Храм сквозь ажурную сень листвы рябил солнечными зайчиками по некогда беленым стенам. Выглядел он весьма плачевно и в то же время величественно. Трапезная часть, развороченная давним взрывом, грудилась горой кирпичного щебня, поверх которого росли молодые деревца. Летняя часть была более или менее целой, лишь купол наверху склонился и, казалось, грозил упасть при первом же дуновении ветра. Железа на кровлях почти не осталось. Снизу стены были подточены водой, которая всякий раз хлюпала характерным всплеском от любой, даже малой волны. Ощущение зыбкости этого строения не оставляло, должно было испугать любого, здание грозило обрушиться в любую минуту от первого же неосторожного прикосновения. Казалось, тут и взрывать-то ничего не надо — громко крикни, и этого хватит, чтобы все сооружение рухнуло само собой.. 247 Обойдя вокруг алтаря, они подошли к огромной ржавой двери на северной стене. — Батюшка! — обратился Саша к идущему сзади всех отцу Василию. — Доставайте ключ. Вот эта дверь. * * * Каждое лето мимо храма Покрова проплывали туристические теплоходы, и, глядя на церковь на зеленом острове, люди делились впечатлениями. Мама и дочь: — Вика, гляди, вон еще церковь... — Ма-а, а чего она такая разваленная? — Разрушилась от времени. Или сломал кто... — Кто сломал? — Безбожники. — А кто такие бес-божники? Это у которых бес вместо Боженьки? — Да, что-то вроде того. Те, кто в Бога не верят. И другим не дают... — А почему Боженька церковь не защитил? Почему Он разрешил ее сломать? — Не то чтобы Он разрешил... а просто не мешал. Чтобы, оглянувшись много лет спустя на свой поступок, люди ужаснулись и сказали: «Что же мы наделали?!» Чтобы почувствовали, как плохо жить без Храма, и начали снова строить Храм. Сначала в своей душе, а затем и на земле. — Так почему не строят? — А некому. Все умерли или уехали. Видишь, рядом ни одной деревушки. Люди не одумались, и Бог 248 их наказал — кого прогнал, кто умер, а дома ушли под воду. — А церковь почему не ушла под воду? — Чтобы помнили... Два бизнесмена: — Вот такую мы с батеи поставили в городе, даже чуть побольше — пошире. За одну зиму выстроили. Все там — купола, колокола, пол мраморный, люстры путевые — все дела. — Делать вам нечего. — А что? Солидно. Там золотая табличка на входе — так, мол, и так: «Сей святой храм выстроен на средства...» — ну мои то есть и бати.. Он с загранки такой в Россию влюбленный приехал. В Ираке электростанцию строил. Порассказывал всякого — мечетей навидался, молятся там все, верующие. А мы, говорит, русские, чем хуже? Долго меня доставал. Построили. Не жалею. Может, там Бог спишет мне грехов немножко. — У вас что, не было церкви? — Не было. Город ведь строился вместе с плотиной в «совковые» времена, там это было не предусмотрено. — А поп есть? — Не поп, а батюшка! Есть один, беженец из Узбекистана. — Узбек, что ли? — Нет — русский. Художник бывший. Кстати, классно рисует, тебе скажу. У меня дома две картины его есть. — Понятно. С него причитается за твою благотворительность. А что рисует? 249 — Вот это и рисует. Гляди, какой вид! Ну, прям открытка. И это ж надо, у каких-то уродов руки почесались тут все разбомбить. — Да тут, скорее всего, само все рухнуло — в воде стоит. — Венеция вон вся на воде стоит, сколько веков — ничего, не падает... Иностранец и экскурсовод (перевод с французского): — Скажите, это тоже храм? — Да, мсье. Заброшенный. — Как много тут церквей. И что, в них пусто? — В нашей стране еще десять-пятнадцать лет назад религия была запрещена. Неудивительно, что церкви теперь не работают. — Пока я путешествовал по России, мне показали немало монастырей и церквей. И вот что меня поражает — в них пусто. Музей есть, а жизни нет. Впечатление как от вымершего города. Здесь когда-то протекала жизнь. Где люди? — Мсье, вы имеете в виду монахов? — Да, то есть для кого все это построено. Где они? — Монахов нет, вы правы. У нас сейчас другая жизнь. Это все в прошлом. Но кое-где все ж монашество возрождается. — Получается, у вас все в прошлом. Но если сегодняшняя жизнь России протекает не в монастырях, то почему вы показываете только храмы? — Это позволяет вам понять нашу душу. — И это ваша русская душа — этот затопленный и заросший храм? Удручающее впечатление... — А что бы вы хотели видеть? 250 — У нас много говорят о возрождении России, вот и хотелось бы увидеть реальную жизнь русских. Мне понравился интересный такой мотоцикл с люлькой. Он мне напомнил войну. И еще газон косили ручной косой, как у нас в средние века. Запомнилась булыжная мостовая из дикого камня. Много домов из дерева... Священник с группой паломников: — Отче, простите, вы видите храм на острове? Это что такое? — Это храм Покрова Пресвятой Богородицы, построен в конце восемнадцатого века, закрыт и разрушен в тридцатые годы двадцатого. В церкви было еще два придела: один — в честь Казанской иконы, а другой — в честь Ильи Пророка. — Вы так хорошо знаете. Вы там бывали? — Нет, туда не пробраться. Все в воде и поросло диким лесом. Кроме того, это небезопасно. Храм простоял в воде чуть ли не сто лет, и не сегодня-завтра он рухнет. — Жалко как! Такой красивый... — Жалко, конечно, но что поделать... мы ему ничем помочь не можем. — Прямо-таки и ничем. Я тут участвовал в одной такой реставрации, лет пять назад. Вырубили деревья, навозили земли, укрепили фундамент бетоном. — А дальше? — А чего дальше, батюшка? Заходи и служи! — Сколько будет потрачено сил и средств, а для кого в этом храме служить? Народа-то вокруг нет. — Как для кого? Ну вы даете... Для Бога! • — Бог не в рукотворенных храмах живет. Церковь не может строиться в пустынных, безлюдных местах. 251 За ней надо ухаживать, ремонты делать,

не одноразово, а постоянно. Должна быть община. Должны быть священник и староста. Для того чтобы его восстанавливать, он должен быть чей-то. А он лишь островок на реке — часть пейзажа. — И что? Пусть погибает? — Поверьте, я разделяю ваше беспокойство, но гораздо более древние и уникальные церкви разрушаются, десятилетиями ожидая реставрации, а этот храм не представляет особой архитектурной и исторической ценности. Он такой, каких сотни и тысячи вы еще увидите за эту поездку. — Батюшка, а у него есть какая-то история? — Есть одно связанное с этим храмом поверье, за достоверность которого я не могу ручаться. Но слышать это приходилось от многих. Поговаривают, что иногда люди видят свет в его окнах и слышат пение, словно в нем совершается богослужение. — Там кто-то служит? — В том-то и дело, что это невозможно. Храм обрушен, все входы в него засыпаны, и внутри него вода. — Чудо Божие!!! Ну надо же! А давайте пропоём тропарь Покрову. Девчата, кто помнит? Батюшка, благословите... Подпевайте! Ну что же вы? Э-эх, непутевые. Давайте хоть акафистный припев: «Радуйся Радосте на-а-аша! Покрый нас от всякого зла честны-ым Твои-им омофо-о-рооом...» * * * — Слышите? Кто-то поет, — негромко произнес отец Василий. — Похоже на богослужебное песнопение. — Это — Света! — обрадованно чуть не вскрикнул Санька. — Она уже здесь! 252 Батюшка прильнул к двери и отчетливо услышал высокий голос. С трудом верилось в реальность происходящего, но это было поистине ангельское пение. — Как она там, заперта? Или у нее свой лаз туда есть? — обернулся отец Василий к Саше, извлекая из сумки ключ. — А для нее нет преград. Она еще и по воде ходить может! — Чудеса, да и только! — Батюшка Василий, — Наташа взяла из его рук сумку. — Вы не обращайте на него внимания, они все в его возрасте фантазеры. Кто летает, кто по воде ходит, кто машину времени изобрел. — Мам, я ничего не придумал. Ты сейчас все увидишь сама. Батюшка, ну же, открывайте скорей. Отец Василий послушно вставил ключ в замочную скважину и сначала аккуратно, а потом что было мочи провернул его в замке. Но вместо того чтобы открыться, дверь заскрежетала, и замок вместе с частью полотна двери оторвался и остался в руках священника. Дверь осыпала ржавчиной и накренилась. Видя, что она падает, Александр подскочил к батюшке и решительным жестом отстранил его от входа. От такого толчка отец Василий едва удержался на ногах, а замок, повисший на ключе, с куском двери невольно откинул в сторону. Железо с громким всплеском скрылось в темной воде. Остальные разбежались, а Александр, перехватив падающую дверную створку, направил ее в сторону. С лязгом и грохотом дверца ударила о стену и повисла на одной нижней петле. — Так, батюшка, — отряхивая руки, сказал Александр, — вы сюда молиться приехали, а не жизнью рисковать, так что теперь я вперед иду. И еще: как хотите, 253 а каски все же придется надеть. Наташа, возьми в сумке шлемы. В одной из сумок топорщились каски. Наталья извлекла оранжевые шлемы с подшлемниками, в каких обычно работают вальщики леса. Все послушно надели, даже батюшка, в полной мере осознавший опасность предприятия. Александр достал топор и в два счета вырубил из ближайшей древесины двухметровый посох. Затем аккуратно отвел в сторону вторую створку двери, за которой показалась вторая двухстворчатая деревянная дверь. За многие годы она почернела от сырости. В открывшейся створке зиял бесформенный проем. — Это я проделал, когда там был, — пояснил Саша. — Дверь вся трухлявая, пальцем можно проковырять. Александр осторожно расширил отверстие в двери до проема, в который свободно мог пройти сам. Дерево и впрямь податливо выкрашивалось как хлебный мякиш. В образовавшемся окне открывался вид на золото церковного убранства. На небольшом расстоянии, присев, отец Василий старался разглядеть внутреннее помещение. Наталья опасливо поглядывала на кирпичный карниз над головой мужа. Саша не дышал в предвкушении долгожданной встречи. Пение замерло уже в момент падения первой дверцы, и теперь Санька не знал, может, они спугнули Ее. Фомин, оглянувшись на остальных, дал знак, чтобы они стояли на местах. Сам же заглянул внутрь, попробовал опору внутри посохом и, перекинув ногу, исчез в проеме. Было слышно, как в сводах храма отражались тихие всплески от его сапог. Батюшка не упускал его из виду сквозь проход. Александр, проверяя перед собой путь, пускал круги по воде своим посохом и шел 254 ровно. Дойдя до середины храма, он запрокинул голову вверх, поддерживая каску. — Э-ге-гей! — крикнул он и прислушался. Потом он оглянулся и уже смелее повернул обратно к выходу, и вскоре в проеме показалось его восхищенное лицо. Минуту он ничего не мог сказать, только разводил руками, потом с трудом выдавил: — Это ЧТО-ТО!!!! Пошлите! Вы должны ЭТО увидеть!! Сначала батюшка, а за ним Наталья и Саша, робея, шагнули в проем. — Смело шагайте. — Голос Александра эхом отражался от высоких стен. — Полы под водой, видно, были все время и от этого только задубились. Здесь везде достаточно прочно, и воды по щиколотку только. Величие увиденного не могло вместить сердце отца Василия. Он мог ожидать чего угодно, но только не такой красоты. Здесь словно остановилось время. Мало что здесь подверглось разрушению и выглядело скорее не испорченным, а обветшавшим и совсем не задевало глаз. Зато великолепие резного золоченого иконостаса, небесная голубизна росписей свода и изысканность дорогих подсвечников и лампад просто завораживали. Непривычно было лишь то, что пол весь глянцева пленкой воды и в нем, как в огромном зеркале, отражалась глубина свода. Это производило ошеломляющее впечатление бесконечности пространства, уходящего как бесконечно вверх, так и бесконечно вниз. Свет, льющийся из-под купола, лишь усиливал этот эффект. — Вам не кажется, что мы с вами стоим на рубеже времени и пространства? — тихо произнес отец Василий. — Мы с вами не только в церковь зашли, мы 255 шагнули в вечность, над которой не властно мимоте-кущее время. То, что на церковном языке звучит как «во веки веков», это не просто «очень долго», это выражение вот такого состояния — надвременности свершающихся событий. — Одного понять не могу: почему до сих пор сюда никто не добрался? — изумленно прошептала Наталья. — Потому и не добрался, что Господь устроил так, что здесь время текло иначе, чем вовне. Оно здесь по какой-то неведомой нам причине замерло. — Получается, нас только Бог ждал, чтобы опять здесь затикали часы? — обернулся к батюшке Александр. — Кстати, отец Василий, зря вы каску сняли, все же надо поостеречься! — Боже, какая красота! Как же жалко, что все это в любой момент может пропасть! — чуть не плача,

покачала головой Наташа. — То, что с нами сейчас происходит, мы осознаем позже! — проговорил отец Василий. — Человеку от природы Богом заложено вечное бытие. И то, что мы его лишились, чрез грехопадение Адама и Евы, это наша беда, но где-то в глубине нашего богоподобного существа мы сопричастны вечности. Внутренне мы готовы к жизни во веки веков, но в окружающем нас несовершенстве падшего мира мы не видим примера пакибытия. Не можем ощутить это дыхание бесконечной жизни. Но сегодня нам выпала великая честь почувствовать это несказанное блаженство. Господи! Слава Тебе!! — Алилуйа! — отозвался высокий голос с клироса. — Это ОНА! — одними губами произнес Саша. 256 Батюшка сделал несколько шагов по направлению к клиросу. И там, в глубине, сквозь вязь решетки на солее, он увидел светлое пятно. На полу клиросного помоста замерла в земном поклоне распростертая фигура. Она лежала, склонив на руки голову с волнистыми золотистыми волосами, по направлению к идущему к ней священнику. Отец Василий поднялся по ступеням на клирос и обратился к лежащей ниц незнакомке: — Кто вы? И как вы сюда попали? В ответ на его слова девушка легко поднялась на ноги. Даже Саша, готовый уже было подойти к ней и поздороваться, не узнал свою Свету и замер в нерешительности. На голове ее, заплетенной изящными косами, красовалась дивная диадема, сияющая алмазными высверками. Плечи покрывала длинная золотистая накидка, состегнутая на груди драгоценной фибулой. Привычное простое белое платье сменило длинное, струящееся тонкими складками, легкое, словно воздушное одеяние с богатым оплечьем, расшитое золотыми и серебряными нитями, из широких рукавов которого виднелись ее руки, украшенные браслетами, которые были унизаны драгоценными камнями, наподобие поручей священника. Это была не просто девочка, а настоящая принцесса. Все ризы ее словно светились изнутри. В руках она держала полупрозрачную сферу и с глубоким почтением и любовью смотрела на священника: — Аз есмь посланник Бога Вышнего! Волею Вседержителя хранитель храма сего ныне предстою zde пред Господем Моим! Ты же иерей еси во век по чину Мел-хиседекову! Изуй сапог с ногу твою, место бо, на нем же ты стоиши, свято есть! 9 Зак. № 2575 257 Чувство священного трепета охватило отца Василия от этих слов. Он склонился пред Ангелом Божиим в земном поклоне и, поднявшись, поспешно разулся. Его босые ноги почувствовали вместо ожидаемой сырой холодности теплый пол. Уровень алтаря и солеи был выше, чем вообще в храме, и потому тут было сухо. Грязные резиновые сапоги свои он отставил в сторону и вновь взглянул в глаза Ангелу: — Что... я должен... сделать? — Не бойся, ниже ужасайся, пойми с собою вся потребная к совершению Божественной Литургии, и взойди во святыи алтарь ты, и отрок сей Александр, да будет он во услужение тебе. Там, на Святом Престоле, БОГ наш предлежащими почивает таинства, ожидающе, ег-да чистою совестию, непосрамленным лицом и просвещенным сердцем сих причастишися святыни и от них оживотворяем, соединишися Самому ХРИСТУ, истинному БОГУ нашему. * * * Супруги Фомины стояли посреди храма рядышком, обнявшись. Стоя среди зеркальной водной глади, они, затаив дыхание, наблюдали за происходящим, с трудом относя все то, что свершалось на их глазах, к области реальности. Наталья прильнула к своему мужу. Все, что она видела и ощущала, не вмещалось в ее сознание. Сначала ей захотелось убежать. Потом она сделала над собой усилие и осталась. Тем более чисто женское любопытство все равно принудило бы ее вернуться. Если бы ей повстречался гуманоид с Марса, она на это отреагировала бы более адекватно, но ее психика не предполагала встречи с ангельским существом. Она была в высшей степени растерянности и давно бы подумала, что она не в себе, если бы не то же самое видели и все остальные. Самым решительным, как и полагалось, был батюшка, он даже с НИМ заговорил. Правда, из всего сказанного она все равно ничего не поняла, кроме того что ОНО знакомо с Санькой. Александр был более подготовлен к встрече с чудом. В сияющем белизной существе он без труда узнал «девушку с рисунка». Только теперь к нему пришло в полной мере осознание Сашкиной правоты. Он и впрямь мог с НЕЙ ходить по воде. ОНА и впрямь могла его так попросить, что он не в силах был ЕЙ отказать. Понятны стали и последние слова отца Василия о пространстве с остановившимся временем. Ощущения были такие, что и впрямь казалось, что, переступив порог этой церкви, они попали в другое измерение. Страх оказаться под обрушившимся сводом сменил страх другого рода, Александр впервые испытывал религиозное чувство, то есть такое состояние, когда в существовании Божиим не только не сомневаешься, а чувствуешь близость Его до дрожи в суставах. Отец Василий взял с собой свои сумки, и они вдвоем с Сашей вступили в темный алтарь. Саша оглянулся на свою Свету и прочитал в ЕЕ глазах радостное приветствие. Но не смел даже думать приблизиться к НЕЙ или заговорить. Он просто улыбнулся в ответ. Дверца с образом святого диакона Евпла легко отворилась и без всяких препятствий пропустила их внутрь. Следуя за батюшкой, Санька, так же как и он, совершил три земных поклона, мало понимая в темноте, куда они попали. 259 — Батюшка! А почему мне не удалось прошлый раз сюда зайти? — спросил Саша шепотом. — Это — Святая Святыи храма. В алтарь может войти мирской человек, не иначе как только с благословения священника, — так же тихо ответил отец Василий. Так они и стояли во мраке, пока вдруг, словно по мановению волшебной палочки, не стали открываться окна. Сразу они не поняли, как это произошло. Неприятный звук, сопровождавший проникновение внутрь света, впоследствии оказался звуком откручивающихся гаек, со скрежетом проворачивавшихся по резьбе с запекшейся на ней ржавчиной. Гайки отвернулись одновременно у всех окон в алтаре и храме и упали на подоконники, дружным щелчком возвестив о своем падении. Затем, словно выстрелив, вылетели металлические штыри, скреплявшие железные ставни окон. После чего и сами ставни резко, лязгнув на намазанных петлях, распахнулись. Все это произошло почти мгновенно, отчего было похоже на внезапно зажегшийся электрический свет. Все дрогнули и заозирались, опасаясь обрушений, но от этих резких звуков ничто не шелохнулось. Наоборот, при более ярком свете церковь стала выглядеть благообразнее, в стенах не было трещин или выступающих из свода кирпичей, деревянные тябла иконостаса и киотные конструкции, закрывающие клироса, не накренились, не извелись, даже стекла в окнах по большей части сохранились целыми. Как бы отвечая на опасения, сиятельное существо

обернулось в сторону оробевших Фоминых и произнесло: — Души праведных в руке Божией — и не прикоснется к ним мука! 260 — Могу ли я это понимать так, что с нами ничего не случится, все же церковь в аварийном состоянии? — робко обратился Фомин. — Да и мы, в каком-то смысле, не совсем праведные... — Нечто помыслиша вы, яко призва вас Господь, дабы быхом измерли бы от обрушения камня сего в храме сем? Се заповедаю вам: крепитесь и мужайте-ся, ниже ужасайтесь, ниже убойтесь: яко с вами Господь Бог наш во всех, а може аще пойдете. — Ладно! Будем надеяться, что все так и будет. Яркий свет залил алтарь. Первое, что отец Василий увидел рядом со своими босыми ногами, — пару отличных яловых сапог, стоявших в нишке между стеной и иконостасной рамой. «Ну да! — мелькнула мысль. — Не служить же мне босиком». И тут же в узком проходе дьяконской двери он примерил прекрасной выделки кожаные сапоги, которые к тому же оказались ему в самый раз. Рядом с ними лежала и пара белых портянок, но поскольку он не умел их наматывать, предпочел им свои носки, пятью минутами ранее спрятанные в карман. Санька же так и остался босым. Он опустил на пол тяжелую сумку и огляделся. Если в храме еще кое-где виднелись черты обветшания и запустения, то алтарь показался ему вовсе нетронутым. Иконы переливались окладами, когда скользящий сквозь листву луч солнца касался серебряных риз. На полукруглом потолке, на голубом фоне яркими, сочными красками были изображены святые лики. На столе, аналое, на лавочках, словно свеженакрытые, лежали голубые по-крывалки. Нигде не было даже паутинки, ни слоя пыли — ничего такого, что выдавало бы долгое отсут- 261 ствие здесь заботливой человеческой руки. По центру располагался Святой Престол, на котором возвышался продолговатый стеклянный колпак с круглым верхом, внутри которого, как экспонат в музее, стояла дарохранительница в виде пятиглавой церковки — вся из серебра, с фигурками двух ангелов с рипидами над ковчегцем с Дарами. Большое Евангелие стояло возле дарохранительницы справа, другое, поменьше, — лежало слева. Перед дарохранительницей горела (!) лампадка, с двух сторон которой стояли подсвечники с опльвом давно прогоревших свечей. Там же с двух сторон лежали два массивных креста — один богато украшенный эмалью и стразами, а другой попроще, но тоже с рельефным изображением распятия. За престолом возвышался, похожий на ветвистое дерево, серебряный семисвечник. Ну и конечно же, не могли не обратить на себя внимание Святые Сосуды, стоявшие на раскрытом антиминсе. Из-под расшитых золотом темно-синего бархата воздуха видны были только подножия Чаши и дискаса, но уже и то, что открывалось взору, давало понять, что это — подлинные произведения искусства. Отец Василий словно охмелел от захлестнувших его чувств. Великолепие убранства само по себе было невообразимо, но если учитывать, что все это простояло так без малого столетие, вовсе выбивало почву из-под ног. Как священник, он поразился еще и тому, что Сосуды не убраны в сосудохранилище и стоят, покрытые на развитом антиминсе, так, будто служба не закончена. Батюшка с благоговением приложился к престолу и встал в предстояние. Бережно он приподнял воздух с Чаши... и обомлел. Потир был исполнен! В Чаше находилось Святое Причастие! Раздробленное и приго- 262 товленное «в снедь верным», оно испускало легкий пар, так, будто теплота была влита минуту назад. Дрожащие персты священника коснулись металла Чаши. О чудо! Она и впрямь была теплой! Невероятно, но создавалось впечатление, будто священник только вот всыпал в потир раздробленные частицы Тела Христова и покрыл их покровцом, чтобы вынести Чашу в народ для причащения, но почему-то вдруг отлучился. Не веря глазам своим, отец Василий склонился над Чашей, дабы обонять ее содержимое. Если это были хлеб и вино, то такое смешение за гораздо более короткий срок если бы не высохло, то превратилось бы в голый уксус. Он был готов к резкому удару кислотного запаха, но его ноздри уловили аромат настоящего винограда и теплоту хлебного духа. — Вот оно что! — сказал себе отец Василий. — Так я должен потребить эти Дары, как делаю это обычно после всякой литургии! — Внемли, о Иерее! — услышал он голос Ангела с клироса. — Доверши настоящую Святую Божественную Литургию! Яко же некогда литургисал во граде Хромтау! В памяти батюшки вмиг ожило воспоминание о той незабываемой службе. Когда он еще служил в воинской части, в соседнем городе, Хромтау, умер пожилой священник — именитый митрофорный протоиерей Николай. Ему было далеко за восемьдесят, но он не сдавался, служил всякую седмицу, несмотря на немощи и болезни. И вот однажды его сердце остановилось, не вынеся нагрузки. И случилось это прямо на воскресной литургии. Даже клирос не сразу понял, что 263 случилось с их пастырем. Только в церкви повисло неуместное молчание. А он тихо сполз по стенке иконостасной преграды, сжав в руке наперсный крест, и затих на ковре в предстоянии. Когда уставщица, выдержав долгую паузу, робко заглянула в алтарь, только тогда они поняли, что их любимый батюшка представился ко Господу. Тогда отец благочинный вызвонил отца Василия с тем, чтобы тот приехал пораньше, чем мог вырваться он сам, и дослужил, если это возможно, литургию, а также свершил все необходимое, что причастует усопшему священнослужителю. Молодой и неопытный в таких тонкостях отец Василий по дороге в Хромтау проштудировал тогда «Настольную книгу священно-церковнослужителя» Булгакова и нашел в ней такое место: «Если священник перед освящением Даров тяжело разболится, так, что не в состоянии будет докончить службу, или скоропостижно умрет, — служба оставляется. Если же случится это после освящения Даров и если найдется в церкви другой священник, готовый к причащению Святых Тайн, в таком случае он должен докончить литургию, начав с того места, на котором остановился первый, и потребить Святые Дары». Так он и сделал; благоразумно не запив потребленную Чашу у себя на службе, он отправился за двести километров в другой город. Для него было обычным делом сразу после литургии служить водосвятие, затем петь панихиды и погребения, а за ними и крестить. От этого потреблять Дары он мог лишь после того, как полностью отпустит весь народ, собиравшийся в храм на богослужение за многие, иногда сотни километров. Звонки благочинного застал его как раз на молебне. Попросив прощения у прихожан, батюшка потребил Святые Дары и отправился в путь. 264 Приехав в хромтаускую церковь, он увидел, что священника прихожане уже вынесли из алтаря и положили посередине храма на сдвинутые лавки. А зайдя в алтарь, увидел ту

же картину, что и сейчас, — покрытые покровцами Сосуды с уже Пресуществленными Дарами. Тогда он спросил уставщицу, на чем они остановились, и выяснил, что Господь сподобил своего раба, протоиерея Николая, причаститься Святаго Тела и Крови Христовой, а вот прихожанам своим он Чашу так и не вынес, лишь только успел открыть завесу царских врат. Отец Василий облачился во все одежды и вынес Причастие. Со слезами скорби и утешения принимали тогда хромтауские прихожане Святые Дары. Никто из них не покинул храма, доколе не дождался приезда священника. А все то время, что отец Василий мчался в Хромтау, над телом горячо любимого батюшки Николая клирошане, сменяя друг друга, читали Евангелие. Это была очень трогательная и запоминающаяся служба. А потом, спустя месяц после этого, воинскую часть расформируют, и отец Василий становится настоятелем церкви в Хромтау. Только теперь иерей Василий понял всю полноту возложенной на него миссии. Тот, кто некогда уже имел опыт подобной службы, как и тогда, много лет назад, вычитывал молитвы приготовительные к совершению литургии, предполагая служить ее сегодня, но он не мог предположить, что это будет за литургия. Облачившись во все священные одежды, которые аккуратно были сложены в ризной части алтаря, он возле престола долго читал все те молитвы, какие необходимо было вычитать священнику, службу совер- 265 шающему. Тем временем Саша в пономарке раздувал кадило, привычный к разжиганию дедова самовара. Спустя какое-то время все было готово к продолжению замершей на столетие службы — горели семисвечник и все лампы, жаром дышала кадильница, было прочитано все необходимое. Батюшка снял с Чаши покровец и заглянул внутрь. Священник, который начинал совершать эту литургию (а это был отец Георгий, в чем уже не возникало сомнения), уже причастился, но из той частицы, что полагалась священнику, он принял лишь половину, ввиду большого Агнца, и эта часть с литерами «ХСЪ» виднелась среди других, более мелких раздробленных частиц. «Это моя часть!» — про себя произнес священник и со слезами благоговения трижды земно поклонился Дарам. Произнеся одними губами молитву «Верую, Господи, и исповедую...», он приобщился Святых Христовых Тайн. После чего так же тихо прочел благодарственную и, обошедши престол, бережно снял с дарохранильницы стеклянный колпак. Затем он взял серебряный, глянцующий зеркальными боками ковчежец с маленькой фигуркой гробика Христова сверху и снял крышечку. Внутри он наполовину был заполнен частицами запасных Даров. Эти маленькие розовые кубики священник со благоговением высыпал в Чашу. И аккуратно смел губкой туда же оставшиеся в ковчежце крошки и, водворив его обратно, закрыл дарохранильницу колпаком. Теперь можно было продолжить службу. Развернувшись к царским вратам, батюшка отверз катапитасму и распахнул врата. С хлопком, похожим на звук 266 зажегшейся газовой конфорки, на паникадиле вспыхнули все свечи. Церковь словно ожила. Несмотря на то что во всем храме и прихожан-то было двое — Александр и Наталья, не покидало ощущение заполненности святых стен. Казалось, внутрь всего его существа проникало Причастие. Отец Василий физически переживал прикосновение Божие к его сердцу. «Дискос чист, следовательно „Отмый, Господи...“ уже было», — размышлял отец Василий, приподнимая другой покровец. «Перенесение Даров!» — услышал он в тишине ангельский глас. «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!» — возгласил священник, осенив крестом стоящих и молящихся Фоминых. «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть» — это пение сорвалось с ангельских уст и наполнило дивным звучанием, казалось, всю Вселенную. Это пение, как фонтан, выплеснуло ввысь и заиграло под куполом переливами. Саша, стоявший с кадилом, даже не заметил, как батюшка прошел с Сосудами от престола к жертвеннику. Эта до боли знакомая песнь его Светы впервые не оборвалась, а позвучала до конца. В его душе словно зажглась новогодняя елка, он почувствовал себя на седьмом небе. Очнулся лишь тогда, когда отец Василий с усилием забрал из его рук кадило. — Сашенька, не спи! — сказал он ласково после каждения. — Держи кадило обратно. «Прости приемше...» — произносил батюшка завершающую ектенью, впервые слушая умиленное ангельское пение в ответ на свои возгласения. Он 267 давно уже потерял ощущение реальности происходящего, и единственное, что удерживало его от обморока, — это важность и высота свершаемого деяния. Слезы радугой стояли в его глазах; ему казалось, что он чувствовал свое недостойнство и худость. Но куда Господь терпел его служение, он истово и ревностно свершал величайшее из служений — БОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТУРГИЮ. * * * Самым удивительным было то, что батюшка не совершал ничего необычного. То, что он делал до этого многожды много раз, то же самое он творил и сейчас. Но только сейчас впервые он ощутил всю подоплеку свершающегося. Сколько силы было в простом движении кадила, сколько мощи в преподаваемом благословении, сколько животворящей энергии в каждом произносимом слове! Литургическое священнодействие как никогда раскрылось перед ним во всей своей Божественной красоте и премудрости. То, что раньше оставалось за рамками привычных обрядовых действий, с этого момента зазвучало в полный голос. То, что лишь подразумевалось, — с ошеломляющей открытостью явилось во всем своем величии. То видение духовного плана бытия, которого удостаивались лишь особо одаренные Богом подвижники в минуты молитвенного озарения, представилось и ему, никакими особыми подвигами того не заслужившему. Он словно взошел на Небо и со всею неуместностью своего земного существа неуклюже молился там, куда раньше лишь воздевал руки. 268 Он испытывал смешанные чувства. С одной стороны — он блаженствовал, сердце его ликovalo! Так ликует изжаждавшийся путник, припавший к родниковой воде, так блаженствует утомленный безжалостным жаром, освежающийся в прохладных струях щедрого дождя, так радуется заблудившийся в лесной чаще, увидевший просвет в чащобе и вожделенный выход. Но с другой стороны — он боялся. Боялся ответственности, которая возлагалась на него в этот момент, боялся своего убожества и несовершенства, боялся каким-то, даже самым малым, неуместным жестом, звуком, интонацией нарушить святость происходящего. Взошедши в алтарь по заамвонной молитве, отец Василий приложился к престолу и, надевши камилавку, развернулся, чтобы «благословить люди». И тут взгляд его уперся в стенную роспись, на которой

Пресвятая Богородица распростила над молящимися свой Покров. То ли она стала как бы ярче остальных, то ли она написана была как-то иначе, но тех нескольких мгновений, что он смотрел на нее, вполне хватило, чтобы выделить ее среди прочих фресок. Это был большой образ, написанный на западной стене, прямо напротив царских врат, над входом, заваленным горой кирпичного щебня. Раньше, когда в храме было темновато, он был плохо виден, но сейчас белизна распростертого плата даже резала глаз. Литургия подошла к концу. Отец Василий взял самый нарядный из на престольных крестов и развернулся к молящимся. На последнем ангельском — «Благослови» — он произнес благословение: «Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Сво-ея Матери...», и на этих словах образ Богородицы Покрова... словно сошел со стены! Пречистая Дева чуть 269 воздвигла свои руки, подняла глаза вверх и разжала длинные пальцы. Покров, полупрозрачная белая пелена, с высоты заструилась вниз, как туман, медленно окутывая все вокруг. В столпе света от купола, как мотыльки в свете ночного фонаря, замелькали радужные искорки, и весь храм наполнился несказанным благоуханием. А за окнами дотоле ровно стоявшие деревья, будто от порыва ветра, сильно колыхнулись, так, что замелькали на стенах тени от мятущихся крон. — Батюшка, вы видите ЭТО? — рядом прозвучал в тишине Сашин голос. — Вижу, чадо, и ужасаюсь!! Как в замедленной съемке, дымчатая пелена опускалась вниз, а когда она уже должна была коснуться восхищенных богомольцев — вдруг растаяла. Вместе с этой пеленой растаяло и все великолепие храма. Словно чья-то рука смыла яркие краски со стен. Только что радовавший глаз образ Богоматери остался наполовину обрушившимся, а оставшиеся следы вспучившейся краски едва намечали прежнее совершенство стенописи. Там, где только что были изображены святые лики, сквозь редкие пятна штукатурки со следами краски обнажилась кирпичная стена с белыми полосками известкового раствора. При этом ничего никуда не падало, а словно растворялось — как лед в теплой воде. Потускнело и покрылось зеленью серебряное убранство храма. Краски на иконах пожухли и покрылись сетью кракелюр, местами даже отстали от досок, повиснув на паволоке, или даже вовсе осыпались. Вмиг струхшие рамы не в силах были сдержать даже тяжесть стекла, отчего оно выпадало из окон и, не долетев до полу, без- 270 звучно таяло. За какие-то минуту-две церковь состарилась на столетие. Батюшка опасливо оглянулся. Тление не коснулось лишь алтаря. — Имате бо малое время, дабы потребити Святые Дары, и остаивити церковь, внегда молити ми ся ко Господу со благодарением! — грозно прозвучал голос Ангела. Отец Василий попытался было закрыть царские врата, но резные вратницы сошли с петель и, переломившись в его руках, упали к его ногам, распавшись на куски. — Что же это, Господи? — испугался он и метнулся к жертвеннику. При этом он одной ногой проломил под собою половицу и неловко навалился на престол. Прежде казавшийся незыблемым, огромный, затянутый голубую тканью престол хрустнул, как валежник под ногой, и подался в сторону горнего места. Семисвечник упал на архиерейское седалище, и лампы из него раскатились по полу. При этом крышка престола наклонилась в сторону батюшки, и все, что было на ней, поползло к краю. Не в силах быстро вытащить ногу, сидя на полу, запутавшись в ризах, отец Василий успел только перехватить Евангелие и кресты. Остальное — подсвечники, лампада, дарохранительница — покатилося на пол. Стекланный купол разбился вдребезги, а почерневшая дарохранительница развалилась на части. — Батюшка! — крикнул из храма Александр. — Вам нужна помощь? У вас все в порядке?! — Берите Сашу и все уходите из церкви! — откликнулся отец Василий. — Я выйду минут через пять. 271 Батюшка поднялся и, добравшись до подоконника, положил там Евангелие, кресты и антиминос. — Сашенька, — обратился он к опешившему мальчишке, — выходи на улицу и жди меня там. Фомин уже стоял в проеме дьяконской двери. Александр протянул сыну его сапоги и помог ему спуститься по расшатавшимся ступеням. — А вы?! — вновь приступил Фомин к двери алтаря. — Я обещал обеспечить вашу безопасность и не могу вас здесь бросить. — Нет, прошу вас, выходите. Со мною ничего не случится! Но у нас мало времени, а я должен еще потребить Дары. — Правда? Все будет в порядке? — спросил Александр, обернувшись на клирос, где все это время стоял Ангел-Хранитель. Отцу Василию не было видно, что ответил ему Ангел, но только Фомин послушно спустился и направился к выходу. Только когда всплески шагов скрылись за дверью, батюшка возгласил: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» «Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко не отринул мя еси грешнаго...» —звучал чистый голос с клироса. Время пошло. Заткнув за подбородок илитон, отец Василий взял в руки Чашу и лжицей стал зачерпывать и поглощать содержимое потира. То, что с обстоятельностью и неспешностью он обычно делал минут за пять, сейчас он сделал за минуту. Озираясь одними глазами по сторонам, он видел, как чернеет иконная олифа, как истлевают ткани полотенец и завес, как рассыпаются оконные рамы. С ужасом и оторопью он вмиг разоблачился. Не успев снять епитрахиль, он увидел, как 272 только что снятая им фелонь выцвела, распалась и сдута сквозняком с источенного шашелем стола. Не дождавшись, пока он разуется, разошлись и спали с ног остатки сапог. Единственное, что не теряло своего блеска и красоты, был Евхаристический набор Святых Сосудов, которые теперь даже неуместно смотрелись на покосившемся жертвеннике среди тлена посеребривших риз. Не раздумывая долго, батюшка положил их в свою раскрытую сумку вместе со своими требными принадлежностями. Туда же бережно он сложил антиминос, отряхнув с него лохмотья илитона. Еще он попытался спасти Евангелие, но только он тронул книгу, как массивная крышка переломилась, как будто вафельная, а потемневший оклад ее порвался с легкостью алюминиевой фольги. Он вынужден был оставить все и как можно быстрее покинуть церковные стены. Так, как сейчас он слушал слова благодарственных молитв, он их не слушал никогда. А тем временам Ангел читал уже заключительные строки, обращенные к Богородице: «...и сподоби мя, до последнего моего издыхания, неосужденно приимати Пречистых Тайн освящение...» Батюшка прыгнул в свои сапоги и на ходу, шлепая по воде, направился к выходу, крестясь и шепча: «Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!» Ангел, казалось, ничуть не обращал на него внимания. Светлый лик его был обращен на переливающуюся радужными всполохами сферу в руках, в которую он смотрел как в книгу. Молитвы слетали с его уст легко, как

дыхание. Уже достигнув дверей, отец Василий нерешительно поклонился Хранителю. Тот по последней молитве поклонился священнику, расprostершись ниц в земном поклоне. Затем поднялся и продолжил: 273 «Ныне отпускаеши раба Твоего, по глаголу Твоему с миром...» Батюшке помогли выйти. Фомин сразу же забрал у него сумку и нахлобучил ему каску. — Все нормально? Что это все было? Как это все понимать? — засыпали его богомольцы нелепыми вопросами. — Тсс-с! — приложил к губам палец отец Василий. Все замерли. Даже отсюда, с улицы, сквозь черные провалы окон доносилось до них ангельское чтение. Хранитель читал «Отче наш». — Идемте, батюшка, — прикрывая собой, Александр вел его вдоль стены с выкрашивающимся кирпичом. Батюшка шепотом повторял слова молитвы: «...и остави нам долги наша, яко же и мы...» Уже ступив в лодку, он все еще оглядывался на величественную церковь, из черных глазниц которой доносились высокие ноты ангельского голоса: «...но избави нас от лука-ваго-о-о». В наступившей паузе отец Василий громко и даже надрывно возгласил, с тем расчетом, чтобы его было слышно в храме: «Яко Твое есть Царство... и сила и слава... Отца и Сына... и Святаго Духа... ныне и присно... и во веки векооо-ов!!!» Ответом ему было протяжное: «Амиинь». Но звук ангельского голоса утонул в страшном грохоте. Купол храма вдруг дрогнул, просел и обрушился внутрь. Отец Василий присел, обхватив голову руками. Наташа вскрикнула. «Света!!!» — перехватило дыхание у Саши. — Батюшка, уходим! — сквозь грохот прокричал Александр и резко оттолкнулся шестом. Открыв глаза, священник увидел, как вслед за обрушением свода стали падать внутрь стены, обрывая 274 железные стяжки. Слово от взрыва над местом, где только что они молились, поднялась туча пыли. Осколки кирпича забарабанили по лодке, забулькали рядом в воду, несколько осколков щелкнули и по его каске. Лодка двигалась быстро, и вскоре заключительный акт этой драмы скрылся за зеленым занавесом листвы. Они выплыли на солнце. Александр бросил шест, и мотор взревел. Последний раз оглянувшись на остров, они увидели, что вместо привычного силуэта храма там, над зарослями, клубилось облако кирпичной пыли. Все молчали. Саша всхлипывал, прижавшись, как в раннем детстве, к материнской груди. Александр правил лодкой, с суровым лицом вглядываясь вдаль. Отец Василий, переполненный священным трепетом, сидел, закрыв глаза, и, осмысляя все происшедшее, переживал его заново. Внутри него словно эхо звучали последние слова, сорвавшиеся с его уст: «...и во веки веков».

Аминь

(вместо эпилога)

Возле дома священника остановилось желтое такси — «Волга» с высокими «шашечками» и номером 057 на борту. Все говорило о том, что пожаловали гости из области. Матушка Ирина выглянула в окно. Из автомобиля вышел высокий подтянутый мужчина, забрал из багажника большую черную дорожную сумку и рассчитался с водителем. Машина газанула, и у дома на фоне молодой зеленой травки дорожной обочины осталась одинокая фигура в черной кожаной куртке. Мужчина не спешил развернуться лицом к окнам, аккуратно складывая портмоне во внутренний карман куртки. В короткой стрижке и широких плечах матушке никак не удавалось опознать гостя, который, судя по размерам багажа, приехал сюда всерьез и надолго. Человек за окном поставил сумку на землю, размял плечи, оглянулся по сторонам и глубоко вдохнул свежий весенний воздух. А посмотреть тут было на что. Город Гледенск весной выглядел как-то особенно хорошо. Невысокие, утопающие в яркой зелени только что распустившихся листьев деревянные дома, не похожие друг на друга, будто отмылись и выглядели очень живописно. Кудрявая резьба их подзоров и наличников, не без основания считавшаяся главной достопримечательностью этого провинциального городка, именно в эту пору, еще не 276 запылившаяся от неасфальтированных улиц, была особенно хороша. Над крышами домов, над трубами со старинными дымоходами возвышались купола церквей. А выше их сияло пронзительное голубое небо с островками белых облаков. Солнце светило ярко и ослепляюще сквозь хрустально чистый воздух. Веял легкий теплый ветерок, и пахло цветами. Матушка не выдержала паузы и вышла на крыльцо встречать неведомого гостя. На улице было приятно и свежо. Щebetали птицы. Она укутала плечи пуховым платком. С высоких ступеней она окликнула человека, подумав, что он не решается зайти, а может, не к ним или заблудился. — Молодой человек! Вы к батюшке? Мужчина обернулся, как по команде: — Так точно, матушка Ирина, к батюшке и к вам, если разрешите! — Вадик!!! — узнала матушка в госте прежнего молодого лейтенанта. Она сбежала по ступеням прямо в тапочках, открыла калитку. Вадим подхватил сумку и зашел во двор. — Боже мой! Какой ты огромный мужичина, чем же вас там, в армии, кормят? Тебя и не узнать. Какими судьбами? Проходи! — Здравствуйте, матушка! А вы такая же, ничуть не изменились. Зато дети, наверное, подросли. Разрешите хоть обнять-то вас? Не видались кучу лет. — Речь Вадима так заметно отличалась от местного, уже привычного говора, он сильно «акал», как это делают москвичи. Он, отпустив сумку, заключил матушку в объятия, бережно и уважительно. Та утонула в скрипе кожи и аромате дорогого парфюма. 277 — Какими судьбами, Вадюша? Как я рада! Проходи в дом! — Да вот, матушка, был в командировке в Питере. А тут до вас рукой подать. Подумал, если сейчас не выберусь — потом специально не соберусь. — Так ты ненадолго? — огорченно спросила Ирина. — Завтра вечером должен отбыть. Ну, хоть так, а то живем на разных концах страны. Вы-то ко мне в Астраханскую губернию точно не приедете. Они зашли в дом. Вадим разулся, разделся и присел за стол. Матушка поставила чай и засуетилась на кухне, через дверь разговаривая с ним: — А где ж твоя военная форма? Или ты уже уволился из рядов?.. — Никак нет — служу. Недавно вот подполковника получил. — Что ты говоришь?! Ну, ты теперь большой человек! Вы с батюшкой идете «ноздря в ноздю» по карьерной лестнице. Он ведь тоже теперь — протоиерей! Ну, и я вместе с ним теперь — протопопица! — Здорово! Вы молодцы. Мне с вами не равняться. А где, кстати, хозяин? — А

он вот-вот будет. Только он сразу на службу. Слушай, сколько же мы не связывались? Года два? — Если не больше. У меня тут с рождением дочки жизнь пошла суматошная, да на службе там пертурбации. В общем, растрепался весь, молиться некогда, до церкви добираюсь только на Пасху да на Рождество. Все лелеял мысль приехать к вам — восстановить душевное равновесие, потому и письма откладывал, не писал. Все думал, приеду — пообщаемся, а сам, ну... простите меня, матушка, грешника. 278 — За что ж тебя прощать, смотри, какой крюк сделал. Жаль только, что ненадолго. — А вы как живете? — А у нас много новостей. Ну, первую я тебе уже сказала. Теперь наш отец Василий — Его Высокопреподобие. Потом, мы теперь служим в деревне. Живем пока здесь, а церковь наша в селе Родино. Храм ново-построенный, бревенчатый, резной весь. Освящена прошлой осенью в честь пророка Илии. А наш батюшка теперь настоятель этой церкви. Ему поручили окормлять всю ту округу, вдоль по Волго-Балту. Самая дальняя деревня пятьдесят километров, только знай мотайся. Ему нравится. Места там, конечно, дивные. После Казахстана-то столько воды — озера, реки. Там же, в Родине, доделываем дом большой, больше этого. А пока строимся, нам разрешили пожить в этом. Матушка поставила на стол чашку с дымящимся крепким чаем, выставила моршковое варенье и брусничного пирога. — Простите, матушка, я чего-то совсем забыл. Я ж подарки привез. Вадим подошел к сумке и выложил свои дары. Они были похожи на новогодние подарки: конфеты, игрушки, книжки. — А это вам, матушка Ирина. Хоть и говорят, что духи дарить опасно, можно не угадать, но это единственное, в чем я неплохо разбираюсь. Прошу. А батюшке нашел в одном питерском храме вот такой набор: Евангелие, Псалтирь и Каноник в одной коробочке. Здесь кожаные обложки, золотой обрез. Думаю, ему понравится. 279 — Все очень здорово! Спаси тебя Господи! — улыбнулась матушка, держа в охапке все коробки и пакеты и с умилением глядя на сидящего на корточках у своей сумки Вадима. — Чай только остынет. * * * В машину отца Василия Вадим сел с легкой полуулыбкой: — А что так кисло, отче? Я полагал, вы уже на джипе рассекаете, а вижу вместо этого отечественный костотряс. — Не придирайтесь, ваше благородие, что есть — на том и ездим. По-любому это лучше, чем хорошо идти. Тем паче дороги у нас — аккуратно под эту машину, ничуть не лучше. Батюшка перекрестился, благословил путь, и машина тронулась. На первом же подскоке Вадим пристегнулся. Город, будто на улице был не XXI век, жил патриархальной жизнью. Старушка на колясочке везла лубяной короб — опираясь на кичигу, шла полоскать на озеро. Мужик стоял у колонки, набирая воду в алюминиевую флягу. Под лоджиями многоэтажных домов красовались симпатичные оранжевые поленицы ольховых дров. Даже киоск «Роспечати» был украшен кружевной деревянной резьбой. Они проехали мимо действующей церкви и свернули на дорогу, ведущую в Старое Село. — Вы будете заняты на службе, поэтому, если можно, пока мы едем, расскажите мне, что изменилось в вашей жизни после ТОЙ ЛИТУРГИИ, о которой вы мне писали, — поинтересовался Вадим. 280 — Да многое изменилось. Тот храм на острове разобрали, ввиду опасности дальнейшего обрушения. Расчистили все вокруг, срубили деревья. Там теперь близко проходит фарватер. Получился такой островок из кирпичного щебня. Сначала мы поставили там памятный крест, высокий — метров семь, а прошлым летом из остатков кирпича сложили небольшую часовенку. Осветили ее в честь Покрова Богородицы, а та икона, ты помнишь, что мне старец Георгий благословил, теперь там — в той часовне. Два раза в год, на Покров и в день того ЧУДА, мы совершаем туда лодочные крестные ходы. Собирается народу до полусотни. После того БОГОСЛУЖЕНИЯ Александр Фомин переменялся — уверовал в Бога. И на свои средства сначала выкупил у Гledenского райпо магазин, бывшую часовню. Для этого пришлось, кстати, построить в Родине новый сельмаг. А впоследствии рядом построил вот тот храм, куда мы сейчас и едем. Храм получился на славу. Он похож на северные, архангельские или даже карельские церкви. Свои мужики рубили, как в старину, без единого гвоздя. В часовне же теперь служим погребения. А Александр теперь — ктитор нашего храма. — Ктитор — это староста? — Нет. Ктитор — это штатный благодетель. — Понятно. Попечитель. — Жена его, Наталья Фомина, оказалась замечательным музыкантом. Она окончила регентские курсы и теперь руководит церковным хором. Все удивляются интонациям ее пения. Только я знаю, что в ее пении отражена та манера исполнения, которую она слышала в ТОТ день, узнается настоящее ангельское пение. Дочку свою, Настю, тоже берет на клирос, вместе поют. 281 Саша с той поры не выходит из церкви. Много читает духовной литературы, исповедуется, причащается. Помогает мне в алтаре, читает на службе часы, паремии, Апостол. Все прошлое лето провел на Валааме трудником в монастыре, ему скоро в армию идти, так хочет попасть в православную роту. Вообще я смотрю на него — настоящий монах растет, а еще говорят, монахами не рождаются. Со сверстниками он почти не общается, много молится, много времени проводит в уединении — там, на Покровском острове. В той часовне все убранство — его работа. Да и еще, если верить его рассказам (а я с некоторых пор привык доверять ему), там, в этой часовне, ему иногда является его Ангел-Света. Они подолгу беседуют, отчего юноша наш не по возрасту вразумлен в духовной мудрости и ему легко даются древние языки. Я, вслед за Сашей, побывал на Валааме, так отцы-монахи хвалили мне его ученость, он им там даже что-то вроде лекций читал. Вот будет диво, если на острове этом вырастет когда-нибудь обитель — вроде той, что на Спасе Каменном. Подвижник уже готов — «наставниче монахов и собеседниче ангелов». Дедушка его Аверьян Петрович умер прошлой зимой. Незадолго до кончины пособоровался, исповедовался и причастился. Умер тихо, если не сказать блаженно. Домик свой подписал Сашке. И нас благодетельствовал не меньше своего сына. Когда мы церковь только построили, само собой, встал вопрос о том, как наполнить ее утварью. И тут приглашает меня Аверьян Петрович и проводит в свою мастерскую. Там за шкафом у него дверь, за которой была потайная комната. А в ней, в этой комнате, — настоящий реликварий. Чего там только не было — старинные иконы в ризах, кресты, дарохранительницы, 282 Евангелия и прочие книги, подсвечники, кадила, всего видимо-невидимо. От пола до потолка вся комната просто забита предметами церковной утвари. Причем старинной. — Коллекция? — Нет, не совсем. Оказалось, что тридцать лет назад во время рыбалки на Волго-Балте он услышал взрыв на Покровском острове и поплыл туда посмотреть. И представь, он

подплывает к острову, а ему навстречу выплывает плот, на котором натарено полным-полно всякой церковной утвари. Судя по всему, охотники за иконами добрались до церкви, но напоролась там на мину или сами пытались что-то подорвать да погибли. Как он ни кричал, ему никто не ответил. Тогда он привязал плот к своей лодке, да и притянул это все домой. Прибрал до поры, как он сам выразился. Даже домашние его не знали, что он прячет там в своей кладовой. Вот пора и пришла, когда все это понадобилось. Теперь наш храм в одночасье стал самым богатым храмом в округе. Охраняем его как зеницу ока. Тем временем они подъехали к Родину. Храм и впрямь поражаешь своей гармоничной красотой. — Вижу, батюшка, вы все получили от Господа, что просили, потому что поступили по послушанию, — вздохнул Вадим, выбираясь из остановившегося автомобиля. — А я, дурило, не послушал, что велел мне старец, поступил по-своему. И вот теперь горько раскаиваюсь. Примешь, отче, мое покаяние? — Как же не принять? Исповедуйся, на то ты и в церковь приехал. — Спаси Христос, отче! А почему храм Ильинский? Часовня была в честь пророка? 283 — Нет. Часовня посвящена Николаю Угоднику — Никольская. Когда только заложили храм, Саша побывал на Покровском острове, после того как гидротехники закончили свою работу. И там, у кромки берега, чудесным образом обрел икону Илии Пророка в серебряной ризе. И это после того, как там все перекопали. Памятуя о том, что в старой церкви был придел в честь Илии, мы решили, что это знак от Бога, и нарекли храм в честь пророка Божия. — Да, поистине здесь святая земля, и все кругом святые. * * * Служба в Ильинском храме начиналась достаточно поздно, в десять часов. Такой график богослужений сложился в зависимости от расписания автобуса, который привозил прихожан из Гледенска. Свои же собирались со всей округи, кто «на лошаде», кто на лодке, кто через болота пешком. Дорогу-грунтовку проложили в Родине совсем недавно, и церковь стала доступной и жителям района. На воскресную литургию собиралось до сотни человек. Много было молодых. Не боялись приезжать сюда и мужчины. Владыка служил здесь уже дважды: первый раз, когда освящал этот храм с сонмом духовенства, а второй раз прошлый престол — на Ильин день. Убранство храма и впрямь не уступало городским церквям. Совсем не было ощущения новодела. Из-за того, что иконы и утварь вся были старинные, да и сам храм был собран по старинке, атмосфера была как не в этом веке. Свечи горели восковые. Бревенчатые стены. Хорос вместо паникадила. Лампы стилизованы под 284 свечи. Посреди, у аналоя, стоял высокий юноша в стихаре с открытой книгой. И как только прозвучал благословляющий возглас, он басовитым голосом начал чтение часов. Ударил колокол. Народец в церкви попритих. Чтение псалмов лилось спокойно и размеренно, как река Шексна за окном. Приятно пахло ладаном. И невольно умиленная душа рождала слезы. Но вот часы прочитаны. Зажжены все светильники. За резным узором царских врат Вадим увидел фигуру отца Василия в парчовых ризах, склонившегося над Евангелием. В минутной паузе раздался колокольный перезвон. Священник поднял Евангелие и, совершив им крест на престоле, возгласил: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веко-о-ов». Клирос отозвался быстрой настройкой. Регент дала три ноты, взмахнула рукой, и над замершим молитвенным людом поплыло протяжное: «А-а-ами-и-и-и-инь».

Об авторе

Отец Алексей родился в 1970 году в дер. Обросово Сокольского р-на Вологодской области, где отец его был директором сельского клуба, а мать — учительницей музыки. Школу окончил в 1987 году в г. Кадникове и поступил в Ярославский университет на факультет биологии, с мечтой посвятить жизнь палеонтологии. В 1989 году он принял крещение с именем Алексей и поступил на службу в Церковь. Несмотря на то что вхождение в мир веры проходило непросто, главным делом его жизни стало служение Богу в священном сане. Стать священнослужителем довелось в Казахстане в 1992 году, в г. Уральске. Дальше — приходское служение в городах Эмба, Челкар, Хромтау Актюбинской обл. и в селе Денисовка Кустанайской обл. В 2000 году отец Алексей вернулся на родину, где трудился на приходах городов Белозерска и Кириллова. В 2003 году отец Алексей окончил Самарскую семинарию и, защитившись по высшему разряду, стал бакалавром богословия. В 2005 году он был удостоен сана протоиерея. Роман «Незавершенная литургия» — первая художественная книга автора, чье главное занятие — церковное, священническое служение в Воскресенском Горицком женском монастыре. Почему священник пишет книгу? А зачем люди читают книжки? Для удовольствия и рассуждения. Нужен способ, чтобы рассказывать свою собственную жизнь. У каждого из нас есть потребность в понимании логики жизни, ее мисти- 286 ческих начал, в представлении о силах, организующих ее сюжет. В то время как художественная литература продолжает описывать мир в категориях случая, внешних обстоятельств, среды, «лишних людей», героев и злоумышленников и проч., он нуждается в метафизическом основании. Святость земли, мистика Божьего промысла, таинственным образом входящего в судьбу, и свобода собственного выбора — то, чем живет христианин. С человеком и страной нечто происходит. Для понимания происходящего нужна история, история, которая придавала бы собственной и общей жизни сюжет. И это — главная тема романа отца Алексея. Дефицит таких историй сегодня очевиден. Перед вами дебютный роман протоиерея Алексея Мокиевского. Отец Алексей служит священником в Воскресенском Горицком монастыре (г. Кириллов Вологодской области), он автор многочисленных работ по краеведению, фресковой живописи, храмовой архитектуре. Роман «Незавершенная литургия» — первое обращение отца Алексея к беллетристическому жанру. Начало 20-х годов прошлого века, время гонений на Церковь. В одном из храмов Русского Севера в престольный праздник подходит к завершению служба. Священник, причастившись Святых Даров, читает в алтаре благодарственные молитвы, прежде чем начать причащать паству И тут случается непредвиденное — священника арестовывает Губчека, литургия, без совершения главного таинства, остается неоконченной. Время останавливается... Роман протоиерея Алексея Мокиевского — книга о чуде. Чудеса с его

героями происходят на каждом шагу. Но главный итог их поисков — чудо обретения веры. Спустя восемьдесят лет заброшенный храм должен быть открыт вновь. Неверующие уверуют, и Литургия будет продолжена.